

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ

- Кленова Т. В.** *«Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него».* Межрегиональная научно-практическая конференция с международным участием. 23 мая 2018 года 7

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Ромашов Р. А.** Соотношение преступления, уголовного закона, уголовной политики в контексте «волновой теории» Э. Тоффлера 9
- Бибик О. Н.** Стратегические приоритеты уголовного права – возмездие или ресоциализация? 17
- Безверхов А. Г.** Понятие наказания в уголовном законодательстве России 24
- Кленова Т. В., Щукина Н. П.** Об основаниях и задачах нетипичного нормативного правового акта «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него» 29
- Климанова О. В.** Ресоциализация лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, в нормативных актах: пробелы и противоречия 34
- Пивоварова А. А.** Практика назначения уголовного наказания лицам, повторно совершившим преступления, с точки зрения обеспечения ресоциализации 41
- Идрисов И. Т.** Назначение и исполнение наказаний, связанных с трудовым воздействием, и возможность ресоциализации осужденных 47
- Пудовочкин Ю. Е.** Ресоциализация в контексте нормативной регламентации мер уголовно-правового характера 53
- Идрисов Н. Т.** О противодействии рецидивной преступности (на основе практики Следственного комитета Российской Федерации) 61

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Селиверстов В. И.** Исправительная доктрина и ее влияние на положение лиц, освобожденных от отбывания наказания 65
- Борсученко С. А.** Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование 74
- Адоевская О. А.** О проблеме гарантирования прав лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы или освобожденных от него 80
- Усеев Р. З.** Освобождение осужденных из мест лишения свободы: факторы влияния и некоторые организационно-правовые проблемы 85
- Хаснутдинов Р. Р.** Системный подход к организации постпенитенциарной помощи лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы 90
- Халилов Р. Н.** Участие институтов гражданского общества в процессе социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы (модель Республики Татарстан) 95

КРИМИНОЛОГИЯ

- Щукина Н. П., Никитина Б. А.** Роль ресурсов человеческого и социального капитала в ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него 100
- Голенко Д. В.** Проблемы и ожидаемые результаты криминологического прогнозирования поведения лиц, отбывших наказание 111
- Розенцвайг А. И.** Зарубежные модели практик ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него: криминологический анализ 118
- Мантарова А. И.** Ресоциализация лиц, отбывающих и отбывших уголовное наказание, – из опыта Болгарии 126
- Ежова О. Н.** Зарубежный опыт организации процесса ресоциализации осужденных к лишению свободы 132

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- Семенова Д. М.** К вопросу о дифференциации уголовной ответственности за повторные преступления 138
- Уголькова Е. И.** Право осужденных к лишению свободы на охрану здоровья и медико-санитарное обеспечение как необходимая составляющая их ресоциализации 142
- Стольников П. М.** Проблемы обеспечения процессуальной самостоятельности следователя в российском уголовном процессе 148
- Сведения об авторах* 154
- Требования к оформлению статей* 159

CONTENTS

EVENTS

- Klenova T. V.** *«Resocialization and real inclusion into the civil society of persons who have served a criminal sentence and released from it». Interregional research and practical conference with international participation. 23 may 2018* 7

CRIMINAL LAW

- Romashov R. A.** Interrelations between the crime, criminal law and criminal policy within E. Toffler «wave theory» context 9
- Bibik O. N.** Strategic priorities of criminal law – retribution or resocialization? 17
- Bezverhov A. G.** The concept of punishment in the criminal legislation of Russia 24
- Klenova T. V., Shchukina N. P.** About the bases and tasks of the atypical regulatory legal act «Road Map of resocialization and real inclusion into the civil society of persons who have served a criminal sentence and were released from it» 29
- Klimanova O. V.** Resocialization of persons who have served criminal penalty and were released from it in regulatory acts: legal gaps and contradictions 34
- Pivovarov A. A.** Practice of assigning a criminal offense for persons who have repeatedly committed crimes to ensure resocialization 41
- Idrisov I. T.** The practice of assigning and execution of sanctions related to employment effects and the possibility of resocialization of prisoners 47
- Pudovochkin Yu. E.** Resocialization in the context of normative regulation measures of a criminal-legal nature 53
- Idrisov N. T.** On counteracting recidivism (based on the practice of the investigative committee of the Russian Federation) 61

CRIMINAL AND PENAL LAW

- Seliverstov V. I.** Correctional doctrine and its impact on the status of an individual exonerated from serving their sentences 65
- Borsuchenko S. A.** Resocialization and social adaptation of prisoners: concept, content, legal regulation 74
- Adoyevskaya O. A.** About the problem of guaranteing of the rights of persons, disclaimed punishment as a deprivation of freedom or exempted from it 80
- Useev R. Z.** Release of the condemned from places of deprivation of freedom: factors of influence and some organizational and legal problems 85
- Khasnutdinov R. R.** System approach to the organization of postpenitentiary help to the persons who have served sentence in the form of imprisonment 90
- Khalilov R. N.** Participation of civil society institutions in the process of social rehabilitation of persons released from prison (model of the Republic of Tatarstan) 95

CRIMINAL SCIENCE

- Shchukina N. P., Nikitina B. A.** Role of human and social capital resources in the process of resocialization of persons who have served a criminal penalty and who have been released from it 100
- Golenko D. V.** Problems and expected results of the criminological forecasting of behavior of persons decreasing punishment 111
- Rozentsvaig A. I.** Foreign models of resocialization practices for persons who have served criminal punishment and have been released from it: criminological analysis 118
- Mantarova A. I.** Resocialization of persons serving or having served prison sentences (from the experience of Bulgaria) 126
- Ezhova O. N.** Foreign experience of the organization of the process of resocialization of a sentenced to imprisonment 132

TRIBUNE OF A YOUNG SCIENTIST

- Semenova D. M.** On the issue of differentiation of criminal responsibility for repeated crimes 138
- Ugolkova E. I.** The right of convicts to health care and health service support as an indispensable component of their resocialization 142
- Stolnikov P. M.** Issues of ensuring procedural independence of an investigator in Russian criminal proceedings 148
- Information about the authors* 154
- Requirements to the design of articles* 159

СОБЫТИЯ

«РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ И РЕАЛЬНОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛИЦ, ОТБЫВШИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ И ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ НЕГО». МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ. 23 МАЯ 2018 ГОДА

«RESOCIALIZATION AND REAL INCLUSION INTO THE CIVIL SOCIETY OF PERSONS WHO HAVE SERVED A CRIMINAL SENTENCE AND RELEASED FROM IT». INTERREGIONAL RESEARCH AND PRACTICAL CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION. 23 MAY 2018

Значимым событием в общественно-политической жизни Самарской области стала межрегиональная научно-практическая конференция с международным участием «Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него», проведенная 23 мая 2018 года Самарским национальным исследовательским университетом имени академика С.П. Королева при участии и поддержке правительства Самарской области, Общественной палаты Самарской области, Союза женщин Самарской области, Самарского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», УФСИН России по Самарской области, ГУ МВД России по Самарской области, Самарского юридического института ФСИН России, Самарского государственного медицинского университета, Тольяттинского государственного университета и др.

В 2017 году проект № 17-1-008568 «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)», заявленный Союзом женщин Самарской области при научном обеспечении Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, получил грант Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленный Фондом президентских грантов. Благодаря этому гранту состоялась настоящая конференция.

Место проведения конференции – конференц-зал правительства Самарской области (г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 210). Число участников – более 300 человек.

Особая значимость события была подчеркнута приветствием временно исполняющего обязанности губернатора Самарской области *Дмитрия Игоревича Азарова*, которое передал участникам конференции *Владимир Игоревич Моргунов*, заместитель руководителя администрации губернатора Самарской области – руководитель Главного правового управления. «Проведение конференции

является важным событием как для нашего региона, так и для всей России в целом, – говорилось в обращении. – Отраднo, что именно в Самаре совместными усилиями ученых и общественных организаций разработан серьезный социальный проект, удостоенный гранта Президента Российской Федерации. К сожалению, зачастую оступившиеся граждане оказываются вычеркнутыми из общественной жизни, не чувствуют себя востребованными. И как следствие – возвращаются к незаконной деятельности. Мы должны сделать все возможное, чтобы минимизировать такие случаи».

Апробация проекта «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)» (далее – Дорожная карта) стала основной целью конференции. Дорожная карта была представлена в качестве нового нетипичного нормативного правового акта, который бы выполнил одновременно политическую и технико-юридическую роль в ресоциализационном процессе и стал бы базовым официальным источником законодательства о ресоциализации. Дорожная карта – пример «коллективного» нормативного правового акта, поскольку предполагается, что в его разработке и принятии будут участвовать представители государственной власти совместно с представителями гражданского общества. Проблема предупреждения преступности в равной степени интересует государство и общество и может обусловить реальное социальное партнерство государства и активных участников гражданского общества.

Задачи конференции:

- привлечь внимание к состоянию рецидивной (повторной) преступности. По информации Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ, в 2017 г. удельный вес повторных преступлений среди лиц, ранее совершавших преступления, составляет 58,2 % (аналогичный показатель 2016 г. – 56,7 %) от всех предварительно расследованных преступлений. Еще более тревожное положение в При-

волжском федеральном округе. Так, по данным прокуратуры Самарской области, в 2016 г. удельный вес рецидивов преступлений среди лиц, ранее совершавших преступления, был 60,6 % (по Приволжскому федеральному округу – 59,7 %), в 2017 г. удельный вес повторных преступлений составил 60,2 % (по Приволжскому федеральному округу – 61,5 %);

- напомнить о практике поручений Президента Российской Федерации о создании системы социальной реабилитации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Например, непосредственно после опубликования поручения Президента Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № Пр-444 в регионах Российской Федерации были приняты программы социальной адаптации (реабилитации) освобожденных лиц, но к настоящему времени в большинстве своем они либо не продлены вовсе, либо трансформировались в малоэффективные краткосрочные подпрограммы иных государственных программ с ограниченным финансированием;

- рассмотреть вопрос о круге субъектов пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации.

Проблема ресоциализации актуальна не только для осужденных к лишению свободы, но и лиц, которым было назначено иное наказание, а также условно осужденных.

В действующих нормативных правовых актах органы МВД РФ и ФСИН РФ не включены в перечень субъектов ресоциализационных постпенитенциарных мероприятий, а также в целом не обеспечивается межведомственное взаимодействие государственных органов и учреждений.

В настоящее время не определены основания и пределы участия частных организаций и лиц в ресоциализационных мероприятиях;

- обсудить выявленные в ходе проекта проблемы сотрудничества представителей государ-

ственной власти, гражданского общества, а также субъектов предпринимательской деятельности по направлению ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него;

- разработать комплекс мер ресоциализационной направленности, базирующихся на партнерстве государственной власти и гражданского общества;

- рассмотреть возможность компенсирования современной пенитенциарной уголовной политики, отличающейся понижением репрессивного содержания, активной ресоциализационной постпенитенциарной практикой в отношении осужденных.

В представленном номере журнала опубликованы статьи, подготовленные участниками проекта № 17-1-008568 «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)» и другими научными исследователями, выступившими на конференции с докладами.

Материал о событии подготовила куратор проекта и модератор конференции, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор
T. V. Klenova

The material about the event was prepared by the project officer and moderator of the conference, head of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, Doctor of Laws, professor
T. V. Klenova

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.7

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-9-16

Р. А. Ромашов*

СООТНОШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, УГОЛОВНОГО ЗАКОНА, УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ «ВОЛНОВОЙ ТЕОРИИ» Э. ТОФФЛЕРА

Автор излагает понимание феноменов «преступление» и «преступность» и особенностей уголовной политики на различных этапах становления и развития отечественного уголовного права. В качестве концептуального основания сравнительного анализа перечисленных категорий автор предлагает избрать «волновую теорию» Э. Тоффлера, в соответствии с которой человечество в своем историческом развитии попадает под влияние трех волн, каждая из которых является этапом цивилизационного развития и не зависит от национально-культурных особенностей той или иной социальной общности, а также от формы государственного устройства и политического режима. «Волны Тоффлера» подразделяются на сельскохозяйственную, индустриальную и информационную. В рамках каждой волны претерпевают качественные трансформации все общественные отношения, от устройства семьи до базовых оснований государства, права, экономики. Россия на всех этапах своего развития тяготела к первой волне – «культуры земли», в рамках которой право представляло собой возведенную в закон волю представителей государственной бюрократии. В современных условиях наблюдается практически одновременное воздействие на политико-правовую систему индустриальной и информационной волн, что, с одной стороны, предопределяет возможности перехода государственно-правовой системы России на более высокую ступень цивилизационного развития, а с другой стороны, повышает опасность деструктивных изменений, связанных с «волновой несовместимостью».

Ключевые слова: государство, право, преступление, преступность, уголовная политика, волновая теория Э. Тоффлера, уголовное законодательство, нормативный правовой акт, криминальный мир, правоохранительная система, правоохранительные органы, государственная идеология.

1. Постановка проблемы. Уголовная политика – управленческая деятельность государства в сфере профилактики преступности; уголовного преследования; уголовного правосудия; исполнения уголовно-правовых наказаний и ресоциализации осужденных.

Взяв за основу дальнейших рассуждений вышеприведенное определение, следует постараться ответить на ряд вопросов:

- что такое преступление и преступность?
- меняется ли представление о преступлении и преступности на различных этапах политико-правового развития?
- как соотносятся уголовная политика, уголовное законодательство и преступность?

Из содержания действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) следует, что, во-первых, современный российский уголовный закон – это действующий УК РФ; во-вторых, преступлением признается виновно совершенное общественно опасное и противоправное деяние, ответственность за которое предусмотрена в действующем уголовном законе (в УК РФ). В отличие от преступления, представляющего уголовно-правовую (законодательно определенную и закрепленную) категорию, преступность – объект изучения криминологии.

Говорить о преступности и формирующих ее преступлениях следует как в объективном (абстрактном), так и в юридико-социологическом

*© Ромашов Р. А., 2018

Ромашов Роман Анатольевич (romashov.roman2016@yandex.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

(статистическом) аспектах [2, с. 55а–63; 5, с. 103–107; 9, с. 156–160].

В качестве явлений объективной реальности преступление (акт поведения человека) и преступность (социальное явление) возникают одновременно с зарождением государства и права. «Криминальный мир» является «правовым антимиром», который определяется легальным государственно-правовым миром как его нелегальный антипод. В таком понимании можно и нужно говорить о преступлении и преступности как об обязательном сущностном признаке государственно-правовой системы. Соотношение государства и преступности определяется их конкурентной борьбой. Не будучи способными окончательно уничтожить друг друга, названные социально-культурные феномены вынуждены сосуществовать. При этом их взаимодействие осуществляется как в конфликтных, так и в консенсуальных формах.

Рассмотрение преступности в юридико-социологическом аспекте предполагает:

- наличие нормативного правового акта, закрепляющего общее понятие преступления, виды преступлений, а также ответственность за их совершение;
- наличие специализированной правоохранительной системы, в которой органы и должностные лица наделены функциональными полномочиями в области выявления, пресечения, расследования преступлений;
- наличие специализированной системы исполнения уголовных наказаний;
- наличие социологических средств и технологий, обеспечивающих достоверную оценку состояния преступности и эффективности государственных мер по противодействию данному виду правовой девиации.

В качестве следствий перечисленных формально-логических оснований выступают такие положения как:

- преступление в формально-юридическом понимании – неотъемлемая часть уголовного права;
- позитивное уголовное право получает свое формальное выражение в действующем уголовном законодательстве;
- не является преступлением деяние, не закрепленное в качестве такового в действующем уголовном законодательстве. При этом законодательному закреплению подлежат как отдельные виды преступлений, так и общая дефиниция преступления как вида социального поведения;
- нельзя признать человека виновным в совершении преступления вне установленной законом процедуры и во внесудебном порядке;
- наказание, установленное за преступление, не может быть применено к виновному вне установленной законом процедуры.

Общий вывод: преступление как юридическое явление не существует вне формально-правового поля [10, с. 205].

Как уже ранее отмечалось, говорить о преступлении и преступности в плане объективной реальности можно с момента возникновения государства и права. В частности, анализ содержания «Русской правды» позволяет выделять такие виды уголовно-правовых запретов, как: убийство – «если убьет муж мужа» (ст. 1); нанесение телесных повреждений – «если кто будет избит до крови или до синяков» (ст. 2); злостное хулиганство – «если кто кого-либо ударит палкой, жердью, ладонью, чашей, рогом или тылом оружия» (ст. 3); преступления против собственности – «если кто возьмет чужого коня, оружие или одежду» (ст. 12) и др. [1]. Вместе с тем рассматривать вышеперечисленные деяния в качестве преступлений в современном понимании этого термина нельзя. Архаическое уголовное право, основанное на обычаях («законе отцов») и княжеской воле («правде»), в современном – формально-юридическом – смысле уголовным законодательством не является. Соответственно, мы можем говорить о преступлении и преступности как об объективной, но не юридико-социологической реальности. Точно так же, как применительно к законам природы, следует говорить о существовании объективных закономерностей, скажем гравитации, и открытии с последующим обоснованием и формальным закреплением научных законов закона всемирного тяготения.

2. «Волновая теория Э. Тоффлера» – методологическое основание понимания преступления, преступности, уголовной политики. Для того чтобы привести дальнейшие рассуждения о соотношении феноменов преступления, преступности, уголовной политики к логической последовательности, на мой взгляд, целесообразно воспользоваться «волновой теорией» Э. Тоффлера, в рамках которой выделяются три этапа (волны) цивилизационного развития человечества [11, с. 6–261]. Каждая из «волн» качественным образом меняет мир человеческих отношений, оказывая мощное преобразующее воздействие, в том числе на состояние «криминального мира», столь же подверженного трансформационным изменениям, что и «легальный» политико-правовой мир.

Первая волна влечет за собой формирование «сельскохозяйственной цивилизации» – культуры земли. Для данного типа характерно восприятие общества и государства по аналогии с личным хозяйством (поместьем). Общество представлено двумя основными социальными группами: традиционной семьей и феодальным государством. Малое и большое отечества представляют собой землю, на которой проживают и к которой «прикреплены» формальными и неформальными связями подданные своего отца (государя). Семья выполняет большинство социальных функций (воспитание, образование, социальное обеспечение, медицинское обслуживание и т. п.), главной из которых является поддержание связи поколений и передача семейной традиции – «закона отцов».

Государство воспринимается как некий абстрактный порядок, в котором есть строгий, но справедливый «Царь-батюшка» и чиновники, скрывающиеся от государя правду и управляющие от его имени угнетенным народом при помощи воплощенной в законе «кривды». Отражением такого отношения к закону является известная русская пословица: «Закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло».

В условиях «культуры земли» отсутствует система права и законодательства в современном их понимании. Правовые нормы получают внешнее выражение в обычаях и властных велениях представителей государственной власти. При этом и в том, и в другом случаях отсутствует как унификация и стандартизация в понимании тех или иных явлений, так и их систематизация. Иными словами, в этот период можно и нужно говорить о существовании отдельных преступлений и наказаний за них, но нельзя говорить об общем понятии преступления, равно как и о существовании в государстве специализированных структур, осуществляющих борьбу с преступностью, уголовное правосудие, а также исполнение уголовных наказаний. Право вообще и уголовное право в частности – это либо передающаяся от поколения к поколению табуированная традиция, опирающаяся в своей содержательности и функциональности на безапелляционное суждение: «Так было всегда и так будет всегда. Отцы наши жили по этому закону, мы живем, и дети наши так жить будут», либо возведенная в форму государева указа бюрократическая воля, в своей реализации всецело зависящая от лица, ее (волю) провозглашающего. В качестве преступления при таком подходе могут выступать в равной степени как правонарушение, так и аморальный либо богопротивный поступок.

На смену сельскохозяйственной цивилизации «культуры земли» приходит волна, несущая индустриальную цивилизацию, «культуру конвейерной технологии». Земельная собственность (поместное хозяйство) вытесняется собственностью на капитал (работающий в целях получения прибыли (прибавочной стоимости) материальный либо финансовый ресурс). Традиционная семья с ее практически нулевой мобильностью сменяется семьей нуклеарной, состоящей из супругов и небольшого количества детей (1–3). Отношения между поколениями, основной задачей которых было сохранение семейной традиции («закона отцов»), сменяются отношениями внутри поколений, при этом «культура детей» фактически отрицает «культуру отцов». Феодальное государство kingdom – владение государя – меняется государством state – публичным порядком общественной организации и политической власти. Право как возведенная в закон воля государя постепенно уступает место закону – технологии общественного устройства и публичной власти, исходящему от всего государственно организованного сообщества и адре-

сованного каждому из его членов, в том числе и представителям государственной бюрократии, включая высшее должностное лицо государства – президента. Индивидуальная власть государя, реализуемая через многофункциональный «двор», трансформируется во власть специализированных корпораций, включенных в единый социо-политический конвейер. Основными принципами общественной организации становятся стандартизация, унификация, профессионализация, иерархизация. Индустриальная волна вносит в человеческую цивилизацию такие новации, как система профессионального высшего образования, прикладная наука, широкомасштабное промышленное производство, урбанизация, социальная мобильность. В мире, где растут городские промышленные центры, эксплуатирующие «оторванный от исторических корней» и лишенный материально-финансовой собственности люмпен-пролетариат, неизбежным следствием урбанизации и индустриализации становятся криминализация общественных отношений и появление организованной преступности. Практически одновременно со структуризацией преступности появляется государственная правоохранительная система (профессиональная полиция, прокуратура, суд), а также государственная система исполнения наказаний (тюрьма). При этом и семья, и государственная бюрократия, и бизнес-структуры, и организованная преступность представляют собой сегменты индустриальной культуры. Они встроены в общий конвейер, где каждый технологический цикл не имеет самостоятельной значимости и вместе с тем существует некая общая циклическая (замкнутая на себя) технология социально-политического развития. Наличие перечисленных факторов позволяет говорить о формировании государственной уголовной политики, целью которой являлись профилактика и борьба с преступностью, осуществление уголовного правосудия и исполнение уголовных наказаний.

«Третья волна» влечет формирование информационного общества, в рамках которого национальное государство перестает быть главенствующим субъектом политико-правовых отношений и монополистом в области формирования и реализации уголовной политики, уступая место наднациональному порядку digital state.

Наряду с национальным уголовным правом, в рамках которого преступлением является только то деяние, которое закреплено в качестве такового в действующем уголовном законе (уголовном кодексе), формируется самостоятельная система международного уголовного права, оперирующая такими понятиями, как «международное преступление» и «международная преступность», а также использующая международные механизмы уголовного преследования, уголовного правосудия и уголовной ответственности.

Влияние «третьей волны» влечет изменение подходов как к структурно-содержательной характеристике феноменов «преступление» и «преступность», так и к форме, содержанию, механизму реализации уголовной политики. В основу понимания феномена «преступление» в рамках информационной культуры положен такой признак, как социальная опасность (вредность) противоправного деяния, его направленность против общечеловеческих ценностей, основной среди которых являются неотъемлемые права человека как личности (право на жизнь, свободу, достоинство, равенство, собственность и др.). Международное сообщество и международное право обладают приоритетом по отношению к национальным государствам в вопросах юридической квалификации деяний индивидуальных и коллективных субъектов, а также в сферах определения видов и мер юридической ответственности и ее реализации. В качестве примера можно привести Нюрнбергский трибунал над руководством нацистской Германии за преступления, совершенные в ходе II мировой войны. Трибунал отверг оправдания подсудимых в связи с совершенными ими злодеяниями в виде ссылок на то, что они действовали в рамках существовавших на тот момент законов, что квалифицироваться в качестве преступления может только деяние, предусмотренное в государственном уголовном законе. Таким образом, уже в середине XX в. был создан прецедент, в рамках которого международное право и процесс доказали свой преимущественный характер по отношению к национальному законодательству.

Появление глобального мирового информационного пространства «Интернет» обусловило не только возникновение новых видов преступлений и, как следствие, новых средств и методов противодействия криминальной деятельности, но и вызвало необходимость переосмысления концептуальных основ государственной и межгосударственной уголовной политики.

В ситуации, когда размывается такое ключевое для национального государства понятие, как «государственный суверенитет», усиливается значение межгосударственных правоохранительных структур, антикриминальная деятельность которых выходит за рамки государственной субординации и регламентируется международно-правовыми нормами. Кроме того, возникает необходимость выработки качественно новой парадигмы уголовной политики, определяющей основные положения и принципы антикриминальной деятельности в условиях когда виртуальная (информационная) реальность, не отменяя материальную (вещную) природу объекта правового регулирования, начинает рассматриваться в качестве «параллельного мира», оказывающего существенное влияние на сознание и поведение субъ-

ектов и права и в силу этого нуждающегося в специальном правовом регулировании.

3. Генезис уголовной политики российского государства в контексте «волновой теории Э. Тоффлера». Россия на всех исторических этапах представляла и представляет государство, в рамках которого противопоставляются аппарат государственной власти, в своей организации и функционировании «замкнутый» на личности главы государства (царя, императора, генерального секретаря ЦК КПСС, президента), и общество, являющееся по отношению к государственной бюрократии объектом властного воздействия. При этом лидер российского государства нередко ассоциируется с отцом семейства, что позволяет говорить о российской цивилизации как о «культуре земли», в которой сильны национальные традиции (преемственность поколений и др.) и где право вообще и уголовное право в частности представляют собой возведенную в закон волю государства, а точнее тех людей, которые выступают от его имени и олицетворяют собой государственную власть.

Начальный этап становления государственной уголовной политики в условиях Российской империи связывается с реформационными преобразованиями Петра I.

В 1715 г. в Санкт-Петербурге учреждается Главная полиция. Генерал-полицмейстером был назначен генерал-адъютант Девиер. Первоначально штат полиции состоял из заместителя генерал-полицмейстера, 4 офицеров и 36 нижних чинов. Полиция не только следила за порядком в городе, но и выполняла ряд хозяйственных функций, занималась благоустройством города – мощением улиц, осушением болотистых мест, уборкой мусора и т. п.

В 1782 г. публикуется «Устав благочиния, или полицейский» – прообраз современного Закона о полиции.

8 сентября 1802 г. Манифестом Александра I утверждается «Учреждение министерств», в соответствии с которым создается МВД. Первоначально полиция в структуру МВД не входила.

В 1810 г. формируется Министерство полиции, к ведению которого отнесен комплекс вопросов, связанных с обеспечением внутренней государственной безопасности.

В 1819 г. Министерство полиции включается в структуру МВД. С этого времени данная структура приобретает собственно полицейский (уголовно-административный охранительный) характер, действующий вплоть до настоящего времени.

В 1836 г. создается Отдельный жандармский корпус (прообраз современной ФСБ).

В 1845 г. принимается Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, по сути своей представляющее первую кодификацию уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права.

В Уложении впервые дается определение преступления. Это «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц, есть преступление».

В Уложении осуществляется дифференциация уголовных и исправительных наказаний. Основной целью первых являлась кара преступника, вторые были ориентированы на возможное исправление и ресоциализацию лица. При этом социальная неоднородность общества предполагала деление осужденных на благородных (изъятых от наказаний телесных) и простых (не изъятых от наказаний телесных).

В 1861 г. отменяется крепостное право, а в 1864 г. утверждается судебная реформа, предусматривающая глобальную модернизацию судебной системы.

В 1879 г. в составе МВД выделяется Главное тюремное управление.

Таким образом, можно констатировать, что в качестве системного комплексного политико-правового образования государственная уголовная политика Российской империи сформировалась во второй половине XIX в.

В своем «окончательном» состоянии система управленческой деятельности в уголовной политике включала в себя МВД (в структуре которого выделялись общеуголовная полиция и политическая полиция (жандармерия)); судебную систему (в том числе суды присяжных и мировые суды); прокуратуру и адвокатуру. Правоохранительная система императорской России была сугубо внутригосударственной. Вместе с тем наличие в Империи национальных образований – Царства Польского, Великого Княжества Финляндского, национально-территориальных образований в Средней Азии и на Кавказе – обусловило сочетание общегосударственных норм и национальных традиций в процессе осуществления правоохранительной деятельности, в том числе в сфере реализации уголовной политики.

Разрушение Российской Империи повлекло за собой структурно-функциональную трансформацию государственной правоохранительной системы. «Пролетариат, завоевавший в Октябрьскую революцию власть, сломал буржуазный государственный аппарат, служивший целям угнетения рабочих масс, со всеми его органами, армией, полицией, судом и церковью. Само собою разумеется, что та же участь постигла и все кодексы буржуазных законов, все буржуазное право» [6].

На смену царской полиции пришла рабоче-крестьянская милиция, первоначально объединявшая полицейские (правоохранительные) и военные функции. Борьбу с контрреволюционным «белым» террором призваны были вести органы ВЧК. Судебную деятельность на первых этапах становле-

ния советской власти осуществляли революционные трибуналы, члены которых в своих решениях ориентировались не на формальное (материальное и процессуальное) право, а на революционное правосознание и «классовое чутье».

Победа в Гражданской войне и стабилизация советского строя обусловили определенную логическую последовательность в структурировании и функционировании правоохранительной системы.

Переход от политики революционной целесообразности к социалистической законности обусловил градацию преступности на две основные составляющие: общеуголовную и политическую [8]. Борьбу с уголовной преступностью осуществляла милиция, входившая в структуру МВД. Борьбу с политической – органы ВЧК (ГПУ), получившие в советской России организационно-функциональную обособленность.

Установление федеративной формы государственного устройства повлекло за собой внедрение двухуровневой системы уголовного законодательства. На федеральном уровне действовали «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», регламентирующие общие положения советского уголовного права. В свою очередь, в союзных республиках принимались республиканские уголовные кодексы, а уголовное правосудие осуществляли суды республиканского подчинения. Еще одной особенностью, касающейся нормативно-правового обеспечения советской уголовной политики, являлось включение в систему уголовного законодательства федеральных подзаконных актов, устанавливавших, помимо уголовных кодексов, ответственность за совершение преступлений. В частности, Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации» закрепляло следующую норму:

«1. Приравнять по своему значению грузы на железнодорожном и водном транспорте к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этих грузов.

2. Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией имущества».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» устанавливал, что

«1. Кража, присвоение, растрата или иное хищение государственного имущества – карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от семи до десяти лет с конфискацией имущества или без конфискации».

Таким образом, система советского уголовного законодательства включала в себя в качестве структурных элементов федеральные рекомендательные акты (Основные начала уголовного законодательства); федеральные неcodифицированные законодательные и подзаконные акты (указы ПВС, постановления ЦИК и СНК); республиканские уголовные кодексы. При этом функцией уголовного законодательства обладали органы законодательной (ПВС) и исполнительной (СНК, ЦИК) власти [7].

Послевоенный период развития советского государства и права, был связан с корректировкой политического курса, связанной с критикой «культ личности И. В. Сталина». Определенная либерализация в политической сфере предопределила изменения в структуре и функциональной направленности правоохранительной системы.

Прежде всего было продекларировано отсутствие в СССР политической (равно как и организованной) преступности. Таким образом, изменилась правоохранительная функция КГБ, переключившегося с противодействия политической преступности на борьбу с преступлениями против социалистического государства и государственной собственности.

В своем «окончательном» варианте советская правоохранительная система была представлена следующими структурными элементами:

- МВД (ОВД) – с функциями противодействия преступности, обеспечения общественного порядка, безопасности дорожного движения, противопожарной безопасности, миграционного контроля, контроля за оборотом наркотиков, исполнения уголовных наказаний, пресечения внутригосударственных конфликтов;

- КГБ – с функциями противодействия преступности, охраны государственной границы, внешней разведки и контрразведки;

- Прокуратурой – обеспечивающей противодействие преступности, а также осуществляющей надзор и контроль за соблюдением законности в государственной и общественной деятельности;

- Судебной системой (народными судами) – осуществляющей правосудие по уголовно-правовым и гражданско-правовым делам.

- Адвокатурой – с функцией защиты субъективных интересов участников уголовного и гражданского процесса;

- Нотариатом – с функцией обеспечения частных правовых интересов физических и юридических лиц.

Как видно из приведенного перечня, функции противодействия преступности в СССР осуществляли три структурных подразделения правоохранительной системы (МВД, КГБ, прокуратура), что нередко являлось причиной для возникновения внутрисистемных противоречий и конфликтов [3, с. 71–78].

Разрушение СССР было обусловлено кризисом государственной коммунистической идеологии и

социалистической хозяйственной системы. Российская Федерация, провозгласив приверженность к общечеловеческим демократическим ценностям, вместе с тем унаследовала от советской системы командно-административный тип регулирования общественных отношений, характерный в первую очередь для «культуры земли». Право в формальном смысле обладает верховенством над государством, однако в реальности продолжает оставаться инструментом претворения в жизнь волюнтаристских установок представителей высшей государственной бюрократии. В отличие от уголовного законодательства СССР, объединявшего широкий круг законодательных актов, уголовное законодательство современной России представлено единственным источником – действующим Уголовным кодексом, который в условиях социально-политической нестабильности претерпевает постоянные изменения, что, в свою очередь, предопределяет перманентную изменчивость уголовной политики Российского государства.

Еще одним фактором, предопределяющим непоследовательность уголовной политики, является структурно-функциональная противоречивость в организации правоохранительной системы. Правоохранительная система современной России находится в стадии становления, обусловленной переходным состоянием российской государственности.

В качестве структурных элементов современной российской правоохранительной системы следует выделить:

- 3 министерства – МВД, МЧС, Минюст;

- 6 федеральных служб – ФСБ, ФСО, ФСИН, ФССП, Федеральную фельдъегерскую службу, Федеральную службу войск национальной гвардии;

- Генеральную прокуратуру;

- Следственный комитет;

- Судебную систему (Конституционный Суд, Верховный Суд, конституционные и мировые суды субъектов РФ);

- Адвокатуру;

- Нотариат;

- Внутригосударственные правозащитные организации (третейские суды, медиаторские компании, общество защиты прав потребителей, общество солдатских матерей и т. п.);

- Международные правозащитные и судебные организации (ЕСПЧ).

Как видим, структура правоохранительной системы современной России приобрела более расширенный по сравнению с имперским и советским аналогами структурный состав. Говоря об эффективности правоохранительной деятельности, следует отметить, что возникает достаточно много противоречий в области разделения предметов ведения и процессуальных полномочий МВД, ФСБ, СК. Кроме того, проблемной является область со-

отнесения международного права и национального законодательства в области обеспечения и защиты прав человека и гражданина, которые в соответствии со ст. 2 Конституции России объявляются основной ценностью. Безусловно, столь масштабное расширение аппарата правоохранительной системы обусловило ее бюрократизацию и ослабление внутрисистемного взаимодействия. Вместе с тем эти и многие проблемы являются неизбежными «болезнями роста», свойственными любой системе в период ее становления. Правоохранительная система современной России, равно как и действующее уголовное законодательство, являясь важнейшими структурными составляющими уголовной политики российского государства, в целом выполняют возложенные на них функции и обеспечивают внутреннюю безопасность государства и общества от преступных проявлений [4].

Библиографический список

1. Документ «Русская правда». URL: <http://diletant.media/articles/34303536> (дата обращения: 23.04.2018).
2. Елифанова Е. В. Российская уголовно-правовая наука о понятии преступления // Журнал российского права. 2008. № 4 (136). С. 55–63.
3. Камалова Г. Т. Теоретические основы становления советской модели правоохранительной системы // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–4. С. 71–78.
4. Малько А. В., Синюков В. Н., Нырклов В. В. Правоохранительная система современной России: соотношение и стратегия развития // Современное общество и право. 2011. № 1. С. 41–50.
5. Папышева Е. С. Криминалистическая характеристика и модель преступления: соотношение понятий // Уголовное право. 2009. № 3. С. 103–107.
6. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: утв. Постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР от 12 декабря 1919 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901870462> (дата обращения: 23.04.2018).
7. Савелов О. П. Уголовное законодательство об ответственности за преступления против собственности в советский период // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 8. С. 162–168.
8. Сакаев А. И. Система видов наказаний по уголовному законодательству России советского периода // Мониторинг правоприменения. 2013. № 1. С. 16–34.
9. Серова Е. Б. К вопросу о криминалистическом понятии преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 2. С. 156–160.
10. Ромашов Р. А., Пеньковский Е. В. Философия права и преступления. СПб.: Алетейя, 2015. 344 с.
11. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 784 с.

References

1. Dokument «Russkaia pravda» [Document «Russian Truth»]. Available at: <http://diletant.media/articles/34303536/> (accessed: 23.04.2018) [in Russian].
2. Epifanova E. V. Rossiiskaia ugovolno-pravovaia nauka o poniatii prestupleniia [Russian criminal law science on the concept of crime]. Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law], 2008, no. 4 (136), pp. 55–63 [in Russian].
3. Kamalova G. T. Teoreticheskie osnovy stanovleniia sovetskoi modeli pravookhranitelnoi sistemy [Theoretical bases of formation of the Soviet model of the law enforcement system]. Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya of Altai State University Journal], 2008, no. 4–4, pp. 71–78 [in Russian].
4. Mal'ko A. V., Sinyukov V. N., Nyrkov V. V. Pravookhranitelnaia sistema sovremennoi Rossii: sootnoshenie i strategiiia razvitiia [Law-enforcement system of modern Russia: correlation and development strategy]. Sovremennoe obshchestvo i pravo [Modern society and law], 2011, no. 1, pp. 41–50 [in Russian].
5. Papyшева E. S. Kriminalisticheskaia kharakteristika i model prestupleniia: sootnoshenie poniatii [Forensic characteristics and model of crime: the relationship of concepts]. Ugolovnoe pravo [Criminal Law], 2009, no. 3, pp. 103–107 [in Russian].
6. Rukovodiashchie nachala po ugovolnomu pravu RSFSR. Utverzhdeny Postanovleniem Narodnogo komissariata iustitsii RSFSR ot 12 dekabria 1919 g. [Guiding principles on the criminal law of the RSFSR. Approved by the Decree of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR dated December 12, 1919]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901870462> (accessed 23.04.2018) [in Russian].
7. Savelov O. P. Ugolovnoe zakonodatelstvo ob otvetstvennosti za prestupleniia protiv sobstvennosti v sovetskii period [Criminal legislation on liability for crimes against property in the Soviet period]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2010, no. 8, pp. 162–168 [in Russian].
8. Sakaev A. I. Sistema vidov nakazanii po ugovolnomu zakonodatel'stvu Rossii sovetskogo perioda [The system of types of punishments under the criminal legislation of Russia of the Soviet period]. Monitoring pravoprimereniia [Monitoring of Law Enforcement], 2013, no. 1, pp. 16–34 [in Russian].
9. Serova E. B. K voprosu o kriminalisticheskom poniatii prestupleniia [On the issue of the criminalistic concept of crime]. Probely v Rossiiskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation], 2009, no. 2, pp. 156–160 [in Russian].
10. Romashov R.A., Pen'kovsky E.V. Filosofiiia prava i prestupleniia [Philosophy of law and crime]. SPb.: Aleteiia, 2015, 344 p. [in Russian].
11. Toffler E. Tret'ya volna [The Third Wave]. M.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999, 784 p. [in Russian].

*R. A. Romashov****INTERRELATIONS BETWEEN THE CRIME, CRIMINAL LAW AND CRIMINAL POLICY
WITHIN E. TOFFLER «WAVE THEORY» CONTEXT**

Author analyzes different approaches to the «crime» and «criminality» phenomenon understanding and criminal policy during formation and development of the Russian criminal law. He proposes E. Toffler «wave theory» as a basis of comparative analysis. According to this theory there were three waves of civilization's progress in the history of mankind, which were independent of society's national and cultural characteristics or political structure and regime. There were agricultural, industrial and informational «Toffler's waves». Within each wave's framework all social links from family to state, law and economy foundations are transformed. During all periods of its history, Russia was inclined to the first wave, the Earth culture. According to it the will of the state bureaucracy became a law. We can see simultaneous affection of the second and the third wave onto political and law system in contemporary world. It predetermines both possibility of advancing Russian state-law system on the higher level of civilization development, also rises the destructive changes linked with «wave incompatibility» danger.

Key words: state, law, crime, criminality, criminal policy, wave theory of E. Toffler, crime law, statutory act, criminal society, law enforcement, law-enforcement authority, state ideology.

---

* *Romashov Roman Anatolievich* (romashov.roman2016@yandex.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

УДК 343

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-17-23

О. Н. Бибик*

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА – ВОЗМЕЗДИЕ ИЛИ РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ?

В статье рассматривается проблема определения приоритетных направлений применения уголовного права. Отмечается, что уголовное право в большей степени ориентировано не на ресоциализацию, а на возмездие, что влечет серьезные социальные издержки. Объяснение этому дается при помощи теории ожидаемой полезности, согласно которой люди зачастую игнорируют долгосрочные последствия, проявляют близорукость. Общество требует возмездия и при этом безосновательно надеется, что впоследствии преступник после отбытого наказания исправится. Указанная проблема рассматривается через призму закономерностей, установленных в экономической науке применительно к сфере инвестиций и потребления. Общество и государство при совершении преступления вынуждены выбирать между немедленным удовлетворением своих потребностей в возмездии (потреблением) и полным либо частичным отказом от уголовного преследования, ресоциализацией лица (инвестициями). При этом отказ от инвестиций приведет в перспективе к уменьшению эффективности системы уголовной юстиции (парадокс бережливости). Делается вывод, что препятствием для пересмотра критикуемой стратегии являются исключительно культурные стереотипы.

Ключевые слова: теория рационального выбора, возмездие, ресоциализация, социальные издержки, стратегические приоритеты, парадокс бережливости, близорукость, инвестиции и потребление.

В уголовном праве провозглашаются три цели наказания, в числе которых восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ). При этом две обозначенные цели – восстановление социальной справедливости и исправление осужденного – нередко конкурируют между собой, в особенности если речь идет о применении смертной казни или пожизненного лишения свободы. В научной литературе задается вопрос: должна ли строгость наказания в решающей степени зависеть от тяжести деяния или от шансов на возможное повторное совершение преступления? [1, р. 456]. Следует признать, что зачастую приоритет отдается в пользу восстановления социальной справедливости, представляющего собой, по сути, возмездие. Такое положение вещей характерно как для развивающихся, так и для промышленно развитых государств. Приведем примеры.

Мишель Мартен была арестована в 1996 г. и осуждена за соучастие в преступлениях, совершенных ее мужем Марком Дютру, которого признали виновным в похищении и изнасиловании шестерых девочек и девушек, четыре из которых умерли. Две потерпевшие были изнасилованы, избиты, накачаны наркотиками и погребены зажи-

во. Две восьмилетние девочки умерли от голода, а до этого были много раз изнасилованы. Марка Дютру приговорили к пожизненному заключению. Мартен признали виновной в соучастии при похищении жертв. Было также доказано, что женщина держала похищенных в заключении, а двух восьмилетних девочек уморила голодом. Суд приговорил М. Мартен, сообщницу «Монстра из Шарлеруа», к 30 годам тюрьмы. После вынесения данного приговора в 1996 г. 300 тысяч человек прошли по Брюсселю в белых одеждах с требованием реформ полиции и судебной системы. В 2012 г., спустя 16 лет, суд удовлетворил ходатайство о досрочном освобождении М. Мартен. После освобождения ее должны были отправить в один из монастырей во Франции. Новость об освобождении преступницы вызвала настолько серьезное общественное негодование, что французские власти отказали ей во въезде. В результате М. Мартен перевели в один из бельгийских монастырей [2–4].

Другой пример – зверское изнасилование студентки в Индии 16 декабря 2012 г. Шестеро пьяных мужчин напали на девушку и ее друга, когда они вечером возвращались из кино домой на автобусе. Виновные избили обоих, а затем изнасиловали девушку железным прутком, чем на-

*© Бибик О. Н., 2018

Бибик Олег Николаевич (olegbibik@mail.ru), кафедра уголовного права и криминологии, юридический факультет, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, 644065, Российская Федерация, г. Омск, ул. 50 лет Профсоюзов, 100, корп. 1.

несли сильнейшие ранения внутренних органов. После этого преступники раздели своих жертв и выбросили из движущегося автобуса. В результате нападения девушка погибла. Указанные события вызвали массовые демонстрации по всей Индии. В Нью-Дели протестующие требовали казнить преступников, ужесточить наказания за сексуальные преступления, а также гарантировать безопасность женщин. В итоге выступления привели к столкновениям с полицией, в которых пострадало около 140 человек. После того как стало известно о смерти изнасилованной девушки, полиция оцепила правительственные здания в Нью-Дели и закрыла десять станций метро, опасаясь новых массовых акций [5].

С учетом вышеизложенного есть основания согласиться с мнением о том, что в настоящее время, «решая вопрос о соответствующих наказаниях за различные преступления, люди обычно руководствуются древним принципом: наказание должно быть сопоставимо с преступлением» [6, с. 68].

К сожалению, в современном уголовном праве не так много примеров воплощения идеи ресоциализации. Одно из направлений, в котором в определенной мере достаточно успешно реализована указанная идея, – это ювенальное уголовное право. Так, основа концепции ювенального уголовного права ФРГ – сочетание чисто воспитательных мер социальной помощи несовершеннолетним с уголовными наказаниями, назначаемыми в виде исключения [7, с. 222]. Ювенальное уголовное право вообще как таковое не имеет цели возмездия, компенсации вины, а направлено на то, чтобы предупредить рецидив, обратить нарушителя к жизни без преступлений, при необходимости – устранить недостатки в социализации [8; 9, S. 358]. Согласно доктрине ювенального уголовного права Германии воспитательные меры не имеют карательного характера, а призваны воспитывать несовершеннолетнего (устранять недостатки в воспитании) и формировать его личность. При назначении данных мер критерием выступает не тяжесть преступления, а потребность в воспитании и восприимчивость к воспитанию [10, с. 89–90].

В ювенальном уголовном праве Германии в качестве наказания, применяемого к несовершеннолетним, используется только лишение свободы в предусмотренном для его исполнения учреждении. Судья назначает наказание, если: 1) против вредных склонностей подростка, проявившихся в поступке, воспитательные меры и принудительные средства безуспешны; 2) из-за тяжести вины необходимо наказание. Часто на практике при применении наказания учитывается как тяжесть вины, так и вредные наклонности [11, S. 218]. Сроки лишения свободы определяются § 18 Закона о суде по делам несовершеннолетних

(Jugendgerichtsgesetz) (далее – JGG). Минимальный срок – 6 месяцев, максимальный – 5 лет. Если в общем уголовном праве наказание за соответствующее преступление составляет более 10 лет лишения свободы, то § 18 абз. 1 JGG предусматривает 10 лет как максимальный срок для несовершеннолетнего. В научной литературе указывается, что именно срок до 5 лет предполагает воспитательный эффект. Большой срок (до 10 лет), назначаемый за наиболее тяжкие преступления, в основном ориентирован не на воспитание, а на удовлетворение потребности в каре и защите общества [12, s. 119]. В российском уголовном праве также признаются данные особенности длительных сроков лишения свободы. После 5–7 лет непрерывного нахождения в местах лишения свободы у осужденных наступают необратимые негативные изменения в психике [13, с. 223–224].

Таким образом, даже в ювенальном уголовном праве, концепция которого ориентирована прежде всего на ресоциализацию, в отдельных случаях приоритет отдается возмездию, на которое нацелено и наказание, применяемое ко взрослым преступникам. Подобное положение дел объясняется особенностями общественного развития.

Понимание наказания как возмездия есть результат перенесения идеи справедливости, порожденной жизнью, на область борьбы с преступностью [14, с. 114]. Иными словами, в обществе до сих пор превалирует идея эквивалентного обмена, предполагающая, что виновный должен понести наказание, соразмерное преступлению («око за око, зуб за зуб»), даже если это никоим образом не повлияет положительно на ресоциализацию лица, а возможно, и серьезно ее затруднит. Указанная стратегия объясняется в том числе закономерностью поведения человека, для которого свойственна близорукость при принятии решений.

В экономической науке сформулирована теория ожидаемой полезности, согласно которой в условиях вероятностного характера знания о будущем человек выбирает такое поведение, которое предполагает максимальную ожидаемую полезность. При этом индивиды с положительной нормой временного предпочтения оценивают текущее потребление или доход выше, чем потребление и доход в будущем [15, с. 494]. «Эффект владения» предполагает склонность людей выше оценивать имеющуюся вещь, нежели аналогичную вещь, которая еще не приобретена ими [16, с. 148–151; 17, р. 1484]. Очевидно, что соответствующие решения не всегда оптимальны. Игнорирование долгосрочных последствий именуется в экономике близорукостью [18, с. 49]. Названные особенности характерны для любого поведения, в том числе при принятии решения о применении уголовной репрессии. Как правило, общество, потерпевший требуют немедленного наказания в

ответ на совершенное преступление. Преступник уже в руках правосудия, удовлетворение может быть получено «здесь и сейчас». Вместе с тем такая стратегия влечет дополнительные социальные издержки, которые нередко многократно перекрывают возможные выгоды по следующим причинам.

Во-первых, излишне расходуется уголовная репрессия, включая затраты на исполнение наказаний. Даже если мы уверены, что виновный не совершит нового общественно опасного деяния, его все равно требуется наказать в целях восстановления социальной справедливости. Так, в научной литературе приводятся примеры, когда лица, страдающие серьезными заболеваниями, имеющие I группу инвалидности, в том числе ввиду полной слепоты (!), осуждаются за особо тяжкие преступления к длительным срокам лишения свободы [19]. При этом, как подтверждено в специальных исследованиях, лица, освобожденные от наказания по болезни, реже допускают рецидив, который составляет около 17 % [20, с. 95].

Во-вторых, уголовное наказание негативно воздействует на общество, включая издержки, связанные с уменьшением количества работающих при применении лишения свободы, влиянием наказания на семью преступника в связи с его изоляцией от общества [21, р. 63–95]. И в данном случае порой это негативное воздействие само по себе является более значительным для общества, нежели ущерб (вред) в результате совершения преступления! Например, при совершении кражи имущества с причинением значительного ущерба гражданину (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ), стоимость которого оценивается в 5 тыс. руб., и назначении наказания в виде лишения свободы сроком один год только недополученный государством подоходный налог при минимальном размере оплаты труда 9489 руб. в месяц составит около 14,8 тыс. руб. в год, не говоря уже о расходах на содержание осужденного, упущенной выгоде в виде утраченного заработка, а также убытках семейного бюджета, для которого это и вовсе может быть катастрофой. В подобной ситуации общество «стреляет себе в ногу», требуя возмездия за совершенное преступление.

В-третьих, повышается риск рецидива, что влечет социальные издержки при совершении лицом нового преступления. По статистике, доля рецидивной преступности колеблется в пределах около 30 % [22, с. 4, 41]. Вместе с тем, по данным официальной статистики МВД РФ, каждое второе (54–55 %) преступление совершается лицами, ранее совершавшими преступления (например, по данным за 2015–2016 гг.).

Безусловно, сам факт преступного прошлого не позволяет утверждать, что человек перестает испытывать страх перед наказанием.

После отбывания лишения свободы значительная часть людей не совершает новых преступлений [1, р. 494]. Следовательно, эффект специального предупреждения нельзя списывать со счетов. Вместе с тем лица, имеющие судимость, с высокой долей вероятности не смогут удержаться от нарушения уголовного закона.

Еще в работах дореволюционных криминалистов отмечался высокий процент рецидива среди осужденных в России и зарубежных странах (от 20,5 до 49,5 %) [23, с. 48–49, 369; 24, с. 94–95]. Современное исследование в США показало, что большинство заключенных тюрем уже имело судимости до момента их нынешнего пребывания в тюрьме [1, р. 502]. В другом исследовании, проведенном также в США, было установлено, что из 108 тыс. преступников, вышедших из исправительных учреждений, в течение следующих трех лет после освобождения 63 % были вновь подвергнуты аресту за совершение серьезных преступлений, 47 % вновь предстали перед судом, а 41 % оказался в тюрьме [25, с. 20]. И как можно заметить, наказание не остановило этих людей от повторного нарушения закона. Справедливо указано, что в отношении рецидивистов наказание только способствует их дальнейшей деградации [26, с. 161].

Согласно одной из гипотез, рецидив может объясняться рациональным выбором человека, если его предпочтения стабильны и сохраняются возможности для продолжения преступной карьеры. Отбывание лишения свободы может улучшить его криминальные навыки, что будет дополнительным стимулом для совершения новых преступлений [27, р. 215]. Чем больше человек тратит времени на нелегальную деятельность, тем меньше остается времени на законную деятельность – соответственно, уменьшается ожидаемый доход от легальной деятельности и увеличивается доход от нелегальной [28, с. 98]. Упрощая, можно сказать, что рецидивисты ничего так хорошо не умеют, как совершать преступления, с точки зрения доходности, субъективной полезности поведения.

Только при применении лишения свободы на длительный срок мы можем обоснованно рассчитывать на уменьшение физической возможности профессионального преступника, рецидивиста совершить новое преступление. В рамках экономического анализа уголовного права данный результат именуется эффектом «выведения из строя» (incapacitation effect) [29, р. 32–33]. Ставится цель лишить преступника физической способности совершать преступления, удалить его из общества [30, р. 234; 31, р. 3540; 32, р. 15]. Уменьшение физической возможности совершить новое преступление при применении лишения свободы: 1) максимально эффективно в период отбывания наказания ввиду изоляции человека от общества;

2) может быть эффективным после отбывания наказания лишь при условии, если преступник не в состоянии физически продолжить преступную карьеру (например, в результате утраты навыков, связей, ухудшения состояния здоровья).

Таким образом, с одной стороны, общество требует возмездия, с другой – надеется, что впоследствии преступник после отбытого наказания исправится, тогда как в действительности этого не происходит, поэтому общество терпит убытки дважды: сначала при отказе от экономии уголовной репрессии, затем – при росте рецидивной преступности в отсутствие условий для ресоциализации виновного лица. Указанный парадокс может быть рассмотрен через призму закономерностей, установленных в экономической науке применительно к сфере инвестиций и потребления.

В экономике инвестиции определяются как затраты на увеличение или поддержание реального основного капитала, расходы, предназначенные для производства благ, а не для непосредственного потребления. Потребление есть использование товаров и услуг для удовлетворения текущих потребностей [15, с. 98, 257–258, 443]. Инвестиции в экономике осуществляются при условии, что соотношение предельной выгоды и предельных издержек является приемлемым для субъекта [33, с. 192]. По сути, инвестиции, как и сбережения, есть отложенное потребление, но с большими рисками и возможностями получения благ. Имеет место парадокс бережливости, согласно которому рост сбережений и уменьшение инвестиций ведет к уменьшению спроса и спаду в экономике.

Общество и государство при совершении преступления также вынуждены выбирать между немедленным удовлетворением своих потребностей в возмездии (потреблением) и полным либо частичным отказом от уголовного преследования, ресоциализацией лица в целях возможного получения в будущем большей пользы в виде общественно полезной деятельности преступника (например, трудовой деятельности, содержания семьи, воспитания детей и т. п.), то есть вложениями в человеческий капитал (инвестициями). При этом отказ от инвестиций приведет в перспективе к уменьшению эффективности системы уголовной юстиции (парадокс бережливости), что совершенно очевидно, поскольку будут наблюдаться как дополнительные расходы на исполнение наказаний, так и рост рецидивной преступности.

Сдерживающим началом для изменения критикуемой стратегии являются исключительно культурные стереотипы. Согласно последним, преступник представляется в большей степени врагом, которого нужно уничтожить или вывести из строя. Лишь в некоторых случаях (например, в сфере ювенального правосудия) общество и государство готовы предоставлять необходимый кредит доверия, рассчитывая на большую отдачу

в будущем. Однако соответствующие условия социального обмена должны быть распространены на всех индивидов, кто имеет высокие шансы избежать рецидива без фактического применения уголовной репрессии независимо от категории совершенного деяния.

Библиографический список

1. Cooter R., Ulen T. Law and economics. 6th ed. N. Y.: Prentice Hall, 2011. 576 p.
2. Бельгийскому педофилу дали пожизненный срок. URL: <http://lenta.ru/world/2004/06/22/jailed> (дата обращения: 11.03.2018).
3. Бывшая жена «Монстра из Шарлеруа» выйдет на свободу досрочно. URL: <http://lenta.ru/news/2012/07/31/martin/> (дата обращения: 11.03.2018).
4. Бывшая жена и соучастница бельгийского маньяка Марка Дютру переведена из тюрьмы в монастырь. URL: <http://news.mail.ru/incident/9763344> (дата обращения: 11.03.2018).
5. Насильников индийской студентки обвинили в убийстве. URL: <http://lenta.ru/news/2012/12/29/murder> (дата обращения: 11.03.2018).
6. Криминология: пер. англ. / под ред. Д. Ф. Шели. 3-е междунар. изд. СПб.: Питер, 2003. 864 с.
7. Дюнкель Ф. Уголовное право по делам несовершеннолетних европейских стран в свете актуальных рекомендаций Совета Европы. // Сравнительное правоведение: наука, методология, учебная дисциплина: мат-лы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Красноярск, 25–26 сентября 2008 г. Красноярск : ИПК СФУ, 2008. Ч. 1. С. 219–233.
8. Хайнц В. Уголовные санкции в немецком уголовном праве по делам несовершеннолетних – цель, применение и влияние. 12 тезисов: доклад в рамках мероприятия МПС-Фонда «Судопроизводство по делам несовершеннолетних и альтернативные формы наказания», сделанный 28 марта 2006 г. в Бонне. URL: <http://www.uni-konstanz.de/rtf/kis/heinz-sanktionen-jugendstrafrecht-ru.htm> (дата обращения: 11.03.2018).
9. Sonnen B.-R. Perspektiven nach dem Leipziger Jugendgerichtstag // Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe. 2004. № 4. P. 357–359.
10. Пергатая А. А. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Федеративной Республики Германии: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 1999. 180 с.
11. Eisenberg U. Jugendgerichtsgesetz mit Erläuterungen. 5 Aufl. München: Beck, 1993. 1164 s.
12. Schaffstein F., Beulke W. Jugendstrafrecht: eine systematische Darstellung. 11. Auflage. Stuttgart, Berlin; Köln: Verlag W. Kohlhammer, 1993. 250 s.
13. Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 329 с.

14. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 176 с.
15. Словарь современной экономической теории Макмиллана. М.: ИНФРА-М, 2003. 608 с.
16. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, Санкт-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов, Высшая школа экономики, 1998. 230 с.
17. Jolls Ch., Sunstein C. R., Thaler R. A Behavioral Approach to Law and Economics // *Stanford Law Review*. 1998. Vol. 50. P. 1471–1550.
18. Кузьминов Я. И., Бендукидзе К. А., Юдкевич М. М. Курс институциональной экономики: институты, сети, транзакционные издержки, контракты: учебник для студентов вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 443 с.
19. Курченко В. Н. Освобождение от наказания в связи с болезнью: актуальные вопросы правоприменения // *Уголовное право*. 2017. № 3. С. 37–43.
20. Жданова О. В. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты освобождения от наказания в связи с болезнью. Ставрополь: Сервисшкола, 2008. 120 с.
21. Pshisva R., Suarez G. A. Capital Crimes: Kidnappings and Corporate Investment in Colombia // *The economics of crime: lessons for and from Latin America* / ed. by R. Di Tella, S. Edwards, E. Schargrotsky. Chicago: The University of Chicago Press, 2010. P. 63–95.
22. Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 353 с.
23. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М.: Добросвет, 2000; Городец, 2000. 464 с.
24. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М.: ИНФРА-М, 2004. 110 с.
25. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
26. Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1985. 247 с.
27. Eide E., Rubin P. H., Shepherd J. M. Economics of Crime // *Foundations and Trends in Microeconomics*. 2006. Vol. 2. № 3. P. 205–279.
28. Калягин Г. В. Экономический анализ криминального поведения // *Экономическая школа. Аналитическое приложение*. 2006. № 3. С. 91–124.
29. Winter H. The Economics of Crime. An introduction to rational crime analysis. N. Y.: Routledge, 2008. 131 p.
30. Friedman D. D. Law's order: what economics has to do with law and why it matters. Princeton: Princeton University Press, 2000. 337 p.
31. Freeman R. B. The Economics of Crime // *Handbook of Labor Economics* / ed.: O. C. Ashenfelter, R. Layard, D. Card. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1999. P. 3529–3571.
32. Harel A. Economic Analysis of Criminal Law: a Survey // *Research Handbook on the Economics of Criminal Law* / Ed. A. Harel, K. N. Hylton. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2012. P. 10–50.
33. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика / пер. с 14-го англ. изд. М.: ИНФРА-М, 2003. 972 с.

References

1. Cooter R., Ulen T. Law and economics. 6th ed. N. Y.: Prentice Hall, 2011, 576 p. [in English].
2. Belgiiskomu pedofilu dali pozhiznennyi srok [Belgian pedophile was given a life sentence]. Available at: <http://lenta.ru/world/2004/06/22/jailed> (accessed 11.03.2018) [in Russian].
3. Byvshaia zhena «Monstra iz Sharlerua» vyidet na svobodu dosrochno [The ex-wife of «Charleroi Monster» will be released ahead of schedule]. Available at: <http://lenta.ru/news/2012/07/31/martin> (accessed 11.03.2018) [in Russian].
4. Byvshaia zhena i souchastnitsa bel'giiskogo maniaka Marka Diutru perevedena iz tiur'my v monastyr' [The former wife and accomplice of Belgian maniac Marc Dutrou transferred from prison to the monastery]. Available at: <http://news.mail.ru/incident/9763344> (accessed 11.03.2018) [in Russian].
5. Nasilnikov indiiskoi studentki obvinili v ubiistve [Rapists of the Indian student accused of murder]. Available at: <http://lenta.ru/news/2012/12/29/murder> (accessed 11.03.2018) [in Russian].
6. Kriminologiiia. Perevod s angliiskogo. Pod red. D. F. Shelley. 3-e mezhdunar. izd. [Criminology. Translation from English. D. F. Shelley (Ed.), 3rd international edition]. SPb.: Piter, 2003, 864 p. [in Russian].
7. Dyunkel' F. Uголовное право po delam nesovershennoletnikh evropeiskikh stran v svete aktual'nykh rekomendatsii Soveta Evropy [Criminal law on juvenile affairs of European countries in the light of relevant recommendations of the Council of Europe]. In: *Sravnitelnoe pravovedenie: nauka, metodologiiia, uchebnaia distsiplina: mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch. Krasnoiar'sk, 25–26 sentiabria 2008 g.* [Comparative law: science, methodology and academic discipline: materials of the international research and practice conference: in 2 parts. Krasnoyarsk, September 25–26. 2008]. Krasnoyarsk: IPK SFU, 2008, Part 1, pp. 219–233 [in Russian].
8. Heinz W. Uголовные sanktsii v nemetskom uголовном prave po delam nesovershennoletnikh – tsel, primeneniye i vliianie. 12 tezisov: doklad v ramkakh meropriiatiia MPS-Fonda «Sudoproizvodstvo po delam nesovershennoletnikh i alternativnyye formy nakazaniia», sdelannyi 28 marta 2006 g. v Bonne [Criminal sanctions under German criminal law for minors – aim, application and effect. 12 theses: report within the framework of activity of Inter-Parliamentary Union-Fond «Legislation on cases of minors and alternative forms of punishment», made on March 28, 2006 in Bonn]. Available at: <http://www.uni->

konstanz.de/rtf/kis/heinz-sanktionen-jugendstrafrecht-ru.htm (accessed 11.03.2018) [In Russian].

9. Sonnen B.-R. Perspektiven nach dem Leipziger Jugendgerichtstag. Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe, 2004, no. 4, pp. 357–359 [in German].

10. Pergataya A. A. Ugolovnaia otvetstvennost nesovershennoletnikh po zakonodatelstvu Federativnoi Respubliki Germanii: dis. ... kand. iurid. nauk [Criminal responsibility of juveniles according to the legislation of the Federal Republic of Germany: Candidate's of Juridical Sciences thesis]. Krasnoyarsk, 1999, 180 p. [in Russian].

11. Eisenberg U. Jugendgerichtsgesetz mit Erläuterungen. 5 Aufl. München: Beck, 1993, 1164 p. [in German].

12. Schaffstein F., Beulke W. Jugendstrafrecht: eine systematische Darstellung. 11. Auflage. Stuttgart, Berlin, Köln: Verlag W. Kohlhammer, 1993, 250 p. [in German].

13. Mitskevich A. F. Ugolovnoe nakazanie: poniatie, tseli i mekhanizmy deistviia [Criminal punishment: concept, goals and mechanisms of action]. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Iuridicheskii tsentr Press», 2005, 329 p. [in Russian].

14. Belyaev N. A. Ugolovno-pravovaia politika i puti ee realizatsii [Criminal law policy and its implementation]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1986, 176 p. [in Russian].

15. Slovar' sovremennoi ekonomicheskoi teorii Makmillana [Dictionary of modern economic theory of Macmillan]. M.: INFRA-M, 2003, 608 p. [in Russian].

16. Avtonomov V. S. Model' cheloveka v ekonomicheskoi nauke [Model of man in economic science]. SPb.: «Ekonomicheskaiia shkola», Sankt-Peterb. gos. un-t ekonomiki i finansov, Vysshiaia shkola ekonomiki, 1998, 230 p. [in Russian].

17. Jolls Ch., Sunstein C. R., Thaler R. A Behavioral Approach to Law and Economics. Stanford Law Review, 1998, Vol. 50, pp. 1471–1550 [in English].

18. Kuz'minov Ya. I., Bendukidze K. A., Yudkevich M. M. Kurs institutsionalnoi ekonomiki: instituty, seti, transaktsionnye izderzhki, kontrakty: uchebnik dlia studentov vuzov [Course of institutional economics: institutions, networks, transaction costs, contracts: textbook for university students]. M.: Izd. dom GU VShE, 2006, 443 p. [in Russian].

19. Kurchenko V. N. Osvobozhdenie ot nakazaniia v sviazi s bolezniiu: aktualnye voprosy pravoprimereniia [Release from punishment due to illness: topical issues of law enforcement]. Ugolovnoe pravo [Criminal Law], 2017, no. 3, pp. 37–43 [in Russian].

20. Zhdanova O. V. Ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitelnye aspekty osvobozhdeniia ot nakazaniia v sviazi s bolezniiu [Criminal and criminal-executive aspects of release from punishment due to illness]. Stavropol: Servisshkola., 2008, 120 p. [in Russian].

21. Pshisva R., Suarez G. A. Capital Crimes: Kidnappings and Corporate Investment in Colombia. The economics of crime: lessons for and from Latin America. Edited by Di Tella R., Edwards S., Schargrotsky E. Chicago: The University of Chicago Press, 2010, pp. 63–95 [in English].

22. Antonyan E. A. Lichnost' retsidivista: kriminologicheskoe i ugolovno-ispolnitelnoe issledovanie: dis. ... d-ra iurid. nauk [The identity of the offender: criminological and penal research: Doctoral of Law thesis]. M., 2014, 353 p. [in Russian].

23. Foinitskii I. Ya. Uchenie o nakazanii v sviazi s tiumovedeniem [Doctrine of punishment in connection with prison studies]. M.: Dobrosvet, 2000; Gorodets, 2000, 464 p. [in Russian].

24. List F. Zadachi ugolovnoi politiki. Prestuplenie kak sotsialno-patologicheskoe iavlenie [Objectives of criminal policy. Crime as a socio-pathological phenomenon]. M.: INFRA-M, 2004, 110 p. [in Russian].

25. Luneev V. V. Prestupnost XX veka: mirovye, regionalnye i rossiiskie tendentsii. Izd. 2-e, pererab. i dop. [Crime of the XX century: global, regional and Russian trends. 2nd edition, revised and enlarged]. M.: Volters Kluver, 2005, 912 p. [in Russian].

26. Yakovlev A. M. Teoriia kriminologii i sotsialnaia praktika. Otv. red. V. N. Kudriavtsev [Theory of criminology and social practices. Kudryavtsev V.N. (Ed.)]. M.: Nauka, 1985, 247 p. [in Russian].

27. Eide E., Rubin P. H., Shepherd J. M. Economics of Crime. Foundations and Trends in Microeconomics, 2006, Vol. 2, no. 3, pp. 205–279 [in English].

28. Kalyagin G. V. Ekonomicheskii analiz kriminalnogo povedeniia [Economic analysis of criminal behavior]. Ekonomicheskaiia shkola. Analiticheskoe prilozhenie [Economics. Analytical application], 2006, no. 3, pp. 91–124 [in Russian].

29. Winter H. The Economics of Crime. An introduction to rational crime analysis. N. Y.: Routledge, 2008, 131 p. [in English].

30. Friedman D. D. Law's order: what economics has to do with law and why it matters. Princeton: Princeton University Press, 2000, 337 p. [in English].

31. Freeman R. B. The Economics of Crime. In: Handbook of Labor Economics. Ed.: Ashenfelter O. C., Layard R., Card D. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1999, pp. 3529–3571 [in English].

32. Harel A. Economic Analysis of Criminal Law: a Survey. In: Research Handbook on the Economics of Criminal Law. Edit. A. Harel, K. N. Hylton. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2012, pp. 10–50 [in English].

33. McConnell C. R., Brue S. L. Ekonomiks: printsipy, problemy i politika. Per. s 14-go angl. izd. [Economics: principles, problems and politics. Translation from the 14th English edition]. M.: INFRA-M, 2003, 972 p. [in Russian].

*O. N. Bibik****STRATEGIC PRIORITIES OF CRIMINAL LAW – RETRIBUTION OR RESOCIALIZATION?**

The article deals with the problem of determining the priority directions of application of criminal law. It is noted that criminal law is more focused not on resocialization, but on retribution, which entails serious social costs. This is explained by the theory of expected utility, according to which people often ignore the long-term consequences, show myopia. The society demands retribution and thus groundlessly hopes that subsequently the criminal after the served sentence will correct. This problem is considered through the prism of the laws established in economic science in relation to the sphere of investment and consumption. Society and the state in committing a crime are forced to choose between immediate satisfaction of their needs for retribution (consumption) and the complete or partial abandonment of criminal prosecution, resocialization of the person (investment). This rejection of investment will lead in the future to reduce the effectiveness of the criminal justice system (paradox of thrift). It is concluded that only cultural stereotypes are an obstacle to the revision of the criticized strategy.

Key words: rational choice theory, retribution, resocialization, social costs; strategic priorities, thrift paradox, myopia, investments and consumption.

---

* *Bibik Oleg Nikolaevich* (olegbibik@mail.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Law Faculty, Dostoyevsky Omsk State University, office 119, 55, Mira Avenue, Omsk, 644077, Russian Federation.

УДК 343.7

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-24-28

А. Г. Безверхов*

ПОНЯТИЕ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ**

В настоящей статье рассматриваются методологические и юридико-технические вопросы законодательного определения понятия наказания в Уголовном кодексе Российской Федерации. Доказано, что нормативное понятие этой меры уголовно-правового характера является сложноструктурированным, разветвленным, а его признаки рассредоточены по множеству нормативных предписаний Общей и Особенной частей УК РФ. Обосновано положение, что правосудие не может ориентироваться одновременно на несколько целей наказания без вреда для процесса принятия судебного решения, поскольку перечисленные в уголовном законе цели и наказания неосуществимы одновременно в полной мере. Показано, что содержание общего понятия наказания способно наполняться различным смыслом и не может быть сформулировано в уголовном законе абсолютно и однозначно. Следовательно, законодательное определение понятия наказания должно быть формальным. Формально определить уголовное наказание означает указать в законе его объем (то есть форму понятия). Предлагается дать определение понятия наказания прежде всего через установление и формулирование в уголовном законе системы принципов применения этой меры государственного принуждения (принцип правомерности – нет наказания без преступления; принцип законности – нет наказания без закона; принцип публичности – наказание применяется только от имени государства по приговору суда; принцип виновной ответственности – подлежит наказанию только лицо, признанное виновным в совершении преступления; принцип соразмерной ответственности – нельзя наказывать дважды за одно и то же; принцип гуманизма – наказание не может иметь целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства и пр.) и общих начал ее назначения. Законодательная дефиниция наказания должна получить отражение также в Общей и Особенной частях УК РФ посредством обозначения конкретных видов уголовного наказания и определения меры каждого из них с установлением четких пределов его применения. Акцентируется внимание, что порядок и условия исполнения и отбывания наказаний регулируются уголовно-исполнительным законодательством РФ; это обстоятельство означает, что существенные свойства и отношения понятия наказания отображаются в смежном (уголовном) законодательстве.

Ключевые слова: уголовный закон, преступление, наказание, понятие наказания, цели наказания.

Согласно формальной логике, «понятие» представляет собой единство существенных свойств и связей предметов и явлений, которое отображается в мышлении. Уголовно-правовое понятие наказания как центрального института уголовного права, выражающего направление и содержание государственной политики, отражает в самом общем виде суть этой меры публично-го принуждения как юридического последствия преступления. Н. С. Таганцев подчеркивал, что

именно из понятия преступного деяния вытекает назначение наказания представлять собой выражение того особого отношения, которое возникает между учинившим это деяние и государством. С точки зрения преступника, наказание является последствием им учиненного, с точки зрения государства – мерой, принимаемой вследствие совершенного виновным деяния [1, с. 117].

Анализ нормативного материала показывает, что законодательное определение понятия нака-

*© Безверхов А. Г., 2018

Безверхов Артур Геннадьевич (bezverkhov_artur@rambler.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Статья подготовлена в рамках социального образовательного проекта № 17-1-008568 «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)» с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

зания является сложноструктурированным, разветвленным, его признаки рассредоточены по множеству нормативных предписаний Общей и Особенной частей УК РФ.

Во-первых, это положения уголовного закона о задачах и принципах (ст. 2–6 УК), о наказании (раздел III), об освобождении от уголовной ответственности и наказания (раздел IV), об уголовной ответственности несовершеннолетних (раздел V) и др.

Во-вторых, это законоположения о конкретных видах и размерах наказаний, установленных в санкциях статей Особенной части УК.

Наконец, необходимо иметь в виду, что порядок и условия исполнения и отбывания наказаний регулируются уголовно-исполнительным законодательством РФ. Это значит, что существенные признаки понятия наказания отображаются и в смежном (уголовном) законодательстве РФ.

Отечественному уголовному законодательству известно *общее понятие* наказания. Впервые в отечественном законодательстве определение *общего понятия* наказания было дано в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР, принятых в 1919 г. В статье 7 данного акта было установлено, что наказание – это те меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников) [2, с. 58].

В законодательной модели 1922 г. и последующих кодексах понятие наказания стало определяться через цели. Так, в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. появилась статья о целях наказания, которая гласила: «Наказание и другие меры социальной защиты применяются с целью: а) общего предупреждения новых преступлений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишения преступника возможности совершения дальнейших преступлений» (ст. 8).

УК РСФСР 1926 г. заменил термин «наказание» на «меры социальной защиты», сохранив при этом указание на цели соответствующих мер уголовно-правового воздействия. Согласно ст. 9 этого закона, меры социальной защиты применяются для: а) предупреждения новых преступлений со стороны лиц, совершивших их; б) воздействия на других неустойчивых членов общества; в) приспособления совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся. При этом УК 1926 г. предусмотрел, что меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства и задачи возмездия и кары себе не ставят.

УК РСФСР 1960 г., отказавшись от «революционной» терминологии, вернулся к привычному понятию наказания. В соответствии с уже уста-

новленной традицией, уголовный закон определил цели наказания. Согласно ст. 20 УК РСФСР 1960 г., наказание является не только карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Таким образом, законодатель советского периода, определяя уголовное наказание, пытался выразить его смысл, установить его функции, обосновать применение. Тем самым он видел в наказании средство, «отличающееся своей разумностью и целесообразностью» [3, с. 104], эффективный инструмент решения определенных политико-правовых задач.

В действующем УК РФ общее понятие наказания дано в его статье 43 «Понятие и цели наказания». Согласно ч. 1 последней, наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных УК лишении или ограничении прав и свобод этого лица. В части 2 ст. 43 указывается, что наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Доктринальная оценка указанных положений, как правило, сводится к тому, что законодательное определение целей наказания относится к несомненному достоинству уголовного закона [4, с. 15].

Согласиться с таким мнением непросто. «Государство очутилось бы в весьма затруднительном положении, если бы должно было осуществлять в своей карательной деятельности несколько самостоятельных целей; поскольку эти цели самостоятельны и различны, различны и вытекающие из них требования, и нельзя осуществить полностью требование одной цели, не уклонившись в то же время, до известной степени, от исполнения требования другой» [5, с. 371], – писал С. В. Познышев. Очевидно, понимание этого обстоятельства не позволяло законодателю дореволюционной России формулировать в официальных источниках уголовного права определение общего понятия наказания и его целей. Действительно, анализ законодательного материала дореволюционной России (Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовного уложения 1903 года) свидетельствует об отсутствии в последнем общего определения с обозначением социально-правовой сущности наказания и его функций (целей).

Кстати сказать, позиция советского и современного российского законодателя в этой части не согласуется также и с законодательской практикой современных зарубежных государств. Уголовные законы Голландии, Испании, Франции, ФРГ, Швейцарии, Швеции, Японии не содержат определения понятия наказания, не называют его целей (функций), отдавая этот вопрос на усмотрение доктрине. Так, УК Франции в своей Книге Первой раздела III «О наказании» перечисляет и раскрывает сразу же виды наказаний (глава I). Аналогично главу I «Наказание» раздела III «Правовые последствия деяния» УК ФРГ открывают положения о видах наказания (лишении свободы, штрафе и т. д.).

Американское уголовное законодательство (федеральное и штатное), как отмечает И. Д. Козочкин, также не содержит определения наказания, отдавая решение этого вопроса судебной практике и науке. По-видимому, заключает этот ученый, американские юристы исходят из того, что понятие наказания – это нечто само собой разумеющееся [6, с. 237].

Обратимся к категориям формальной логики, где выделяются содержание и объем понятия. Содержанием понятия называется совокупность существенных признаков класса предметов, подпадающих под это понятие. Объем понятия определяется как совокупность самих предметов (или классов предметов), подпадающих под это понятие. Между содержанием и объемом понятия существует обратная зависимость: чем больше содержание понятия, тем меньше его объем. Иными словами, чем больше признаков входит в понятие, тем меньше предметов это понятие охватывает, равным образом, как и наоборот.

С содержательной стороны термин «наказание» многомерен в своем обыденном и научном понимании: велик его предметно-содержательный потенциал, многообразны функциональные свойства, поэтому в контексте разных форм и концепций правопонимания в данную категорию вкладывается неодинаковый смысл. В этой связи она наполняется различным по своему характеру содержанием: наказание как принудительное воздействие, вынужденное зло, восстановление нарушенного права (мера общественного воздействия; мера уголовно-правового воздействия; мера государственного принуждения; мера уголовной ответственности; лишение преступника принадлежащих ему благ; совокупность или комплекс правоограничений); наказание как устрашение, угроза; наказание как психологическое принуждение; наказание как исправление, перевоспитание; наказание как предупреждение, предотвращение преступлений; наказание как кара, возмездие за содеянное, справедливое воздаяние за вину, отрицание преступления. Возможно, есть и

иное понимание наказания, которое еще необходимо определить. Наконец, известны взгляды ученых, возражающих против наказания.

Как представляется, на законодателя не лежит обязанности постигать сущность тех или иных социально-правовых явлений. Кроме того, справедливо предостережение об осторожном отношении к формулировкам общих определений в законе: «*omnis in jure civil periculosa*»¹. По этому поводу Гегель писал: «В самом деле, чем бессвязнее и самопротиворечивее определение права, тем менее возможны в нем дефиниции, ибо они должны содержать общие определения, а в общих определениях непосредственно обнаруживается противоречивое, здесь – не правовое во всей его очевидности» [7, с. 60]. Справедливо поэтому и замечание А. А. Жижиленко о том, что «всякое чересчур обобщенное определение в законе, который имеет обязательную силу для его применителей, может повести к целому ряду недоразумений, и чем меньше будет таких общих определений в уголовном законодательстве, тем лучше» [8, с. 232].

В связи с вышеизложенным спорными представляются соображения В. К. Дуюнова, обосновывающего целесообразность указания в законе целей уголовного наказания «необходимостью ориентировать правосудие в тех практических результатах, достижение которых является желательным посредством применения наказания» [9, с. 80]. Поскольку цель есть «предмет стремления, (или) то, что надо... осуществить» [10, с. 873], а перечисленные в законе «стремления» неосуществимы одновременно в полной мере, постольку правосудие не может ориентироваться одновременно на несколько не всегда взаимосвязанных между собой целей без вреда для процесса принятия судебного решения и должно быть «освобождено» от такой обязанности. Значит, совершенно справедливо утверждение В. В. Крюкова, что цель наказания – это предвосхищаемый, идеальный, конечный результат, достижение которого государство ставит перед собой и всеми своими гражданами, руководствуясь сложившейся социально-экономической обстановкой и уголовно-правовой политикой, устанавливая, назначая и исполняя уголовное наказание. Единственно перед наказанием может быть поставлена только одна цель, что позволяет отличать цель от задач, коих может быть несколько [11, с. 4, 7, 9–11].

С учетом сказанного заметим: поскольку содержание общего понятия наказания способно наполняться различным смыслом и не может быть сформулировано абсолютно и однозначно, выражено в своей полной мере и совершенно исчерпывающе, постольку определение наказания в уголовном законе должно быть формальным. Формально определить уголовное

¹ Всякая дефиниция в гражданском праве опасна (лат.). Соответствующая формула древнеримских юристов в дальнейшем приобрела более широкое значение.

наказание означает указать в законе лишь его объем (то есть форму понятия). Объем понятия в формальной логике определяется прежде всего посредством аксиоматического приема. Под аксиоматическим определением понимают определение термина через множество аксиом, в которые он входит и которые последовательно ограничивают область его возможных истолкований. «Так как в обычной науке предполагается, что дефиницию определения – здесь наказания – следует брать из всеобщего представления, основанного на психологическом опыте сознания, то этот опыт, несомненно, показал бы, что вызванное преступлением всеобщее чувство народов и индивидов гласит и всегда гласило, что преступление заслуживает наказания и что с преступником следует поступать так же, как поступил он» [7, с. 149]. В данном случае речь идет об установлении и формулировании в уголовном законе системы принципов применения наказания (принципа правомерности – нет наказания без преступления; принципа законности – нет наказания без закона; принципа публичности – наказание применяется только от имени государства по приговору суда; принципа виновной ответственности – подлежит наказанию только лицо, признанное виновным в совершении преступления; принципа соразмерной ответственности – нельзя наказывать дважды за одно и то же; принципа гуманизма – наказание не может иметь целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства и пр.).

Кроме того, объем понятия наказания определяется посредством его элементов. В нашем случае речь идет об указании в действующем уголовном законе видов наказания и определении меры каждого из них с установлением четких пределов его применения.

Библиографический список

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. 800 с.
2. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. М.: Госюриздат, 1953. 463 с.
3. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. 192 с.
4. Курс уголовного права: Учение о наказании. Общая часть: учебное пособие. Т. 2 / М. Н. Голоднюк, В. И. Зубкова, Н. Е. Крылова, Н. Ф. Кузнецова [и др.]; под ред. Н. Ф. Кузнецова, И. М. Тяжкова. М.: Зерцало, 1999. 400 с.
5. Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании. М.: Унив. тип., 1904. 447 с.
6. Козочкин И. Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. 478 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
8. Ширяев В. Н. Взятничество и лиходелательство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1916. 577 с.
9. Дуюнов В. К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск: РОСИ, 2000. 504 с.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1999. 944 с.
11. Крюков В. В. Цели уголовного наказания: понятие, виды, механизмы достижения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 28 с.

References

1. Tagantsev N. S. Russkoe ugovnoe pravo. Chast' obshchaia. T. 1 [Russian criminal law. General part. Vol. 1]. Tula: Avtograf, 2001, 800 p. [in Russian].
2. Sbornik dokumentov po istorii ugovnogo zakonodatelstva SSSR i RSFSR, 1917–1952 gg. Pod red.: Goliakov I. T. [Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and RSFSR, 1917–1952. Golyakov I.T. (Ed.)]. M.: Gosiurizdat, 1953, 463 p. [in Russian].
3. Noy I. S. Sushchnost' i funktsii ugovnogo nakazaniia v Sovetskom gosudarstve [Essence and functions of criminal punishment in the Soviet state]. Saratov: izd-vo Saratov. un-ta, 1973, 192 p. [in Russian].
4. Kurs ugovnogo prava: Uchenie o nakazanii. Obshchaia chast: uchebnoe posobie. T. 2. M. N. Golodniuk, V. I. Zubkova, N. E. Krylova N. F., Kuznetsova, i dr.; pod red. N. F. Kuznetsova I. M., Tiazhkova [Course of criminal law: Study on punishment. General part: Textbook. Vol. 2. Kuznetsov N.F., Tyazhkov I.M. (Eds.)]. M.: Zertsalo, 1999, 400 p. [in Russian].
5. Poznyshhev S. V. Osnovnye voprosy ucheniia o nakazanii [Basic issues of the study on punishment]. M.: Univ. tip., 1904, 447 p. [in Russian].
6. Kozochkin I. D. Ugovnoe pravo SShA: uspekhi i problemy reformirovaniia [Criminal law of the USA: success and problems of reforming]. SPb.: Iurid. tsentr Press, 2007, 478 p. [in Russian].
7. Hegel G.W.F. Filosofia prava [The Philosophy of Right]. M.: Mysl', 1990, 524 p. [in Russian].
8. Shiryayev V.N. Vziatochnichestvo i likhodatelstvo v sviazi s obshchim ucheniem o dolzhnostnykh prestupleniiah. Ugovovno-iuridicheskoe issledovanie [Bribery in connection with the common doctrine on official misconduct. Criminal and legal research]. Yaroslavl: Tip. Gub. pravl., 1916, 577 p. [in Russian].
9. Duyunov V. K. Problemy ugovnogo nakazaniia v teorii, zakonodatelstve i sudebnoi praktike [The problems of criminal punishment in theory, law and jurisprudence]. Kursk: ROSI, 2000, 504 p. [in Russian].
10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar russkogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. M.: AZ", 1999, 944 p. [in Russian].
11. Krykov V. V. Tseli ugovnogo nakazaniia: poniatie, vidy, mekhanizmy dostizheniia: avtoreferat

dis. ... kand. iurid. nauk [Aims of criminal punishment: abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. notion, types, mechanisms of achievement: author's Saratov, 2018, 28 p. [in Russian].

A. G. Bezverkhov*

CONCEPT OF PUNISHMENT IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA**

This article examines methodological and legal and technical issues of the legislative definition of the concept of punishment in the Criminal Code of the Russian Federation. It is proved that the normative concept of this measure of an angular-legal character is complex-structured, branched, and its signs are dispersed in the set of normative prescriptions of the General and Special Parts of the Criminal Code of the Russian Federation. The author substantiates the provision that justice can not be oriented simultaneously to several purposes of punishment without harm to the process of taking a judicial decision, since the goals listed in the criminal law and inadmissibility can not be fully realized simultaneously. It is shown that the content of the general concept of punishment can be filled with different meanings and can not be formulated in the criminal law absolutely and unequivocally. Hence, the legislative definition of the concept of punishment must be formal. Formally define criminal punishment means to indicate in the law its scope (that is, the form of the concept). It is suggested to define the concept of punishment first of all by establishing and formulating in the criminal law a system of principles for applying this measure of state coercion (the principle of legitimacy is no punishment without a crime, the principle of legality is no punishment without law, the principle of publicity – punishment is applied only on behalf of the state on the verdict of the court, the principle of guilty responsibility is punishable only by a person convicted of a crime, the principle of proportionate liability is that it is not possible to be punished twice for the same thing, the principle of humanity – penalty may not be designed to cause physical suffering or degradation; etc.), and the general principles of its use. The legislative definition of punishment should also be reflected in the General and Special Parts of the Criminal Code of the Russian Federation by designating specific types of criminal punishment and determining the measure of each of them with the establishment of clear limits to its application. Attention is drawn to the fact that the procedure and conditions for execution and serving of sentences are regulated by the criminal-executive legislation of the Russian Federation; this circumstance means that the essential properties and relations of the notion of punishment are displayed in the adjacent (criminal) legislation.

Key words: criminal law, crime, punishment, concept of punishment, purpose of punishment.

---

* *Bezverkhov Artur Gennadievich* (bezverkhov_artur@rambler.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

**The article was prepared within the framework of social educational project № 17-1-008568 «Road map for resocialization and real inclusion in civil society of persons who served criminal sentences and were released from it (2018–2021)» using the President's grant for the development of civil society provided by the Foundation for Presidential Grants.

УДК 343.8

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-29-33

Т. В. Кленова, Н. П. Щукина*

ОБ ОСНОВАНИЯХ И ЗАДАЧАХ НЕТИПИЧНОГО НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА «ДОРОЖНАЯ КАРТА РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ И РЕАЛЬНОГО ВКЛЮЧЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛИЦ, ОТБЫВШИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ И ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ НЕГО»**

В статье рассматриваются вопросы о ресоциализации и реальном включении в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, и подчеркивается, что значение этих вопросов повышается в условиях неэффективной пенитенциарной уголовной политики и стабильно высокого уровня повторной преступности. Авторы приходят к выводу, что есть социальный запрос на совершенствование правового регулирования ресоциализационных отношений и закрепление постпенитенциарной уголовной политики и ресоциализационных мероприятий в концептуально ясном и систематизированном нормативном правовом акте. Это объясняет выбор цели исследования – охарактеризовать базовый официальный источник законодательства о ресоциализации. Задачи статьи: установить основания соответствующего нормативного правового акта и рассмотреть ресоциализационный процесс с точки зрения его главного результата – включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него. Сделан вывод, что понижение репрессивного содержания содержания пенитенциарной уголовной политики должно быть компенсировано ресоциализационной постпенитенциарной уголовной политикой в отношении осужденных. Предлагается принять Дорожную карту ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него. Это пример «коллегиального» нормативного правового акта, поскольку предполагается, что в его разработке и принятии будут участвовать представители государственной власти совместно с представителями гражданского общества.

Ключевые слова: уголовная политика, пенитенциарная уголовная политика, нетипичный нормативный правовой акт, дорожная карта, рецидив преступлений, повторная преступность, ресоциализация.

В современной России пенитенциарная реформа, как и судебная реформа в целом, не дает ожидаемых результатов, что проблематизирует и достижение целей уголовного наказания, и процесс ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него.

В этой ситуации государственная власть пытается минимизировать свои реакции на преступность. Верховный Суд РФ инициирует законопроекты, направленные на масштабную декриминализацию общественно опасных деяний, замещение уголовно-правовых запретов административными, реализацию уголовной ответственности в рамках досудебного судопроизводства. Так, 31 июля 2015 г. Пленум Верховного Суда РФ постановил внести в Государственную думу Федерального Собрания РФ законопроект о полной декриминализации злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ) и частичной декриминализации побоев (ст. 116 УК РФ), угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), подделки, изготовления и сбыта поддельных документов, государственных наград,

стративными, реализацию уголовной ответственности в рамках досудебного судопроизводства. Так, 31 июля 2015 г. Пленум Верховного Суда РФ постановил внести в Государственную думу Федерального Собрания РФ законопроект о полной декриминализации злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ) и частичной декриминализации побоев (ст. 116 УК РФ), угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), подделки, изготовления и сбыта поддельных документов, государственных наград,

* © Кленова Т. В., Щукина Н. П., 2018

Кленова Татьяна Владимировна (Klenova_tatiana@mail.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Щукина Нина Петровна (nina_shukina@mail.ru), кафедра истории Отечества, медицины и социальных наук, Самарский государственный медицинский университет, 443079, Российская Федерация, г. Самара, ул. Тухачевского, 226.

** Статья подготовлена в рамках социального образовательного проекта № 17-1-008568 «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)» с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

штампов, печатей, бланков (ст. 327 УК РФ). Одновременно рекомендовалось дополнить Кодекс РФ об административных правонарушениях новыми статьями 5.35.1, 6.1.1, 6.1.2 и 19.18.1, предусматривающими административную ответственность за аналогичные деяния. Также была предложена новая ст. 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с применением иных мер уголовно-правового характера», означающая возможность применения определенных видов наказаний в качестве мер уголовно-правового характера без судебного рассмотрения уголовного дела и, следовательно, без вынесения обвинительного приговора. Соответствующие решения были закреплены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 июля 2015 г. № 37 «О внесении в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [6]. Многие из судебных инициатив были реализованы в Федеральных законах от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ и от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ.

Законодательные инициативы Верховного Суда РФ его председатель В. М. Лебедев объяснил тем, что «судимость портит жизнь человека», что «человека останавливает не то, что он станет уголовником, а осознание того, что совершенное им неправильно, неправомерно» [7].

При этом не предлагается иной (ненаказательный) механизм воздействия на поведение людей в связи с совершением преступлений. Все же государственная власть не может надеяться на то, что потерпевшие будут сами защищаться от преступных посягательств, а лица, совершившие преступления, самостоятельно справятся с задачами специального предупреждения новых преступлений.

Представляется, что действия государственной власти, нацеленные на сокращение числа лиц, отбывающих реальные наказания и имеющих судимость, направлены не столько гуманистически, сколько консеквенциально. Понимание связанных с последним подходом формально-юридических манипуляций позволяет усомниться в достоверности официальных статистических данных об улучшении криминальной ситуации в 2017 г., а также в предыдущие годы. В январе–декабре 2017 г. на территории России зарегистрировано 2 058 476 преступлений, что

на 101 587 меньше, чем за аналогичный период прошлого года (–4,7 %) [8].

Однако даже официальные сведения подтверждают, что рецидивная (повторная) преступность достигла уровня, при котором порождает сама себя. По информации МВД РФ, удельный вес расследованных преступлений, которые осуществлены лицами, ранее совершившими преступления, увеличивается: 40,7 % – в 2011 г., 46,7 % – в 2012 г., 49,6 % – в 2013 г., 53,7 % – в 2014 г., 55,1 % – в 2015 г., 54 % – в 2016 г. и 56 % – в 2017 г. [8]. Генеральная прокуратура РФ считает, что МВД РФ последний показатель озвучила ниже, чем предполагает реальная ситуация. Согласно данным Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ, в 2017 г. удельный вес преступлений, совершенных лицами, ранее уже преступившими закон, составляет 58,2 % (аналогичный показатель 2016 г. – 56,7 %) от всех предварительно расследованных преступлений в отчетном периоде [9]. Еще более тревожное положение в Приволжском федеральном округе. Так, по данным прокуратуры Самарской области, в 2016 г. удельный вес повторных преступлений у лиц, ранее совершивших преступления, был 60,6 % (по Приволжскому федеральному округу – 59,7 %), в 2017 г. удельный вес повторных преступлений составил 60,2 % (по Приволжскому федеральному округу – 61,5 %) [10].

С нашей точки зрения, в условиях стабильно высоких показателей повторной преступности понижение репрессивного содержания пенитенциарной уголовной политики должно быть компенсировано ресоциализационной постпенитенциарной уголовной политикой в отношении осужденных.

Под *ресоциализацией* здесь понимается интеграция в систему общественных отношений и включение в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание или освобожденных от него, чтобы они могли вести законопослушный и самостоятельный образ жизни. Ресоциализация осуществляется путем восстановления у этих лиц утраченных или проблематизированных социальных ценностей при создании необходимых социальных, экономических, педагогических, психологических, медицинских и правовых условий.

Лицом, отбывшим уголовное наказание, признается осужденный, который впервые или повторно совершил преступление и полностью отбыл назначенное по приговору суда основное наказание. Лицо признается отбывшим уголовное наказание независимо от наличия судимости.

Лицо, освобожденное от уголовного наказания, – это лицо, которое впервые или повторно совершило преступление и было освобождено от наказания при постановлении обвинительного приговора либо путем досрочного освобождения или условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Проблему ресоциализации (социальной адаптации) многие исследователи признают остро актуальной только для лиц, освобождаемых или освобожденных из мест лишения свободы, соответственно, и рекомендации делают конкретизированные, например о принятии закона «О социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы» [2, с. 124]. Однако такое сужение круга субъектов ресоциализационных отношений представляется неоправданным. Нет и не может быть статистических данных, подтверждающих, что в рецидивную преступность включены только лица, отбывавшие наказание в виде лишения свободы. Проблема ресоциализации актуальна как для осужденных к лишению свободы на определенный срок (28,7 % от общего числа осужденных в 2017 г.), так и для лиц, которым было назначено иное основное наказание (43 % от общего числа осужденных в 2017 г.), а также условно осужденных (27,2 % от общего числа осужденных в 2017 г.) [11].

К сожалению, в Российской Федерации постпенитенциарная уголовная политика не дифференцирована и вообще не признается отдельной частью политики государства в области противодействия преступности со своими внутренними источниками развития, закономерностями и особенностями. В данных условиях неудивительно, что до сих пор нет законодательства о ресоциализации лиц, отбывших наказание или освобожденных от него. Очевидно, что неупорядоченное множество норм, выраженных в действующих нормативных правовых актах разной отраслевой принадлежности, касающихся отдельных аспектов ресоциализационного процесса, функционально не приспособлено для урегулирования комплекса отношений в связи с ресоциализацией осужденных.

Отсутствие системности в регламентации применения ресоциализационных мер подтверждается также тем, что понятие ресоциализации в федеральном и региональном законодательстве является недостаточно определенным, не разграничено со смежными формами профилактического воздействия, получившими законодательное закрепление, – социальной адаптацией и реабилитацией. В действующих нормативных правовых актах органы МВД РФ и ФСИН РФ не включены в перечень субъектов ресоциализационных постпенитенциарных мероприятий и в целом не обеспечивается межведомственное взаимодействие этих субъектов. Все это проблематизирует результативность соответствующих норм.

Социальный запрос на выражение постпенитенциарной уголовной политики в концептуально ясном и систематизированном нормативном правовом акте имеется, что подтвердилось в ходе опроса 112 экспертов, которыми выступили работники УФСИН России по Самарской области, ГУ МВД России по Самарской области, специалисты Министерств социально-демографической и

семейной политики, образования и науки, труда, занятости, миграционной политики, здравоохранения Самарской области, а также члены общественных организаций, оказывающих помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию (опросы были проведены в 6 м. о. Самарской области: Самаре, Сызрани, Тольятти, Кинеле, Красноярском и Волжском районах).

Типичным ответом экспертов о факторах, препятствующих ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, было указание на «отсутствие внятной государственной политики в области адаптации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него». Этот ответ даже формулировался одинаково различными экспертами, опрашиваемыми в разное время и в разных местах. Были получены и аналогичные заключения: «Нет четкой программы реабилитации», «Отсутствие госпрограмм по возвращению лиц, совершивших преступления, в общество», «Отсутствие необходимого нормативно-правового регулирования», «Отсутствие федеральных целевых программ постпенитенциарной реабилитации», «Проблема в законодательстве до и после освобождения осужденных», «Нет комплексного подхода к ресоциализации бывших осужденных».

Социальный запрос на корректировку и развитие уголовной политики по направлению ресоциализации, особенно в отношении лиц, повторно совершающих преступления, может быть реализован путем принятия нетипичного нормативного правового акта – Дорожной карты ресоциализации – и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (далее – Дорожная карта) [4, с. 41–45].

В Дорожной карте необходимо определить цели, задачи, принципы и приоритетные направления политики ресоциализации лиц, отбывших наказание и освобожденных от него, закрепить сбалансированное представительство всех ветвей государственной власти и гражданского общества в данном процессе, гарантировать участие в нем предпринимателей и установить пределы такого участия, а также определить конкретные ресоциализационные мероприятия; субъектов, ответственных за эти мероприятия, и источники их финансирования.

Дорожная карта предназначена выполнить одновременно политическую и технико-юридическую роль в ресоциализационном процессе и стать базовым официальным источником законодательства о ресоциализации. Дорожная карта – пример «коллективного» нормативного правового акта, поскольку предполагается, что в его разработке и принятии будут участвовать представители государственной власти совместно с представителями гражданского общества. Взаимосвязанные проблемы ресоциализации лиц, совершивших преступления, и предупреждения преступности в равной степени интересуют государство и общество, что обуславливает

их реальное социальное партнерство. Обеспечение социального партнерства в правотворчестве и уголовной политике является современной государственной задачей. Например, В. М. Баранов пишет: «Назрела потребность в расширении принятия государством совместных с некоторыми влиятельными институтами гражданского общества законодательных и иных нормативных правовых актов. Это не возврат к совместным актам ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, ЦК ВЦСПС и Совета Министров СССР, хотя и этот технико-юридический опыт здесь можно использовать. Речь идет о более высоком уровне и качестве социального партнерства в законотворчестве <...> Ответственность (правовая и моральная) за качество принятого закона и эффективность его реализации ложится при таком подходе и такой правовой политике не только на государство, но и на гражданское общество» [1, с. 533].

В государствах не только советской, но и иных политико-правовых систем многократно прошли апробацию нетипичные акты смешанной природы. Для сравнения: в США с 1987 года эффективно применяется Федеральное руководство по назначению уголовных наказаний (с приложением Шкалы уголовных наказаний), разработанное Федеральной комиссией США по назначению наказания и утвержденное Конгрессом США. Настоящая Федеральная комиссия была создана как независимый орган в рамках судебной ветви власти, и Верховный Суд США признал ее конституционность, отклонив аргумент, что произошло якобы незаконное делегирование законодательной власти федеральной комиссии (*Mistretta vs United States*). Федеральная комиссия по назначению уголовных наказаний не только разработала нормативный акт о назначении уголовных наказаний, но и в процессе его применения продолжает выполнять обязанности по определению уголовной политики в этой области, а также в целом уголовной политики борьбы с преступностью и функции информационного источника для законодательной и исполнительной власти, судов и практикующих юристов, научного сообщества и граждан, а также осуществляет широкомасштабный сбор, анализ, исследование и распространение информации по вопросам преступной деятельности, преследуемой по федеральному законодательству, назначения уголовных наказаний федеральными судами. Обратим внимание на тот факт, что сама Федеральная комиссия невелика, состоит из семи человек, которые назначаются Президентом США по рекомендации и с согласия Сената на срок шесть лет с принципом ротации, при этом штатными сотрудниками являются только председатель и заместитель председателя. Зато аппарат комиссии в разы больше – 100 сотрудников [5, с. 8–9].

Проект «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных

от него» может стать примером эффективного сотрудничества представителей государства и гражданского общества по направлению ресоциализации лиц, осуждавшихся за преступления. Более того, в качестве концептуальной идеи этого проекта предлагается принцип интеграции как социального взаимодействия государства, гражданского общества и самих лиц, претерпевших уголовную ответственность, в связи с их нуждами и законными интересами. К лучшему должны изменяться и сам человек, и социальная среда. С позиции современной социологии при рассмотрении социальной интеграции акцент делается не на признаках сплоченности или консенсуса, а именно на процессе взаимодействия [3, с. 501].

Предупреждать и сдерживать преступность с выраженной тенденцией профессионализации становится все труднее. Государство должно изыскать новые социально-экономические, правовые и иные ресурсы для противодействия преступности, гарантируя ресоциализацию лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, что соответствует духу времени и имеющемуся у государства и гражданского общества потенциалу.

Библиографический список

1. Баранов В. М. Очерки техники правотворчества. Избранные труды. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. 667 с.
2. Бурый В. Е. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы. Могилев: Могилев. высш. колледж МВД Респ. Беларусь, 2014. 172 с.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуры. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
4. Кленова Т. В., Щукина Н. П., Адоевская О. А. О дорожной карте ресоциализации и реального включения в гражданское общества лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4 (26). С. 41–45.
5. Шкала уголовных наказаний как способ борьбы с коррупцией в сфере правосудия: материалы междунар. научно-практич. конф. 7–8 октября 2004 года. М.: Изд. Гос. думы, 2005. 112 с.
6. URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=10240 (дата обращения: 26.04.2018).
7. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56688>; <https://pravo.ru/news/view/120702> (дата обращения: 26.04.2018).
8. URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987> (дата обращения: 11.02.2018).
9. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 11.02.2018).
10. URL: <https://www.samproc.ru/statistics/statistics.php> (дата обращения: 27.02.2018).
11. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477> (дата обращения: 26.04.2018).

References

1. Baranov V. M. Ocherki tekhniki pravotvorchestva. Izbrannye trudy. [Sketches of the technology of law-making. Selectas] N. Novgorod: Nizhegorodskaya akademiia MVD Rossii, 2015, 667 p. [in Russian].
2. Buryj V. E. Resotsializatsiia i s-otsialnaia adaptatsiia osuzhdennykh k lisheniui svobody [Resocialization and social adaptation of convicts to imprisonment] Mogilev: Mogilev. vyssh. kolledzh MVD Resp. Belarus, 2014, 172 p. [in Russian].
3. Giddens E. Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii [Constitution of society. Outline of the theory of structuration]. M.: Akademicheskii proekt, 2003, 528 p. [in Russian].
4. Klenova T. V., Shchukina N. P., Adoevskaya O. A. O dorozhnoi karte resotsializatsii i realnogo vklucheniia v grazhdanskoe obshchestva lits, otbyvshikh ugolovnoe nakazanie i osvobodennykh ot nego [About the road map of resocialization and real inclusion into the civil society of persons who have served a criminal sentence and were released from it]. Vestnik Samarskogo iuridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara Law Institute], 2017, no. 4 (26), pp. 41–45 [in Russian].
5. Shkala ugolovnykh nakazanii kak sposob borby s korrupsiei v sfere pravosudiia: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 7–8 oktiabria 2004 goda [A scale of criminal penalties as a way of fight against corruption in the sphere of justice: Materials of the International research and practical conference. October 7–8, 2004]. M.: Izdanie Gosudarstvennoi dumy, 2005, 112 p. [in Russian].
6. Available at: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=10240 (accessed 26.04.2018) [in Russian].
7. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56688>; <https://pravo.ru/news/view/120702> (accessed 26.04.2018) [in Russian].
8. Available at: <https://мвд.рф/reports/item/12167987> (accessed 11.02.2018) [in Russian].
9. Available at: <http://crimestat.ru/analytics> (accessed 11.02.2018) [in Russian].
10. Available at: <https://www.samproc.ru/statistics/statistics.php> (accessed 27.02.2018) [in Russian].
11. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477> (accessed 26.04.2018) [in Russian].

T. V. Klenova, N. P. Shchukina*

ABOUT THE BASES AND TASKS OF ATYPICAL REGULATORY LEGAL ACT «ROAD MAP OF RESOCIALIZATION AND REAL INCLUSION INTO THE CIVIL SOCIETY OF PERSONS WHO HAVE SERVED A CRIMINAL SENTENCE AND WERE RELEASED FROM IT»**

The article deals with questions of resocialization and real inclusion into the civil society of persons who have served criminal penalty and were exempted from it and it is emphasized that the value of these questions increases in the conditions of inefficient penitentiary criminal policy and steadily high level of repeated criminality. Authors come to a conclusion that there is a social request for improvement of legal regulation of resocialization relations and fixing of post-penitentiary criminal policy and resocialization actions in conceptually clear and systematized regulatory legal act. It explains the choice of a research objective – to characterize a basic official source of legislation on resocialization. The article task is to establish the bases of relevant regulatory legal act and to consider resocialization process from the point of view of its main result – inclusion into the civil society of persons who have served criminal penalty and were exempted from it. The conclusion that decrease of repressive maintenance of penitentiary criminal policy has to be compensated by resocialization post-penitentiary criminal policy for convicts is drawn. It is offered to accept the Road Map of resocialization and real inclusion into the civil society of persons who have served a criminal sentence and were released from it. It is an example of the «joint» regulatory legal act as it is supposed that representatives of the government together with representatives of civil society will participate in its development and enactment.

Key words: criminal policy, penitentiary criminal policy, atypical regulatory legal act, road map, repetition of crime, repeated crime, resocialization.

* *Klenova Tatiana Vladimirovna* (klenova_tatiana@mail.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Shchukina Nina Petrovna (nina_shukina@mail.ru), Department of National History, Medicine and Social Sciences, Samara State Medical University, 226, Tukhachevskogo Street, Samara, 443079, Russian Federation.

** The article was prepared within the framework of the social educational project № 17-1-008568 «Road map for resocialization and real inclusion in civil society of persons who served criminal sentences and were released from it (2018–2021)» using the President's grant for the development of civil society provided by the Foundation for Presidential Grants.

УДК 343.851

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-34-40

О. В. Климанова*

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЦ, ОТБЫВШИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ И ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ НЕГО, В НОРМАТИВНЫХ АКТАХ: ПРОБЕЛЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ**

Настоящая статья посвящена исследованию правовых основ и правовых пределов ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, что особенно важно ввиду межотраслевого и междисциплинарного характера данного явления, ставшего предметом внимания не только правовых, но и социологических наук. В целях оценки системности законодательства о ресоциализации автором исследованы 22 правовых акта федерального уровня, 81 правовой акт регионального и муниципального уровня. На основании анализа действующего законодательства сделаны выводы об отсутствии взаимосвязи и взаимодействия норм о пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации, о несовпадении объема законодательных понятий ресоциализации и социальной адаптации с содержанием их качественных признаков, а также об отсутствии специальных правовых гарантий для освобожденного лица по оказанию ему помощи в приспособлении к принципиально новым условиям жизни. В результате предложены направления улучшения действующего федерального законодательства, которые впоследствии призваны улучшить качество региональных правовых актов и скорректировать практику ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, на местах.

Ключевые слова: ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация, лица, отбывшие уголовное наказание и освобожденные от него, профилактика преступлений, цели и задачи уголовно-исполнительной политики, повторная преступность.

Объем, уровень и качество правового регулирования общественных отношений позволяют оценить внимание государства к решению социальных проблем. Ресоциализация лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, является важнейшей социальной проблемой, однако, состояние законодательства по данному направлению ненадлежащее. Его объем велик, но это разноуровневое и несистематизированное законодательство, задачи которого остаются невыполненными.

Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2017 году более половины (650 565) преступлений совершены лицами, ранее уже преступавшими закон. Их удельный вес составляет 58,2 % от всех предварительно расследованных преступлений (в 2016 г. – 56,7 %) [1, с. 8]. Существенный показатель повторной преступности во многом обусловлен недостаточным урегулированием ресоциализационной работы с лицами, отбывшими уголовное наказание и освобожденными от него. Можно сказать, что поддержка лиц с криминаль-

ным прошлым не стала приоритетным направлением уголовной политики РФ.

Важность рассмотрения вопросов ресоциализации подтверждается и активизацией научных исследований по данной тематике, в частности, с обоснованием необходимости разработки Дорожной карты ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него [2, с. 41–45].

Рассматривая в хронологической последовательности уголовные правоотношения личности и государства, следует констатировать, что первоначальные ресоциализационные мероприятия проводятся на этапе исполнения наказания – соответственно, они должны быть установлены в уголовно-исполнительном законодательстве. В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее – УИК РФ) в ч. 2 ст. 1 предусмотрена такая задача уголовно-исполнительного законодательства, как оказание осужденным помощи в социальной адаптации, хотя само понятие социальной адаптации в УИК РФ не разъяснено (термин «ресоциализация» не встречается вовсе).

* © Климанова О. В., 2018

Климанова Ольга Валериевна (klimanovaov@mail.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Статья подготовлена в рамках социального образовательного проекта № 17-1-008568 «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)» с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

Исследование доктринальных позиций относительно определения социальной адаптации позволяет сделать вывод, что оно в целом соотносительно с предметом настоящего исследования – деятельностью по возвращению освобожденного лица в социум. Например, под социальной адаптацией понимают создание благоприятных условий и проведение комплекса мероприятий, обеспечивающих приспособление (приобщение) осужденных в период отбывания наказания вплоть до освобождения к жизни на свободе [3]. Для целей уголовно-исполнительного законодательства данное определение представляется адекватным, однако оно не лишено существенного недостатка, связанного с установлением конечной границы адаптационных мероприятий при освобождении лица в связи с комплексным характером ресоциализации. В этом смысле более предпочтительна другая расширенная трактовка, согласно которой социальная адаптация – процесс подготовки осужденных к освобождению и управления их социализацией после освобождения под контролем уполномоченных органов [4, с. 123–134]. Весьма важно, что данный процесс носит длящийся характер и предполагает осуществление комплекса мероприятий как пенитенциарного, так и постпенитенциарного характера, в том числе осуществляемых после освобождения осужденного.

Закономерно, что уголовно-исполнительное законодательство в большей степени регулирует работу по социальной адаптации в процессе отбывания лицом наказания, которая реализуется посредством, к примеру, привлечения к труду осужденных [5, с. 43–51], организации получения ими образования [6, с. 125–132] и др. (например, ст. 103, 112 УИК РФ). Значительную роль в этом смысле также имеет работа групп социальной защиты осужденных, действующих, как отмечено в приказе Минюста РФ от 30.12.2005 № 262, в целях создания предпосылок для исправления и ресоциализации осужденных, а также для их успешной адаптации после освобождения из мест лишения свободы. Ограничиваясь в настоящей статье проблематикой ресоциализации (социальной адаптации) именно лиц, отбывших наказание и освобожденных от него, вопросы, связанные с мероприятиями, имеющими место в ходе отбывания лицом наказания в виде лишения свободы, оставим за рамками исследования. Несомненно, они влияют на адаптационные процессы личности в будущем, однако их влияние опосредованно и отсрочено во времени. Кроме того, оно связано в большей степени с совершенствованием личностных характеристик осужденного, что требует анализа указанных действий и состояний, в т. ч. с точки зрения психологии.

Максимально близко к непосредственному содействию в приспособлении лица к нормальным условиям жизни после освобождения при-

ближаются нормы главы 22 УИК РФ, в которых установлены общие параметры оказания помощи осужденным при освобождении от отбывания наказания. Однако дальнейшая жизнедеятельность освобожденного лица и вопросы постпенитенциарной ресоциализации (адаптации) остаются за пределами регулирования уголовно-исполнительного законодательства.

Оригинальным образом, как будто вне связи с системой уголовно-исполнительного законодательства, соответствующую деятельность регулирует Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», называя ее иначе – ресоциализацией. Указанный разрыв представляется весьма негативным явлением, поскольку эффективность ресоциализации напрямую обусловлена ее непрерывностью до и после освобождения лица [7, с. 208–213].

Иллюстрацией последовательной работы системы ресоциализации может служить зарубежный опыт. Например, в ФРГ существует институт помещения в переходные дома (в рамках т. н. «постепенного освобождения»), администрации которых непосредственно участвуют в поиске работодателей и заключении соглашений о трудоустройстве освободившихся [8, с. 11–12], а в Японии правительство ответственно за решение вопросов трудового и бытового устройства освобожденных из мест лишения свободы лиц в силу Закона «О постпенитенциарной опеке над освободившимися заключенными» [9, с. 85–87]. Однако российские нормы в области пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации не взаимодействуют, а применяются фактически изолированно.

Согласно ст. 25 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ, ресоциализация представляет собой комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера. При этом каких-либо иных норм, уточняющих или раскрывающих данную форму деятельности, федеральное законодательство не содержит.

Указанное определение ресоциализации включает в себя три структурные характеристики: содержание, субъектов и цель. Положительной оценки в данном случае заслуживает лишь формулирование специальной цели ресоциализации, поскольку она свидетельствует о требовании обеспечения работы именно с соответствующими категориями лиц в ряду других форм профилактического воздействия. Однако две другие заявленные характеристики ресоциализации сформулированы крайне неудачно.

Закон определяет содержание ресоциализации закрытым способом как «комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера». Вместе с тем наполнение указанных мероприятий не раскрыто и общее, фактически абстрактное описание сфер их применения не отвечает требованию ясности правовой нормы. Как показывает изучение региональных нормативных документов соответствующей тематики, а также здравый смысл, в ресоциализационный процесс должны включаться в том числе меры медицинского, трудового, жилищного характера, отнесение которых к указанным в законе группам неочевидно.

Кроме того, подобное конструирование содержания ресоциализации вводит в заблуждение относительно ее соотношения с другими формами профилактического воздействия, предусмотренными в ст. 17 указанного Федерального закона, – социальными адаптацией и реабилитацией. При сравнении норм, регулирующих вопросы социальной адаптации и реабилитации (ст. 24, 26 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ), очевидно наличие значительных сходств в указанных категориях. В этой связи предпримем попытку их разграничить, используя такие критерии, как круг адресатов мероприятий, их объем и цель.

Меры социальных адаптации и реабилитации применяются к лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, а меры ресоциализации – к лицам, отбывшим уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшимся иным мерам уголовно-правового характера (которые, впрочем, могут быть отнесены к лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, ввиду чего данный ограничительный критерий весьма условен). С точки зрения объема социальные адаптация и реабилитация включают в себя исключительно социальные меры, ресоциализации же присущ значительно больший масштаб, она носит комплексный характер и представляет собой совокупность мероприятий социально-экономического, педагогического, правового, психологического характера и др., при этом охватывая и адаптационно-реабилитационные меры. Специальная цель свойственна лишь ресоциализации, и она предопределяет объем ее мероприятий.

Другим существенным недостатком Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ в рассматриваемой части является пробельное урегулирование вопроса о субъектах ресоциализации. По буквальному предписанию закона к ним отнесены общие субъекты профилактики правонарушений (органы исполнительной власти и местного самоуправления, прокуратуры и следственные органы Следственного комитета РФ) и непубличные лица, участвующие в профилактике правонарушений (в силу ст. 2 Федерального закона – граждане, общественные объединения и иные организации). Учитывая контингент адресатов ресоциализации, в работу с

ними, несомненно, на постпенитенциарном этапе в первоочередном порядке должны включаться МВД и ФСИН. МВД уполномочено в силу своего Положения на принятие мер по предупреждению преступлений и административных правонарушений, по выявлению и устранению причин и условий, способствующих их совершению, а ФСИН является органом, взаимодействие с которым имеет принципиальное значение в рамках постпенитенциарной ресоциализации, служащей продолжением аналогичной работы, начатой в период отбывания наказания. В этой связи не ясна логика законодателя, не выделяющего обособленно такой инструмент эффективной ресоциализационной работы с освобожденными лицами, как взаимодействие МВД, ФСИН и других структур для целей постпенитенциарной ресоциализации. Они, несомненно, являются указанными «органами исполнительной власти», однако их отсутствие среди других прямо названных органов правоохранительного блока может ввести в заблуждение относительно обязательности их участия в данной работе. Подобный негативный результат уже наблюдается на региональном уровне. В большинстве изученных нормативных программных актах субъектов РФ, устанавливающих комплексно параметры ресоциализационной работы, к числу участников мероприятий отнесены лишь отдельные региональные органы исполнительной власти.

Справедливо в этой связи отметить, что на уровне координационных (совещательных) органов, образуемых публичными органами власти, работа с соответствующими правоохранительными органами на практике ведется. Как правило, задачи ресоциализации освобожденных лиц в ряду многих других ставятся перед межведомственными комиссиями по профилактике правонарушений (Владимирская, Волгоградская, Мурманская области и др.). Лишь в редких регионах, например в Хабаровской крае, созданы специальные межведомственные комиссии по ресоциализации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы. Вместе с тем, несмотря на наличие таких комиссий и рабочих групп, следует понимать, что юридические последствия решений совещательного органа с широким спектром задач, помимо вопросов ресоциализации и нормативного закрепления конкретных самостоятельных гарантий, в указанной сфере неравноценны.

Выявленные недостатки регулирования вопросов ресоциализации на федеральном уровне влекут риски серьезных негативных последствий. В частности, к ним относятся трудности подзаконного регулирования соответствующих отношений. Учитывая рамочный характер их определения на федеральном уровне, в данной сфере требуется значительная дополнительная правотворческая работа регионов. Каким образом она может быть качественно проведена в условиях терми-

нологической и содержательной неопределенности федерального законодателя, а также наличия противоречий при определении параметров пенитенциарной адаптации (в рамках УИК РФ) и постпенитенциарной ресоциализации, не ясно.

На основании проведенного анализа считаем, что ст. 25 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ следует изменить, определив в ней следующее: «Ресоциализация представляет собой комплекс мер социального, экономического, медицинского, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами ресоциализации в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших наказание, освобожденных от него и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера. К субъектам ресоциализации относятся: МВД, ФСИН, иные субъекты профилактики правонарушений, лица, участвующие в профилактике правонарушений. Меры по социальной адаптации и реабилитации лиц, отбывших наказание, освобожденных от него и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера, относятся к мерам ресоциализации». По аналогии с нормой о социальной адаптации также должны быть перечислены основные ресоциализационные мероприятия по установленным направлениям.

В целях понимания особенностей регулирования соответствующих отношений в субъектах РФ был проанализирован 81 правовой акт регионального и муниципального уровня. Их исследование показало, что региональный законодатель следует неоднозначной федеральной практике и при формулировании институтов, фактически регулирующих тождественные отношения по возвращению осужденных лиц к общественной жизни, использует различные термины, такие как «ресоциализация», «социальная адаптация», «социальная реабилитация».

Подавляющее большинство соответствующих актов было принято до вступления в силу Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ и не учитывает его положений, а потому закономерен вывод, что система правового регулирования ресоциализации на разных уровнях фактически не выстроена. Между тем вновь принятые акты также по существу формальны и малоинформативны. Например, в недавнее время принят Закон Самарской области от 11.12.2017 № 117-ГД «О профилактике правонарушений на территории Самарской области» (далее – Закон), который в наиболее общем виде определяет направления такой профилактической работы (ст. 6). В данном Законе термин «ресоциализация» не упоминается, но, учитывая относимость освобожденных лиц в целом к лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, и прямое указание на его применимость к лицам, освободившимся из мест лишения свободы, ряд мероприятий Закона может быть признан направленным на ресоциализацию освобожденных лиц, в частности в сферах социально-демографической и семейной

политики, труда и занятости населения, а также культуры. Однако иные направления профилактики правонарушений, названные в Законе, – медицинское, транспортное, образовательное, спортивное – не содержат в себе конкретных мероприятий, связанных с ресоциализацией. Данный факт можно считать наглядным следствием несовершенства определения содержания мер по ресоциализации в Федеральном законе, фактически не устанавливающего никаких гарантий оказания помощи для освобожденного лица, которые могли бы быть признаны обязательными для регионов.

В целом в субъектах Российской Федерации существует незначительное количество актов законодательного уровня, содержащих нормы, направленные на ресоциализацию освобожденных лиц. Как правило, к ним относятся общие законы об основах профилактики правонарушений (Республика Коми, Еврейская автономная область). В других субъектах (Республика Башкортостан, Кировская, Тюменская, Ульяновская области) приняты специальные законодательные акты, которые устанавливают конкретные меры социальной адаптации (ресоциализации) в различных сферах жизнедеятельности освобожденных лиц.

Примечательно, что большая часть изученных региональных актов 41 субъекта РФ в сфере ресоциализации освобожденных лиц принята в 2009–2010 годах. Вероятно, соответствующая активность была обусловлена наличием поручения Президента Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № Пр-444 о создании системы социальной реабилитации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы [10]. В это время не только принимались специальные законы по данному предмету, но и действовали программные документы, специально направленные на регулирование вопросов ресоциализации освобожденных лиц. В республиках Татарстан, Адыгея, Северная Осетия, в Чукотском автономном округе, Томской, Саратовской, Ульяновской областях и др. в эти периоды приняты программы социальной адаптации (реабилитации) освобожденных лиц, которые к настоящему времени в большинстве своем либо не продлены вовсе, либо трансформировались в малоэффективные краткосрочные подпрограммы иных государственных программ с ограниченным финансированием (Самарская, Сахалинская области). Действующую правовую базу в данной сфере составляют по большей части неотмененные акты указанного периода, которые, однако, не соотносятся с системой понятий и категорий профилактического воздействия по дифференцированным направлениям, установленной Федеральным законом от 23.06.2016 № 182-ФЗ.

Анализ программных актов субъектов РФ позволяет усилить ранее сделанный вывод, что поддержка освобожденных лиц не является приоритетным направлением региональной политики. Несмотря на нормативную регламентацию значи-

тельного комплекса мероприятий в данном направлении, их реализация фактически заморожена, о чем свидетельствует незначительное финансирование либо отсутствие финансирования мероприятий, однозначно требующих финансовых затрат. Другие проблемы связаны с формальным подходом к выполнению задач: например, большинство мероприятий не предполагает реального оказания помощи освобожденным, о чем свидетельствуют их оценочные формулировки (например, «создание условий», «оказание содействия»); многие мероприятия не учитывают специфики контингента их адресатов (например, мероприятия в сфере занятости – суть мероприятия по работе с безработными). Кроме того, их реализация ограничена работой органов исполнительной власти, и в числе участников программ правоохранительные органы, как правило, не названы.

Следует заключить, что нормативная база Российской Федерации в сфере ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, недостаточна. Если обеспечение пенитенциарной ресоциализации отчасти организовано в исправительных учреждениях в рамках уголовно-исполнительного законодательства, то параметры постпенитенциарной ресоциализации не определены. В федеральном законодательстве фактически продекларирован факт ее проведения, однако конкретные меры по осуществлению данной деятельности не предусмотрены. Ряд исследователей полагает, что трудности постпенитенциарной ресоциализации во многом связаны с правовой скупостью законодателя и могут быть решены посредством принятия специального федерального закона [3; 11, с. 50–53; 12, с. 21–23]. Поддерживая указанную позицию, отметим, что повышение эффективности ресоциализации возможно и посредством корректировки действующего законодательства: наиболее важно, что указанные преобразования должны быть нацелены на доведение до логического завершения проявившегося в законе намерения законодателя обособить в рамках ресоциализации работу именно с осужденными и освобожденными лицами, однозначно исключив эту категорию адресатов мероприятий из сферы действия иных видов социальной работы с лицами, попавшими в трудную жизненную ситуацию, и установив четкий объем пенитенциарных и постпенитенциарных мер, включенных в ресоциализацию, а также прямо перечислив основных субъектов, уполномоченных на их применение.

Библиографический список

1. Состояние преступности в России. За январь-декабрь 2017 г. М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой

статистики и информационных технологий. М., 2018. 52 с.

2. Кленова Т. В., Щукина Н. П., Адоевская О. А. О дорожной карте ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4 (26). С. 41–45.

3. Антонян Ю. М., Афанасьева О. Р., Гончарова М. В., Рачицкая В. А., Тимошина Е. М., Шиян В. И. Личность преступника и профилактика преступлений: монография / под ред. проф. Ю. М. Антоняна. М.: Проспект, 2017. Доступ из СПС «Гарант».

4. Южанин В. Е., Горбань Д. В. Принцип прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы // Lex Russica. 2017. № 2. С. 123–134. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.123.2.123-134>.

5. Корякин Е. А. Трудовая занятость осужденных к лишению свободы в России и ее влияние на профилактику рецидивной преступности: постановка проблемы для исследования // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 43–51. DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11\(1\).43-51](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(1).43-51)

6. Гаманенко Л. И., Кузнецов В. И. Профессиональное образование в местах лишения свободы как средство ресоциализации осужденных и их социальной адаптации после освобождения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 125–132. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-2-125-132>.

7. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Проблемы повышения эффективности социальной адаптации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы // Общество и право. 2011. № 3. С. 208–213.

8. Андреев Н. А., Морозов В. М., Ковалев О. Г., Дебольский М. Г., Морозов А. М. Ресоциализация осужденных в пенитенциарных учреждениях ФРГ (социально-психологический аспект): учеб. пособие. М.: Права человека, 2001. 182 с.

9. Андреева Ю. В. Государственная политика Японии в области исправления осужденных и их постпенитенциарной адаптации // Инновационные тенденции развития российской науки: материалы IX Международной научно-практич. конф. молодых ученых. 2016. С. 85–87.

10. Обзор о реализации в субъектах Российской Федерации мероприятий в сфере профилактики правонарушений в 2015 году, подготовленный Правительственной комиссией по профилактике правонарушений. URL: <https://мвд.рф/document/8109795> (дата обращения: 20.04.2018).

11. Лазарева Ю. В. Современные проблемы социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 1. С. 50–53.

12. Стахов Я. Г. Некоторые пути решения проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 1. С. 21–23.

References

1. Sostoianie prestupnosti v Rossii. Za ianvar'–dekabr' 2017 g. [Condition of crime in Russia. For January – December, 2017]. M.: Generalnaia prokuratura Rossiiskoi Federatsii. Glavnoe upravlenie pravovoi statistiki i informatsionnykh tekhnologii. M., 2018, 52 p. [in Russian].

2. Klenova T. V., Shchukina N. P., Adoevskaya O. A. O dorozhnoi karte resotsializatsii i realnogo vklucheniia v grazhdanskoe obshchestvo lits, otbyvshikh ugovolnoe nakazanie i osvobodennykh ot nego [About the road map of resocialization and real inclusion into the civil society of persons who have served a criminal sentence and were released from it]. Vestnik Samarskogo iuridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara Law Institute], 2017, no. 4 (26), pp. 41–45 [in Russian].

3. Antonyan Yu. M., Afanas'eva O. R., Goncharova M. V., Rachitskaya V. A., Timoshina E. M., Shiyan V. I. Lichnost prestupnika i profilaktika prestuplenii: monografiia (pod red. d.iu.n., prof. Iu. M. Antoniana) [Identity of the criminal and prevention of crimes: monograph (Doctor of Laws, professor Yu. M. Antonyan (Ed.))]. M.: Prospekt, 2017. Available at legal reference system «Garant» [in Russian].

4. Yuzhanin V. E., Gorban' D. V. Printsip progressivnoi sistemy otbyvaniia nakazaniia v vide lisheniia svobody [The principle of progressive system of serving custodial sentence]. Lex Russica, 2017, no. 2, pp. 123–134. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.123.2.123-134> [in Russian].

5. Koryakin E. A. Trudovaia zaniatost osvobodennykh k lisheniui svobody v Rossii i ee vliianie na profilaktiku retsidivnoi prestupnosti: postanovka problemy dlia issledovaniia [Labor employment of convicts to imprisonment in Russia and its influence on prevention of recidivism: statement of a problem for the research]. Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology], 2017, Vol. 11, no. 1, pp. 43–51. DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11\(1\).43-51](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(1).43-51) [in Russian].

6. Gamanenko L. I., Kuznetsov V. I. Professional'noe obrazovanie v mestakh lisheniia svobody kak sredstvo resotsializatsii osvobodennykh i ikh sotsialnoi adaptatsii posle osvobodheniia [Professional education in places of detention as means of resocialization of convicts and their social adaptation after release]. Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki [Perm

University Herald. Juridical Sciences], 2015, no. 2, pp. 125–132. DOI: 10.17072/1995-4190-2015-2-125-132 [in Russian].

7. Prohorov L. A., Prokhorova M. L. Problemy povysheniia effektivnosti sotsialnoi adaptatsii lits, osvobodhaemykh iz mest lisheniia svobody [Problems of increase of efficiency of social adaptation of the persons released from imprisonment places]. Obshchestvo i pravo [Society and Law], 2011, no. 3, pp. 208–213 [in Russian].

8. Andreev N. A., Morozov V. M., Kovalev O. G., Debol'sky M. G., Morozov A. M. Resotsializatsiia osvobodennykh v penitentsiarnykh uchrezhdeniakh FRG (sotsialno-psikhologicheskii aspekt): ucheb. posobie [Resocialization of convicts in penal institutions of Germany (social and psychological aspect): textbook]. M.: Prava cheloveka, 2001, 182 p. [in Russian].

9. Andreeva Yu. V. Gosudarstvennaia politika Iaponii v oblasti ispravleniia osvobodennykh i ikh postpenitentsiarnoi adaptatsii [State policy of Japan in the field of correction of convicts and their postpenitentiary adaptation]. In: Innovatsionnye tendentsii razvitiia rossiiskoi nauki: materialy ix mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh [Innovative trends in the development of Russian science: materials of the IX International Research and Practical Conference of Young Scientists], 2016, pp. 85–87 [in Russian].

10. Obzor o realizatsii v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii meropriiati v sfere profilaktiki pravonarusheniia v 2015 godu, podgotovlennyi Pravitelstvennoi komissiei po profilaktike pravonarusheniia [The review about realization in the federal subjects of the Russian Federation of measures in the sphere of prevention of offenses in 2015 prepared by the Government Commission on Crime Prevention]. Available at: <https://mvd.rf/document/8109795> (accessed 20.04.2018) [in Russian].

11. Lazareva Yu. V. Sovremennye problemy sotsialnoi reabilitatsii lits, osvobodivshikhsia iz mest lisheniia svobody [Modern problems of social rehabilitation of persons released from places of detention]. Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law], 2010, no. 1, pp. 50–53 [in Russian].

12. Stahov Ya. G. Nekotorye puti resheniia problemy sotsialnoi adaptatsii lits, osvobodennykh iz mest lisheniia svobody [Some solutions of the problem of social adaptation of persons released from places of detention]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2012, no. 1, pp. 21–23 [in Russian].

*O. V. Klimanova****RESOCIALIZATION OF PERSONS WHO HAVE SERVED CRIMINAL PENALTY AND WERE RELEASED FROM IT IN REGULATORY ACTS: LEGAL GAPS AND CONTRADICTIONS****

The article is devoted to the research of legal bases and legal limits of resocialization of persons who have served criminal penalty and were released from it that is especially important in view of interbranch and interdisciplinary character of this phenomenon which is a subject of attention not only of legal, but also sociological sciences. For valuation of systemacity of legislation on resocialization 22 federal legal acts, 81 regional and municipal legal acts were investigated by the author. On the basis of the analysis of current legislation conclusions on deficiency of interrelation and interaction of norms on penitentiary and postpenitentiary resocialization, on a discrepancy of volume of legislative concepts of resocialization and social adaptation with the content of their qualitative signs and also on deficiency of special legal warranties for the released person on rendering the assistance in adaptation to essentially new living conditions to him are drawn. As a result the directions of improvement of current federal legislation which are designed to improve the quality of regional legal acts subsequently and to correct practice of resocialization of persons who have served criminal penalty and were released from it locally are offered.

Key words: resocialization, social adaptation; social rehabilitation, persons who have served criminal penalty and were released from it; prevention of crimes, purposes and objectives of criminal executive policy, repeated crime.

---

* *Klimanova Olga Valerievna* (klimanovaov@mail.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** The article was prepared within the framework of social educational project № 17-1-008568 «Road map for resocialization and real inclusion in civil society of persons who served criminal sentences and were released from it (2018–2021)» using the President's grant for the development of civil society provided by the Foundation for Presidential Grants.

УДК 343.24

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-41-46

А. А. Пивоварова*

ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ ЛИЦАМ, ПОВТОРНО СОВЕРШИВШИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ**

Статья посвящена исследованию взаимосвязи процессов назначения уголовного наказания и ресоциализации осужденных. На основании результатов анализа сведений о количестве лиц, совершающих преступления повторно, и лиц, осужденных на основании обвинительного приговора с учетом судимостей, рассматриваются пути возможного влияния практики назначения наказания на уровень рецидивной преступности. Автор обосновывает идею повышения эффективности уголовного наказания и улучшения состояния судимости посредством обеспечения реальной возможности формирования у осужденного нового социального статуса после отбытия наказания. Ресоциализация как сложный многоэтапный процесс должна запускаться еще на стадии определения судом вида и размера наказания виновному. На основе анализа наказаний, назначаемых лицам с неснятыми и непогашенными судимостями, сделан вывод о необходимости постановки перед судьями особой задачи обеспечения ресоциализации для достижения целей уголовного наказания.

Ключевые слова: повторное преступление, рецидив преступлений, уголовное наказание, назначение наказания, назначение наказания при повторности преступлений, назначение наказания при рецидиве преступлений, ресоциализация осужденных.

Уголовное наказание и его особое уголовно-правовое последствие в виде судимости, несомненно, выполняют функцию регулятора общественных отношений, однако не могут с хорошим результатом осуществить свою основную охранительную функцию. Цель удержать индивида от совершения преступления остается недостижимой, несмотря на произошедшие за последние годы изменения качественных свойств отдельных видов наказаний, а также реформирование уголовно-исполнительной системы. После привлечения к уголовной ответственности лица вновь совершают преступления независимо от наличия неснятой (непогашенной) судимости. Особое внимание здесь следует обратить на повторную и рецидивную преступность, показатели которой остаются неизменно высокими.

Анализ статистических данных МВД России за последние 6 лет наглядно демонстрирует увеличение удельного веса лиц, ранее совершавших преступления, при нестабильном сокращении общего числа лиц, совершивших преступления за год. При этом удельный вес лиц, ранее судимых за преступления, по отношению к количеству лиц, ранее совершавших преступления, сокращается, и с 2012 по 2017 год он уменьшился на 21,8 % (табл. 1).

Данные по Самарской области схожи в целом с федеральными показателями. Увеличение удельного веса лиц, ранее совершавших преступления,

в нашем регионе колеблется в пределах 1,5–2 % за год. В период с 2012 по 2017 год число лиц, ранее совершавших преступления, увеличилось на 4,9 %, а число лиц, ранее судимых за преступления, сократилось на 4 % (табл. 2).

Судебный департамент при Верховном Суде РФ, обобщая сведения о количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу, представляет данные о стабильном сокращении числа лиц с неснятой и непогашенной судимостью и вновь совершивших преступления. С 2013 по 2016 год удельный вес данной категории осужденных сократился на 3,1 % (табл. 3).

Для сравнения, интересны аналогичны данные за 2010–2012 годы. Как наглядно видно из таблицы 4, удельный вес осужденных с действующей судимостью повышался. Увеличился с 2010 по 2012 год на 2,7 % (табл. 4).

Данные Управления Судебного департамента по Самарской области за 2013–2016 годы демонстрируют пропорциональное снижение общего количества осужденных и сокращение удельного веса осужденных, имеющих судимости (–7,9 %) (табл. 5).

В то же время показатели более ранних лет при последовательном сокращении общего количества осужденных указывают на неизменное увеличение числа лиц, имеющих судимость и вновь со-

* © Пивоварова А. А., 2018

Пивоварова Анастасия Александровна (nastishe@mail.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Статья подготовлена в рамках социального образовательного проекта № 17-1-008568 «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018 – 2021 гг.)» с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

Таблица 1

Лица, совершившие преступления в России (2012–2017 гг.)

Наименование	2017		2016		2015		2014		2013		2012	
	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %
Выявлено лиц, совершивших преступление	967	100	1 015	100	1 075	100	1 006	100	1 012	100	1 010	100
В том числе ранее совершавших преступления	541541	56	548 382	54	556 914	52	510 122	50,8	482 520	47,7	452 312	44,7
Из них: ранее судимых за преступления	273379	50,5	272 967	49,8	303 494	54,3	308 616	60,4	322 029	66,7	326 894	72,3

Таблица 2

Лица, совершившие преступления в Самарской области (2012–2017 гг.)

Наименование	2017		2016		2015		2014		2013		2012	
	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %
Выявлено лиц, совершивших преступление	20028	100	22541	100	22314	100	21500	100	22047	100	22764	100
В том числе ранее совершавших преступления	11857	59,2	12791	56,8	12599	56,5	12093	56,3	12318	55,9	12365	54,3
Из них: ранее судимых за преступления	5807	49	6459	50,4	6463	51,3	6276	51,9	6429	52,2	6553	53

Таблица 3

Лица, осужденные в России (2013–2016 гг.)

Наименование	2016		2015		2014		2013	
	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %
Осуждено лиц	740 410	100	734 581	100	719 297	100	735 340	100
В том числе с неснятыми и непогашенными судимостями	228 450	30,9	240 067	32,7	241 764	33,6	250 245	34,0

вершающих преступления. Так, с 2010 по 2012 год количество осужденных в Самарской области сократилось на 3070 человек, что составило 25 % от показателя 2012 года. Вместе с тем удельный вес лиц с неснятыми и непогашенными судимостями увеличился на 9,2 % (табл. 6).

Подобная статистика, когда удельный вес лиц, повторно совершающих преступления, увеличивается с каждым годом, в то время как число осужденных лиц, имеющих неснятую и непогашенную судимость, сокращается, подтверждает вывод о серьезном расхождении между положениями уголовного закона и реальной действительностью. Понятие рецидива преступлений (ч. 1 ст. 18 УК РФ) и понятие повторности преступлений не совпадают по объему. Такая картина обусловлена, во-первых, пробелом законодательства, в котором нет определения повторности преступлений, несмотря на востребованность этого понятия в статистических отчетах; во-вторых, законодательными

положениями: признаками рецидива преступлений, судимостями, которые не учитываются при определении рецидива преступлений (ч. 4 ст. 18 УК РФ). Повторность совершения преступлений, включающую и рецидив, не все ученые признают, обстоятельством, усиливающим уголовную ответственность. Например, В.Д. Спасович отрицал отягчающее значение повторности преступлений, поскольку считал, что «причины рецидива не всегда в личности преступника» [1, с. 120], рецидив может быть следствием, например, плохой работы исправительных учреждений.

Иные исследователи, напротив, считали необходимым усиливать наказание за повторное совершенные преступления. О. Горегляд отмечал «если наказанный преступник во второй раз или более учинит одинаковое преступление, то при всяком осуждении его определенное ему прежде наказание необходимо должно быть в некоторой мере увеличено» [2, с. 87]. При этом авторы не считали подобное правило нару-

шением запрета двойного осуждения за одно и то же деяние. Н. С. Таганцев писал, что «при повторении мы не судим и не наказываем прошлое деяние, за которое преступник уже расплатился с обществом, а мы берем в расчет только те видоизменения, которые это прошлое внесло в новое преступное деяние. Мы принимаем во внимание, что прежняя судимость изменяет даже объективное значение деяния, изменяет размер вреда, страха, опасения, внушаемого преступным деянием» [3, с. 309]. С. В. Познышев считал, что рецидив преступлений относится к таким случаям повторной преступной деятельности, когда может оказаться нужным не только удлинить данное карательное воздействие, но и перейти от одного рода воздействия к другому [4, с. 631].

Рецидив преступлений на сегодняшний день является искусственной юридической конструкцией, включающей ограниченное число ситуаций совершения преступлений осужденными. И тем не менее даже в таком варианте содержания наличия рецидива в действиях лица означает, что прежнее наказание не достигло установленных законом целей исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений, то есть было неэффективным. Следовательно, новое наказание может предполагать качественное или количественное усиление. Однако усиление наказания при рецидиве также должно быть связано с повышенной общественной опасностью личности преступника, не поддавшегося исправле-

нию, но не должно стать повторным наказанием за ранее совершенные им преступления [5, с. 115].

Из сказанного можно сделать вывод, что снижение показателей рецидивной преступности – это следствие законодательных формулировок, а не реальных достижений по направлениям исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Резкое изменение показателей числа осужденных с судимостями начиная с 2012 года отчасти также может быть обусловлено законодательными решениями. В 2012 году в УК РФ были внесены существенные изменения, ограничивающие возможность условного осуждения при рецидиве преступлений (Федеральный закон от 16.10.2012 № 172-ФЗ).

Сложившаяся сегодня в России ситуация, когда назначение и исполнение уголовного наказания не соответствует заявленным в законе целям, справедливо именуется в уголовно-правовой и криминологической науках как «кризис уголовного наказания». Наказание безусловно имеет много возможностей, однако оно не может отменить факт совершенного преступления или создать новую личность у субъекта преступления.

В качестве одной из причин повторности преступлений криминологи указывают на неумение судей проводить криминологическое прогнозирование индивидуального преступного поведения, вследствие которого избираются неэффективные меры наказания [6, с. 241].

Таблица 4

Лица, осужденные в России (2010–2012 гг.)

Наименование	2012		2011		2010	
	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %
Осуждено лиц	739 278	100	782 274	100	845 071	100
В том числе с неснятыми и непогашенными судимостями	254 279	34,4	258 301	33,0	267 594	31,7

Таблица 5

Лица, осужденные в Самарской области (2013–2016 гг.)

Наименование	2016		2015		2014		2013	
	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %
Осуждено лиц	9736	100	9723	100	104171	100	11312	100
В том числе с неснятыми и непогашенными судимостями	3685	37,9	3897	40,0	4395	42,2	5178	45,8

Таблица 6

Лица, осужденные в Самарской области (2010–2012 гг.)

Наименование	2012		2011		2010	
	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %	всего	уд. вес, %
Осуждено лиц	12 256	100	13 524	100	15 326	100
В том числе с неснятыми и непогашенными судимостями	5538	45,2	5489	40,6	5511	36,0

Таблица 7

**Виды наказаний, назначаемые лицам с неснятыми и непогашенными судимостями
в Самарской области**

Годы	Всего лиц с судимостью	Основные наказания							Дополнительные наказания		
		Лишение свободы	Условное осуждение к лишению свободы	Ограничение свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф	Определено лечение*	Лишение права занимать/ся определенными должностями/деятельностью	Штраф	Ограничение свободы
2016	3 685	2 319	1 221	15	36	43	20	80	31	23	29
2015	3 897	2 552	1 055	9	48	28	20	176	11	26	23
2014	4 395	2 883	1 339	8	44	36	43	123	18	17	23
2013	5 178	3 272	1 686	24	72	44	49	67	16	18	8

* Лечение от наркомании, алкоголизма, у врача-психиатра (в том числе при условном осуждении).

Рис. 1. Сроки лишения свободы, назначаемые лицам с неснятыми и непогашенными судимостями в Самарской области в 2013 году

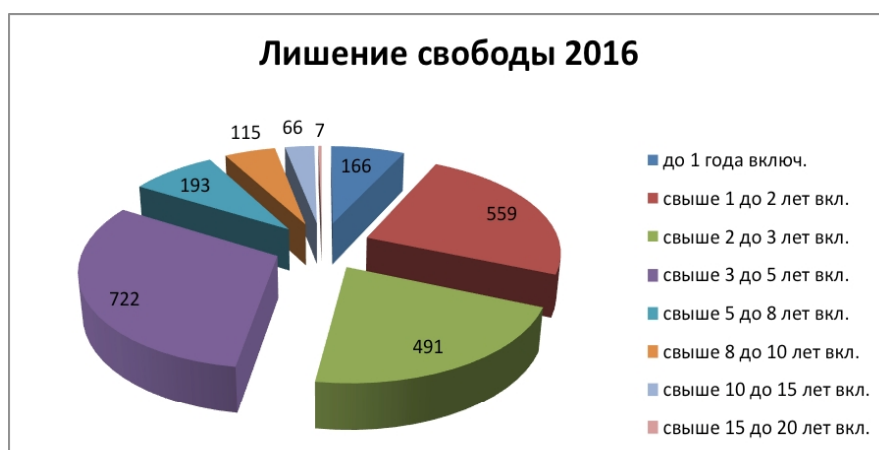

Рис. 2. Сроки лишения свободы, назначаемые лицам с неснятыми и непогашенными судимостями в Самарской области в 2016 году

Криминологические исследования последних лет обосновывают, что тенденцией современной российской уголовной и пенитенциарной политики должен стать приоритет наказаний альтернативных, не связанных с изоляцией от общества [7, с. 8].

Полагаем, что важную роль в преодолении кризиса, в том числе в сокращении повторной

преступности, должен выполнить процесс ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание. Ресоциализация в данной статье понимается как «сотворение нового социального статуса личности взамен прежнего, который не может быть сохранен в условиях возвращения в социум» [8, с. 42].

Таблица 8

Применение специальных правил смягчения наказания к осужденным с неснятыми и непогашенными судимостями в Самарской области

Годы	Более мягкий вид наказания вместо лишения	Всего лиц с судимостью	Применение ст. 64 УК РФ			Применение особого порядка судебного разбирательства	
			Более мягкий вид наказания вместо меры	Ниже низшего предела лишения свободы	Ниже низшего предела иная мера	При согласии обвиняемого с предъявленным обвинением	При заключении досудебного соглашения о сотрудничестве
2016	3 685	0	0	53	1	2699 (73,2 %)	11
2015	3 897	3	0	45	0	2855 (73,3 %)	12
2014	4 395	0	3	45	2	3145 (71,5 %)	14
2013	5 178	1	3	98	0	3520 (68 %)	20

Процесс ресоциализации является сложным и многоэтапным, включает 3 стадии: назначения наказания, исполнения наказания и постпенитенциарную.

При назначении наказания судья в силу обозначенной в УК РФ цели исправления осужденного должен спрогнозировать возможность эффективного воздействия на личность виновного для возвращения его в систему нормальных общественных отношений. Практика назначения уголовного наказания способна оказывать влияние на состояние рецидивной преступности. Анализ наказаний, назначаемых лицам с судимостями, позволяет оценить вероятность осуществления процесса ресоциализации на этапе определения вида наказания (табл. 7).

Наиболее распространенным уголовно-правовым последствием преступления для исследуемой категории осужденных было и остается реальное лишение свободы (от 63 до 65,6 %). Второе место занимает условное лишение свободы (27–32,6 %). Показатели наказаний, связанных с трудовым воздействием, весьма незначительны. Количество осужденных, получающих дополнительные наказания, также невелико и в среднем составляет около 1,5–2 % от общего числа осужденных.

Наказание в виде лишения свободы, которое является лишь изоляцией осужденного от общества и не более того, не может быть ни средством примирения, ни средством ресоциализации без необходимых сопутствующих компонентов (трудового, воспитательного и психологического). Тем не менее данный вид наказания стабильно составляет около 63 % от общего числа осужденных, способствуя тем самым большому количеству повторных преступлений. При этом сроки лишения свободы вполне могут быть сопоставимы с параметрами наказания лиц, впервые совершивших преступления. Подобная ситуация не соответствует принципам борьбы с рецидивной преступностью, поскольку отсутствует последовательная реализация карательных возможностей уголовного закона: избирается самый суровый вид наказания, а размер его незначительный.

Так, в 2013 году для лиц с неснятыми (непогашенными) судимостями судьи в большинстве случаев выбирали лишение свободы в пределах от 3 до 5 лет включительно, что составило 34 %

от числа лиц осужденных к лишению свободы. На втором месте – лишение свободы на срок от 2 до 3 лет – 25 %. На третьем месте – лишение свободы на срок от 1 до 2 лет – 20 % (рис. 1).

В 2016 году по-прежнему наиболее часто избирается лишение свободы сроком от 3 до 5 лет – 31 %. А вот вторым по популярности становится предел от 1 до 2 лет – 24 %. Лишение свободы от 2 до 3 лет назначается чуть реже, в 21% случаев (рис. 2).

В пределах свыше 10 до 15 лет и свыше 15 до 20 лет наказание назначалось судьями в незначительном количестве случаев: в 2013 году – 1,5 и 0,03 % соответственно, в 2016 году – 2,8 и 0,3 % соответственно.

Небольшие сроки лишения свободы даже при рецидиве преступлений связаны с активным применением судами ст. 64 УК РФ, позволяющей назначить наказание ниже низшего предела, а также частей 4 и 5 ст. 62 УК РФ, дающей возможность суду смягчить наказание в случае применения особого порядка судебного разбирательства (гл. 40, 40.1 УПК РФ, табл. 8).

В 70 % случаев лицо, совершившее преступление в состоянии рецидива, в результате применения правил смягчения наказания получает наказание не более 2/3 от максимального размера наиболее строгого наказания, предусмотренного санкцией статьи.

Правила смягчения наказания при особом порядке судебного разбирательства императивные и обязывают судью сократить размер наказания. При этом применение данных специальных правил не зависит от количества судимостей, тяжести совершенных преступлений и вида рецидива.

Таким образом, практика избрания судьями видов и размеров наказаний оказывает влияние на состояние рецидивной преступности и отражает непоследовательную реализацию карательных мер воздействия на лиц, повторно совершающих преступления. Высокие показатели повторности преступлений свидетельствуют о неэффективности уголовного наказания, что, в свою очередь, приводит к ситуации кризиса назначения и исполнения наказаний. Обеспечение ресоциализации осужденных может стать одним из средств преодоления кризисной ситуации.

Библиографический список

1. Карпец И. И. Уголовное право и этика. М.: Юрид. лит., 1985. 256 с.

2. Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права: о преступлениях и наказаниях вообще. Ч. 1. СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1815. 224 с.

3. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции: Часть общая: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Н. И. Загородников. М.: Наука, 1994. 393 с.

4. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М.: А.А. Карцев, 1912. 669 с.

5. Пивоварова А. А. Правосознание и усмотрение судьи: соотношение понятий, роль при назначении наказания: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Самара, 2009. 228 с.

6. Авсеенко Е. В. Криминология: учебник. Архангельск: Международный «Институт управления», 2001. 415 с.

7. Дикаева М. С. Назначение и исполнение уголовных наказаний в России: криминологический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Калининград, 2016. 22 с.

8. Кленова Т. В., Щукина Н. П., Адоевская О. А. О дорожной карте ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4(26). С. 41–45.

References

1. Karpets I. I. Ugolovnoye pravo i etika [Criminal law and ethics]. M.: Jurid. lit., 1985, 256 p. [in Russian].

2. Goreglyad O. Opyt nachertaniya rossiyskogo ugolovnoye prava: o prestupleniyah i nakazaniyah vooobshche [Experience of finding russian criminal law: on crimes and punishment at general]. Part 1. St. Petersburg: Type. I. Ioannesova, 1815, 224 p. [in Russian].

3. Tagantsev N. S. Russkoye ugolovnoye pravo [Russian criminal law]. Lectures: Part of the general: in 2 vol. T. 2, otv. Ed. N.I. Zagorodnikov. M.: Nauka, 1994, 393 p. [in Russian].

4. Poznyshev S. V. Osnovnyye nachala nauki ugolovnoye prava. Obshchaya chast' ugolovnoye prava [Main beginnings of science of criminal law. The general part of the criminal law]. M.: A. A. Kartsev, 1912, 669 p. [in Russian].

5. Pivovarova A. A. Pravosoznanie i usmotrenie sud'yi: sootnoshenie ponyatii, rol' pri naznacheni nakazaniya: dis. ... kand. iurid. nauk [Legal awareness and discretion of the judge: relations between the concepts, role in imposing the punishment: Candidate's of Law thesis]. Samara, 2009, 228 p. [in Russian].

6. Avseenko E. V. Kriminologiya [Criminology]: a textbook. Arkhangelsk: International «Institute of Management», 2001, 415 p. [in Russian].

7. Dikaeva M. S. Naznacheniyeye i ispolneniyeye ugolovnyh nakazaniy v Rossii: kriminologicheskij analiz [Purpose and performance of criminal punishments in Russia: criminological analysis]: Author's abstract: dis. ... cand. jurid. nauk: 12.00.08. Kaliningrad, 2016, 22 p. [in Russian].

8. Klenova T. V., Shchukina N. P., Adoevskaya O. A. [About the road map for resocialization and real inclusion in civil society of persons who have served a criminal sentence and exempted from it]. Vestnik Samarskogo uridicheskogo instituta [Vestnik of Samara juridical institute], 2017, no. 4 (26), pp. 41–45. [in Russian].

A. A. Pivovarova*

PRACTICE OF ASSIGNING A CRIMINAL OFFENSE FOR PERSONS WHO HAVE REPEATEDLY COMMITTED CRIMES TO ENSURE RESOCIALIZATION**

The article deals with the problem of interrelation between the criminal sentence and resocialization of convicts. Data concerning the number of people returning to crime as well as people convicted on the judgement of guilt considering their prior convictions is analyzed with the view of identifying a way of influencing the level of recidivism through punishment assignment practice. The author justifies the idea of criminal punishment efficiency increase and criminal record improvement through ensuring a real opportunity for the convict to form a new social status after sentence completion. Resocialization as a complex multi-stage process should be launched at the stage of determining the type and amount of punishment for the guilty by the court. The analysis of penalties imposed on people with unexpunged or outstanding convictions enables the author to arrive at the conclusion about the necessity of setting the judges a special task of ensuring resocialization in order to achieve the goals of criminal punishment.

Key words: repeated crime, relapse of crimes, criminal penalty, imposition of punishment, appointment of punishment for the repetition of crimes, appointment of punishment for the recidivism of crimes, resocialization of convicts.

* Pivovarova Anastasiia Alexandrovna (nastishe@mail.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** The article was prepared within the framework of social educational project № 17-1-008568 «Road map for resocialization and real inclusion in civil society of persons who served criminal sentences and were released from it (2018–2021)» using the President's grant for the development of civil society provided by the Foundation for Presidential Grants.

УДК 343.8

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-47-52

И. Т. Идрисов*

НАЗНАЧЕНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТРУДОВЫМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ, И ВОЗМОЖНОСТЬ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ**

В статье предпринята попытка оценить эффективность альтернативных наказаний с трудовым воздействием с точки зрения целей ресоциализации. Сделан вывод, что широкие возможности ресоциализации осужденных обуславливаются сохранением у них профессиональных, трудовых навыков, а также длительностью ресоциализационного воздействия в связи с продолжением социально полезной деятельности и после отбывания таких наказаний. Морально-психологическое влияние на осужденных, эффективный неформальный социальный контроль со стороны семьи, трудового коллектива, друзей, а также общественно полезный совместный труд рассматриваются в качестве факторов, способствующих успешной ресоциализации осужденных к альтернативным наказаниям, связанным с трудовым воздействием. Целесообразность использования наказаний с трудовым воздействием в правоприменительной практике подтверждается низкими показателями рецидивной преступности. В статье определены пути преодоления недостатков действующей регламентации обязательных, исправительных, принудительных работ, затрудняющих ресоциализацию осужденных.

Ключевые слова: пенитенциарная уголовная политика, уголовно-исполнительное законодательство, альтернативные наказания с трудовым воздействием, интегрированность осужденного в систему общественных отношений, социальный контроль, социализация, ресоциализация.

В Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно – исполнительной системы (2017–2025 годы)» (утв. распоряжением Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. № 2808-р) указывается, что «обязательное привлечение осужденных к общественно полезному труду является одной из мер реализации уголовно-исполнительной политики государства, способствует их исправлению, ресоциализации и правопослушному поведению в период отбывания наказания, создает предпосылки для успешной адаптации в обществе после освобождения». При этом признается наличие проблемы: «Высокий уровень неработающих осужденных создает большие трудности для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации при решении задач по трудоустройству лиц, освободившихся после отбывания наказаний. Значительный перерыв в трудовой деятельности и отсутствие профессиональных навыков у этой категории граждан затрудняют их трудоустройство, создают социальную напряженность в регионах и приводят к росту рецидивной преступности».

Следует подчеркнуть, что трудности ресоциализации в данном контексте в первую очередь обуславливаются в отношении лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы.

Более эффективны с точки зрения целей ресоциализации – включения в гражданское общество и обретения навыков самостоятельного образа жизни – альтернативные лишению свободы наказания, особенно те, которые по определению связаны с трудовым воздействием. Основными преимуществами альтернативных наказаний являются возможность использования общественных средств воздействия и вовлечение осужденных в занятие трудом, подчас без фактического отрыва от трудовой деятельности по основному месту работы (как это, например, происходит при исполнении обязательных и исправительных работ), что означает более широкие возможности ресоциализации осужденных при отбывании таких наказаний, по сравнению с лишением свободы.

Совокупность наказаний, связанных с трудовым воздействием, – это наиболее многочислен-

* © Идрисов И. Т., 2018

Идрисов Ильдар Талгатович (ildar_idrisov1988@mail.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Статья подготовлена в рамках социального образовательного проекта № 17-1-008568 «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)» с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

ная группа наказаний, альтернативных лишению свободы. Основанием для выделения такой подсистемы уголовных наказаний является специфика методов и средств воздействия на осужденного в процессе исполнения наказаний.

К альтернативным наказаниям, связанным с трудовым воздействием, относятся: обязательные, исправительные и принудительные работы. Содержание названных наказаний составляют правоограничения в сфере трудовых прав, а также права собственности, поскольку возмещается причиненный совершением преступления материальный ущерб путем удержания в доход государства определенной судом суммы заработка или денежного довольствия осужденного либо выполнения бесплатных общественно полезных работ.

Целесообразность применения альтернативных наказаний с трудовым воздействием для успешной ресоциализации осужденных подтверждается не только возможностями сохранения у осужденного социально полезной трудовой деятельности в процессе их исполнения, но и низкими показателями рецидива после отбытия таких наказаний. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2015 г. рецидив преступлений, совершенных лицами, осужденными к альтернативным наказаниям, связанным с трудовым воздействием, составил 10,8 %, а среди осужденных к лишению свободы уровень рецидива намного выше – 55,4 %; в 2016 г. рецидив преступлений, совершенных лицами, осужденными к альтернативным наказаниям, связанным с трудовым воздействием, незначительно вырос – 12,3 %, показатель рецидива осужденных к лишению свободы остался на высоком уровне – 55,8 %, за 2017 г. аналогичные показатели составили 12,40 и 55,81 % соответственно [9].

Согласно отчетам о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания Управления Судебного департамента в Самарской области, уровень рецидива осужденных к лишению свободы в Самарской области находится на отметке, выше средней по Российской Федерации, и составляет в 2015 г. 65 %, в 2016 г. – 63 %. При этом рецидив осужденных к альтернативным наказаниям – на стабильно низком уровне: 1,95 % – в 2015 г. и 2,14 % – в 2016 г. [10].

Практика применения альтернативных наказаний с трудовым воздействием стабильно расширяется, о чем свидетельствуют статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в соответствии с которыми в 2010 г. удельный вес альтернативных наказаний с трудовым воздействием составил 16,0 %; в 2011 г. – 18,5 %; в 2012 г. – 20,1 %; в 2013 г. – 20,7 %; в 2014 г. – 20,6 %, в 2015 г. – 21,4 %, в 2016 г. – 26,5 %, в 2017 г. – 26,57 %.

А, например, согласно обзору статистических сведений о работе мировых судей Самарской области за 12 месяцев 2014 г., удельный вес осужденных к альтернативным наказаниям, связанным

с трудовым воздействием, составил 28,4 % от общего числа осужденных, за 12 месяцев 2015 г. – 29,7 %, за 12 месяцев 2016 г. – 40,5 % [9].

Обязательные работы. Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ, показатели применения обязательных работ растут: в 2008 г. удельный вес данного вида наказания составил 5,5 %, в 2009 г. – 7,4 %, в 2010 г. – 9,4 %, в 2011 г. – 11,4 %, в 2012 г. – 10,2 %, в 2013 г. – 9,8 %, в 2014 г. – 9,6 %, в 2015 г. – 11,7 %, в 2016 г. – 19,4 %, за 2017 г. – 18,37 %.

Для сравнения: по статистическим данным мировых судов Самарской области, в 2016 г. число осужденных к обязательным работам увеличилось по сравнению с показателями 2015 г. на 7,2 %; удельный вес осужденных к обязательным работам в мировых судах Самарской области в 2015 г. составил 13,7 %, в 2016 г. – 14,2 %.

В общей структуре назначаемых видов уголовных наказаний удельный вес обязательных работ может значительно различаться в регионах страны и остается недостаточным, хотя эффективность обязательных работ достаточно высока, о чем свидетельствует низкий процент рецидива среди лиц, осужденных к данному виду наказания, который, по статистическим данным, представленным Судебным департаментом при Верховном Суде РФ за 2017 г., составил 8 % от общего числа осужденных, имеющих неснятую и непогашенную судимость на момент совершения преступления [9]. Данные показатели свидетельствуют о высокой степени достижения цели ресоциализации отбывших обязательные работы осужденных.

Проблемой, осложняющей ресоциализацию, является то, что осужденные к обязательным работам привлекаются к неквалифицированному труду не по специальности. Выполнение неприятных по характеру работ влечет за собой потерю навыков и умений, приобретенных по специальности а также отсутствие у осужденного желания осуществлять трудовую деятельность. Сознательное выполнение приятной трудовой деятельности повышает трудовую активность осужденного, приводит к чувству удовлетворенности, а следовательно, в итоге к устоявшемуся социально полезному поведению в обществе и последующему достижению целей ресоциализации.

Осужденный, согласно действующему уголовно-исполнительному законодательству, должен отбывать обязательные работы по месту регистрации. Однако довольно часто лицо может быть зарегистрировано в одном месте, а проживать, работать, учиться – в другом. Исполнение наказания по месту регистрации может обусловить увольнение с места работы либо отчисление из учебного заведения, что повлечет негативные последствия для осужденного и его семьи. Следовательно, в целях сохранения социально – полезных связей, социализации осужденного и ресоциализации по-

сле отбывания наказания отбывание обязательных работ должно проходить по месту фактического проживания осужденного с учетом территориального расположения его основной работы, службы, учебы (при их наличии).

Исправительные работы. Статистические данные применения наказания в виде исправительных работ Судебного департамента при Верховном Суде РФ содержат противоречивые показатели, не позволяющие сделать вывод об устоявшейся тенденции роста применения исправительных работ и, наоборот, в последние два года свидетельствующие об уменьшении удельного веса данного вида наказания: в 2010 г. – 4,7 %, в 2011 г. – 5,3 %, в 2012 г. – 9,9 %, в 2013 г. – 10,6 %, в 2014 г. – 10,7 %, в 2015 г. – 9,7 %, в 2016 г. – 7,2 %, в 2017 г. – 8,12 %.

Удельный вес исправительных работ от общего числа назначаемых наказаний на территории Самарской области находится на низком уровне и составляет 2,05 % – в 2013 г., 1,85 % – в 2014 г., 1,58 % – в 2015 г., 2,17 % – в 2016 г. [11].

При исполнении исправительных работ не учитывается мнение осужденного о виде выполняемой трудовой деятельности, что влечет его незаинтересованность в качественном выполнении работы, следовательно, имеет негативные последствия для личности осужденного и после отбывания наказания (лень, отсутствие желания трудиться, тушеводство). Приобретение негативных личностных установок, безусловно, затрудняет последующую ресоциализацию осужденного.

Принудительные работы. Данное наказание назначается судами с 1 января 2017 года. Преждевременно говорить о тенденциях применения принудительных работ, так как эта практика еще окончательно не сложилась. Согласно сводным статистическим сведениям о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2017 г. Судебного департамента при Верховном Суде РФ, к наказанию в виде принудительных работ всего осуждено 196 человек, что составляет 0,05 % от общего числа осужденных в Российской Федерации [12]. Таким образом, доля осужденных к принудительным работам является незначительной, и это свидетельствует о недостаточной подготовленности к применению данного наказания (отсутствии исправительных центров, необходимости выделения специальных участков для незначительного числа осужденных к принудительным работам и сложности в дальнейшей организации процесса исполнения наказания).

Отсутствие исправительного центра на территории субъекта Российской Федерации по месту жительства осужденного к принудительным работам или невозможность размещения (привлечения к труду) осужденных в имеющихся исправительных центрах влекут за собой необходимость их на-

правления в исправительные центры, расположенные на территории другого субъекта Российской Федерации. Очевидно, что отбывание принудительных работ не по месту жительства приводит к разрыву социально полезных связей, осужденный перестает быть полноценным членом общества, что, в свою очередь, затрудняет последующую ресоциализацию осужденного.

В качестве характерного признака альтернативных наказаний, связанных с трудовым воздействием, следует выделить специфику морально-психологического влияния на осужденного.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что осужденных к альтернативным наказаниям, связанным с трудовым воздействием, побуждает к совершению преступления отсутствие устойчивых нравственных начал. Л. Л. Кругликов пишет: «Особенность морально-психологического влияния состоит в том, что оно преследует промежуточную цель – воздействовать на совесть, вызвать чувство стыда и тем самым побудить человека не совершать больше преступлений. Наказания подобного рода подрывают социальный престиж осужденного, лишают его в определенной степени душевного комфорта, чем и воздействуют на его сознание» [1, с. 361].

На следующую особенность указывает И. И. Карпец: «При оценке личности преступника нельзя забывать, что подавляющее число преступлений в нашей стране совершают не профессионалы, рецидивисты, для которых преступность – образ жизни, а люди неустойчивые, попавшие в неблагоприятную для них ситуацию либо под влияние других лиц» [2, с. 180].

Высокая эффективность исправительного воздействия альтернативных наказаний с трудовым воздействием достигается за счет применения средств, аналогичных побудительным к совершению преступлений. Среди таких средств самым действенным в процессе применения анализируемых наказаний является оказание морально-психологического влияния на осужденного. Например, угроза назначения обязательных работ вызовет у осужденного не чувство страха, а скорее стыд перед обществом за свой поступок. Потеря репутации для преступника и общественное порицание способны оказать более серьезное исправительное воздействие, нежели возможность утраты свободы или денег [3, с. 591].

Нельзя отрицать, что любое наказание влияет на морально-психологическое состояние осужденного. Однако эффект альтернативных наказаний с трудовым воздействием состоит в том, что морально-нравственное воздействие оказывается непосредственно со стороны общества – семьи, коллектива, родственников, соседей. Общественное воздействие на сознание совершившего преступления лица имеет огромный потенциал. Отбывание наказания в среде законопослушных граждан,

осужденный вынужден принимать установленные обществом правила.

Характерными признаками альтернативных наказаний, связанных с трудовым воздействием, являются также эффективный неформальный социальный контроль и общественно полезный совместный труд.

О. Н. Бирик обосновывает позицию о том, что основу психического воздействия на осужденного при применении альтернативных наказаний с трудовым воздействием составляет эффективный неформальный социальный контроль [4, с. 183–185]. Решающая роль при этом принадлежит общественно полезному труду. Осуществление совместной трудовой деятельности формирует у осужденного сознательность, правильные ценностные ориентации и тем самым объединяет морально-психологическое и воспитательное воздействие.

Последнее, по мнению И. В. Шмарова, оказывает духовное влияние на личность осужденного, улучшает его путем целенаправленного воздействия, восстанавливает или прививает навыки правильной ориентации в иерархии социальных ценностей и психологической подготовки к ведению нравственного, социально полезного образа жизни после отбывания наказания [5, с. 183].

Представители общественности активно участвуют в достижении целей данных наказаний. Например, при исполнении исправительных работ осужденный находится на свободе под контролем не только уголовно-исполнительной инспекции, но и трудового коллектива.

Осуществление совместной трудовой деятельности формирует у осужденного сознательность, правильные ценностные ориентации и тем самым объединяет морально-психологическое и воспитательное воздействие.

В юридической литературе воспитательным свойствам общественно полезного труда уделялось достаточно много внимания. Так, А. С. Михлин писал, что коллективный характер труда воспитывает и перевоспитывает людей, вырабатывает лучшие качества личности – дисциплинированность, исполнительность, аккуратность, чувства товарищества, личной ответственности перед коллективом и за коллектив [6, с. 93].

Главная цель воспитательного процесса – сделать так, чтобы труд становился необходимой потребностью осужденного. Достижение данной цели позволит говорить об определенном перевоспитании личности. В общественных отношениях устоявшиеся трудовые навыки обеспечат результативную ресоциализацию осужденных.

Работа помогает человеку пройти процесс самореализации, а по достижении определенных высот заставляет самосовершенствоваться, стремиться к лучшему. Как сказал Вольтер, работа избавляет нас от трех великих зол: порока, скуки и нужды [7, с. 155].

Изменяя в процессе труда условия своей жизни, человек изменяет и собственную природу, развивает свои творческие силы и способности. Следовательно, посредством труда личность, усваивая общественные нормы и ценности, социализируется.

Социализация представляет собой процесс усвоения человеком социального опыта, значимых ценностных установок, что позволяет ему избирать собственную модель поведения, исходя из общепринятых норм и правил. Трудовая стадия социализации охватывает весь период зрелости человека, когда он не только усваивает социальный опыт, но и воспроизводит его за счет активного воздействия на среду через свою деятельность [8, с. 174]. Труд составляет основное содержание альтернативных наказаний, связанных с трудовым воздействием на осужденных, поэтому их назначение осужденным всех возрастных категорий приводит к достижению целей исправления.

По статистическим данным, представленным Генеральной прокуратурой РФ при определении социального портрета преступности в Самарской области, по состоянию на декабрь 2016 г., отмечается, что наиболее распространено совершение преступлений лицами в возрасте от 30 до 49 лет (48,6 % – среди мужчин, 53,4 % – среди женщин), в возрасте от 25 до 29 лет (19,39 % – среди мужчин, 17,25 % – среди женщин), в возрасте от 18 до 24 лет (18,97 % – среди мужчин, 13,71 % – среди женщин) [13].

Таким образом, самый высокий уровень преступной активности приходится на наиболее трудоспособный период жизни человека, в силу чего исправительно-трудовое воздействие в этот период является основным средством исправления.

Следует полагать, что правильный подбор для осужденного вида осуществляемой деятельности, учитывающий желание осужденного трудиться и причиняющий нравственные переживания в процессе выполнения возложенных на него обязанностей, позволяет достичь максимальной степени исправительного воздействия при отбывании альтернативного наказания с привлечением к труду, закладывает основы дальнейшей ресоциализации осужденного, правопослушного и самостоятельного нахождения в обществе.

Осужденный при отбывании таких наказаний имеет реальную возможность продолжения доминирующей социально полезной деятельности, в том числе связанной с полноценным материальным обеспечением себя и своей семьи. Осуществление трудовой деятельности при отбывании наказаний, связанных с трудовым воздействием, дает возможность осужденному зарабатывать деньги для содержания семьи, возместить причиненный ущерб.

Вместе с тем не исключены отрицательные последствия назначения альтернативного наказания, связанного с трудовым воздействием, для семьи.

Виновному, который систематически пьянствует, избивает членов семьи, отрицательно влияя на воспитание детей, не работает или пропивает заработную плату, представляется необоснованным назначение альтернативного наказания. В большинстве случаев назначение таких наказаний может спровоцировать отрицательно характеризующегося осужденного на совершение тяжких бытовых преступлений.

Представляется нецелесообразным назначение альтернативных наказаний, связанных с трудовым воздействием, осужденным за насильственные преступления, если они совершены в семье, в бытовой сфере. Реализации трудовых правоограничений недостаточно для обеспечения предупреждения новых насильственных преступлений. После осуждения жертва и преступник не изолированы друг от друга, что может привести к эскалации насилия и совершению нового более тяжкого преступления, усложнению дальнейшего процесса ресоциализации осужденного.

Учитывая, что ресоциализация осужденного представляет собой растянутый во времени процесс, который начинается с момента назначения осужденному соответствующего наказания и может продолжаться на протяжении всей последующей жизни осужденного, процесс отбывания альтернативных наказаний с трудовым воздействием позволяет сохранить состояние интегрированности осужденного в систему общественных отношений, предполагает возможность развития социально полезных связей в процессе осуществления совместной трудовой деятельности. При этом достижение целей ресоциализации ставится в зависимость от эффективности примененного наказания, которая обуславливается совокупностью таких обстоятельств, как правильность подобранного вида работ для осужденного, учет его желания трудиться, стремление к продолжению социально полезной деятельности и других.

Библиографический список

1. Уголовное право России. Часть Общая: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред Л. Л. Кругликова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 592 с.
2. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973. 287 с.
3. Кенни К. Основы уголовного права: пер. с англ. / под ред. Б. С. Никифорова (вступ. ст.); пер. В. И. Каминской. М.: Инстр. лит., 1949. 599 с.
4. Бибик О. Н. Культурная обусловленность уголовного наказания: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 224 с.

5. Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. И. В. Шмарова. М.: Издательство БЕК, 1996. 418 с.

6. Эффективность исправительных работ как меры наказания / А. С. Михлин, В. И. Гуськов, И. А. Кириллова [и др.] // Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1968. С. 90–163.

7. Гайдай М. К. Труд как способ минимизации девиантного поведения осужденных // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 6. С. 155–159.

8. Варелджян К. Р. Формирование положительного отношения к труду как фактор социально-психологической адаптации осужденных женщин // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2010. № 2. С. 174–178.

9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2015 г., 2016 г., 2017 г. Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 02.05.2018).

10. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2015, 2016 гг. Управления Судебного Департамента в Самарской области. URL: <http://www.usd.sam.sudrf.ru> (дата обращения: 02.05.2018).

11. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по отдельным статьям УК РФ по первой инстанции за 12 месяцев 2013 г., 2014 г., 2015 г., 2016 г., 2017 г. Управления Судебного департамента в Самарской области. URL: <http://www.usd.sam.sudrf.ru> (дата обращения: 02.05.2018).

12. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 г. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 02.05.2018).

13. Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики. URL: <http://www.crimestat.ru/> (дата обращения: 18.11.2017).

References

1. Uголовное право Rossii. Chast Obshchaia: uchebnik dlia studentov vuzov, obuchaiushchikhsia po spetsialnosti «Jurisprudentsiia». Pod red L. L. Kruglikova. 2-e izd., pererab. i dop. [Russian criminal law. General part: textbook for students studying for the specialty «Jurisprudence». L. L. Kruglikova (Ed.). 2nd edition, revised and enlarged]. M.: Volters Kluver, 2005, 592 p. [in Russian].
2. Karpets I. I. Nakazanie. Sotsialnye, pravovye i kriminologicheskie problemy [Punishment. Social, legal and criminological problems]. M.: Iurid. lit., 1973, 287 p. [in Russian].
3. Kenny K. The foundations of criminal law. Translation from English by V. I. Kaminskaya; B. S. Nikiforov (introductory article) (Ed.). M.: Inostr. lit., 1949, 599 p. [in Russian].

4. Bibik O. N. Kulturnaia obuslovlennost ugovnogo nakazaniia: monografiia [Cultural conditionality of criminal punishment]. M.: Iurlitinform, 2013, 224 p. [in Russian].

5. Ugolovno-ispolnitelnoe pravo: uchebnik. Pod red. I. V. Shmarova [Penal law: textbook. I. V. Shmarov (Ed.)]. M.: Izdatelstvo BEK, 1996, 418 p. [in Russian].

6. Mikhlin A. S., Gus'kov V. I., Kirillova I. A. et al. Effektivnost' ispravitelnykh rabot kak mery nakazaniia [Effectiveness of corrective labor as a measure of punishment]. In: Effektivnost' ugovno-pravovykh mer borby s prestupnostiu [Effectiveness of criminal measures of struggle against criminality]. M.: Iurid. lit., 1968, pp. 90–163 [in Russian].

7. Gaiday M. K. Trud kak sposob minimizatsii deviantnogo povedeniia osuzhdennykh [Work as a way of minimization of deviations of behavior of the condemned]. Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Buryat State University], 2009, no. 6, pp. 155–159 [in Russian].

8. Vareldzhyan K. R. Formirovanie polozhitel'nogo otnosheniia k trudu kak faktor sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii osuzhdennykh zhenshchin [Formation of positive relation to labor as a factor of social and psychological adaptation of the condemned women]. Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniakh [Innovation in psychological and pedagogical studies], 2010, no. 2, pp. 174–178 [in Russian].

9. Svodnyye statisticheskiye svedeniya o deyatelnosti federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey za 2015 g., 2016 g., 2017 g. Sudebnogo Departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii [Consolidated statistical data on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2015, 2016, 2017, the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation].

Available at: <http://www.cdep.ru> (accessed 02.05.2018) [in Russian].

10. Otchet o chisle privilechennykh k ugovnoy otvetstvennosti i vidakh ugovnogo nakazaniya za 2015, 2016 gg. Upravleniya Sudebnogo Departamenta v Samarskoy oblasti [Report on the number of criminally prosecuted and types of criminal punishment for 2015, 2016. Department of the Judicial Department in the Samara region]. Available at: <http://www.usd.sam.sudrf.ru> (accessed 02.05.2018) [in Russian].

11. Otchet o rabote sudov obshchey yurisdiktsii po rassmotreniyu ugovnykh del po otdel'nym stat'yam UK RF po pervoy instantsii za 12 mesyatsev 2013 g., 2014 g., 2015 g., 2016 g., 2017 g. Upravleniya Sudebnogo Departamenta v Samarskoy oblasti [Report on the work of the courts of general jurisdiction to review criminal cases on individual articles of the Criminal Code of the Russian Federation at the first instance for the 12 months of 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 of the Department of the Judicial Department in the Samara Region]. Available at: <http://www.usd.sam.sudrf.ru> (accessed 02.05.2018) [in Russian].

12. Svodnyye statisticheskiye svedeniya o deyatelnosti federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey za 2017 g. Sudebnyy Departament pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii [Consolidated statistical data on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2017 Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.cdep.ru> (accessed 02.05.2018) [in Russian].

13. General'naya prokuratura RF. Portal pravovoy statistiki [The General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Portal of legal statistics]. Available at: <http://www.crimestat.ru/> (date of circulation: 18.11.2017) [in Russian].

I. T. Idrisov*

ASSIGNING AND EXECUTION OF SANCTIONS RELATED TO EMPLOYMENT EFFECTS AND THE POSSIBILITY OF RE-SOCIALIZATION OF PRISONERS

The article attempts to assess the effectiveness of alternative punishments with labor impact from the point of view of resocialization purposes. It is concluded that wide possibilities of resocialization of convicts are conditioned by the preservation of their professional, labor skills, as well as the duration of resocialization influence in connection with the continuation of socially useful activities and after serving such sentences. Moral and psychological influence on convicts, effective informal social control on the part of the family, labor collective, friends, and socially useful joint work are considered as factors contributing to the successful resocialization of convicts to alternative punishments associated with labor influence. The expediency of the use of labour-related penalties in law enforcement is confirmed by the low rate of recidivism. The article defines the ways to overcome the shortcomings of current regulation of mandatory, corrective, forced labor, impeding the resocialization of convicts.

Key words: penitentiary criminal policy, penal enforcement legislation, alternative punishments with labor influence, integration of convicted person into the system of social relations, social control, socialization, resocialization.

* *Idrisov Ildar Talgatovich* (ildar_idrisov1988@mail.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** The article was prepared within the framework of social educational project № 17-1-008568 «Road map for resocialization and real inclusion in civil society of persons who served criminal sentences and were released from it (2018–2021)» using the President's grant for the development of civil society provided by the Foundation for Presidential Grants.

УДК 343.01; 343.85

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-53-60

Ю. Е. Пудовочкин*

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Кризис уголовного наказания, за которым специалисты наблюдают уже около полувека, актуализировал поиск новой модели уголовно-правового реагирования на преступление. В отечественной нормотворческой и правоприменительной практике ответ на этот актуальный вызов связан с развитием наряду с уголовным наказанием параллельной системы мер уголовно-правового характера. Между тем теория в этой части все еще отстает от практических потребностей предупреждения преступлений. Одним из направлений ее перспективного развития может стать идея выделения в ряду мер уголовно-правового характера особых профилактических мер, которые, не будучи карой и воздаянием за вину, направлены на удовлетворение специфических потребностей лица, совершившего преступление, потерпевшего и общества. В числе таковых мер могут найти достойное место меры ресоциализации осужденных, которые на основании судебного решения могут применяться вне зависимости от возраста виновного, тяжести совершенного преступления наряду с наказанием и вместо него.

Ключевые слова: уголовное наказание, исправление осужденного, меры уголовно-правового характера, ресоциализация, социальная реабилитация, уголовно-правовые меры ресоциализации.

Введение. Один из значимых, если не самый значимый вопрос современной уголовно-правовой науки и уголовно-правовой политики, от решения которого во многом зависит содержательное наполнение и структурное оформление уголовного закона, – вопрос о понятии, содержании, видах и целях мер уголовно-правового характера. Ответ на него, с одной стороны, должен быть обусловлен пониманием целей современной уголовно-правовой политики и ее социальным предназначением, а с другой – детерминирует содержание и основные направления такой политики, определяет все основные вопросы правотворчества и правоприменения в области уголовно-правового противодействия преступности. Не случайно уголовное право традиционно именуется правом наказательным или правом о наказании.

Оценка текущего состояния уголовно-правовых исследований в части осмысления природы и целей мер уголовно-правового характера не только свидетельствует об отсутствии здесь сколько-нибудь значимого консенсуса, но и позволяет вполне уверенно утверждать, что эта область науки в целом разработана весьма слабо.

Нисколько не претендуя на оригинальность, отметим, что узловые проблемы теории мер уголовно-правового характера состоят в следующем: понятие и правовая природа; связь с преступлением; соотношение с уголовной ответственностью, наказанием и судимостью; цели, виды, их соотношение, включая вопросы замены и зачета; ос-

вобождение от применения. Это целостный комплекс взаимосвязанных вопросов, осмысление которых должно способствовать формированию, если допустимо так выразиться, частной уголовно-правовой теории – теории мер уголовно-правового характера.

В рамках настоящей публикации, разумеется, мы не можем рассчитывать на освещение этого комплекса. Наша задача гораздо скромнее: показать, если таковое имеется, место ресоциализации в предметном поле мер уголовно-правового характера.

Содержание и пределы ресоциализации. Для начала стоит определиться с базовым понятием ресоциализации. Как известно, оно имеет нормативную дефиницию. Согласно ст. 25 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», ресоциализация представляет собой комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера.

Главное в этом определении схвачено совершенно верно: ресоциализация есть, во-первых, комплекс самых разных мер, а во-вторых, имеет цель реинтегрировать (то есть, сути, вернуть) че-

* © Пудовочкин Ю. Е., 2018

Пудовочкин Юрий Евгеньевич (11081975@list.ru), отдел уголовно-правовых исследований, Российский государственный университет правосудия, 117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69.

ловека в общество (допустимо, наверное, сказать, в «нормальное», «здоровое», «официальное» общество). Однако в приведенной дефиниции обращает на себя внимание объект реинтеграционного воздействия, каковым признаются лица, уже отбывшие наказание или иные меры уголовно-правового характера.

Формально из этого следует, что реинтеграция есть совокупность действий, которые совершаются вне рамок применения уголовно-правовых мер, после их отбытия. Получается, исходя из текстов нормативных документов, что процесс воздействия на лицо, совершившее преступление, включает в себя меры уголовно-правового характера и меры ресоциализации. Их можно вполне четко «разделить», исходя из таких признаков, как субъект применения, содержание, цели, последствия и т. д. Такой подход к пониманию ресоциализации представлен в трудах некоторых специалистов. В. П. Хомолов, например, прямо пишет, что начало процесса ресоциализации традиционно связывается с моментом освобождения лиц из мест лишения свободы [1, с. 120]. Но при этом подходе в рамках уголовно-правовой проблематики вовсе нет места такому предмету, как ресоциализация осужденного, и его последующее обсуждение должно быть прекращено.

К этому сподвигает и обсуждение еще одной проблемы – понимания, если допустимо так выразиться, исходной точки и пределов ресоциализации.

Дело в том, что ресоциализация, будучи процессом, обратным по своему содержанию десоциализации, может быть рассчитана на коррекцию двух типов личностных проблем, которые проявляют себя, с одной стороны, как причина (при всей условности этого термина в данном случае) преступления, а с другой – как следствие наказания. Десоциализация личности приводит ее к преступному образу поведения, но в то же время применение наказания само по себе также запускает процессы десоциализации, обусловленные изоляцией, разрывом социальных связей, стигматизацией и т. д. На что именно должна быть направлена в этих условиях деятельность по ресоциализации: на восстановление социально-психологического статуса личности, который существовал до применения к нему наказания (до отрицания десоциализирующего воздействия наказания)? Или же она должна продолжаться далее, до коррекции тех свойств и отношений, которые привели лицо к совершению преступления.

Если строго и формально следовать упомянутой выше нормативной дефиниции ресоциализации, надо признать: поскольку ресоциализация обращена к лицам, отбывшим наказание или иные меры уголовно-правового характера, ее содержание должно быть ограничено лишь коррекцией негативных социально-психологических следствий

применения таких мер. В этом случае, опять же строго формально, «зоны ответственности» мер уголовно-правового характера и ресоциализации четко разведены: первые корректируют свойства личности, которые способствовали совершению преступления, вторые – устраняют негативные последствия применения наказания. И опять же при таком подходе ресоциализации нет места в пределах уголовного права.

Но все эти рассуждения основаны на подчеркнуто формальном толковании текста упомянутого закона о профилактике правонарушений и не учитывают содержательной сути собственно процесса ресоциализации.

С содержательной точки зрения коррекция негативных последствий применения уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера может рассматриваться лишь как часть процесса ресоциализации личности, как адаптация личности к новым для нее постпенитенциарным условиям (при этом важно понимать, что коррекция негативных последствий наказаний должна быть направлена не только на процессы адаптации личности к новой среде, но и включать в себя ряд социальных мероприятий, призванных изменить саму социальную среду, сделать ее более удобной, дружелюбной для лиц, отбывших наказание).

Ресоциализация же – процесс более глубокий и всеохватный, не ограниченный лишь постпенитенциарным периодом, но включающий в себя и процессы, связанные с исполнением уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера. Можно в этом отношении согласиться с Н. А. Крайновой, которая пишет, что ресоциализация осужденных есть процесс восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, происходящий в результате применения к лицу, совершившему преступление и осужденному за него, комплекса правовых, социально-организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия на различных этапах уголовной ответственности с целью недопущения совершения новых противоправных деяний [2, с. 7].

Ресоциализация как цель и содержание. Ресоциализация в контексте проблематики мер уголовно-правового характера может быть представлена двояко: во-первых, как цель применения таких мер, а во-вторых, как их содержание.

Как известно, в действующем уголовном законодательстве само слово «ресоциализация» не встречается. Близкое же по смыслу слово «исправление» используется законодателем при характеристике целей уголовного наказания (ст. 43 УК РФ), обязанностей, которые могут быть возложены на условно осужденного (ч. 5 ст. 73 УК РФ), принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ), помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа

(ч. 2 ст. 92 УК РФ). Кроме того, путем толкования закона можно установить, что с исправлением лица, совершившего преступление, так или иначе связывается возможность применения многих иных институтов уголовного права.

Вполне закономерен в таком случае вопрос о соотношении понятий «исправление» и «ресоциализация»: не является ли второе новомодным синонимом первого? В литературе на этот счет высказаны разные позиции. Некоторые авторы ставят знак равенства между ресоциализацией и исправлением осужденного [3, с. 123]. Другая, причем численно большая часть специалистов, и юристов, и педагогов, полагают ресоциализацию более широким по содержанию, временным рамкам и результатам процессом, нежели исправление. Так, М. С. Рыбак пишет, что исправление осужденного выступает лишь в качестве одного из средств ресоциализации осужденного, которая предполагает «многоплановую и многоаспектную организаторскую и воспитательную деятельность... направленную на обеспечение реализации целей наказания, социализацию десоциализированной личности осужденного, восстановление утраченных им социальных контактов, подготовку его к жизни на свободе» [4, с. 18]. Ресоциализация осужденного, заключает автор, – это «целенаправленный процесс перерождения преступника в законопослушного человека (гражданина)» [4, с. 18]. Ему вторит В. Ю. Авраменко: «...ресоциализация представляет собой более широкое понятие, характеризующее всю совокупность изменений в человеке, происходящих под влиянием как объективных, так и субъективных факторов, в результате которых индивид становится социализированным членом общества. Этот процесс имеет длительные временные рамки, тогда как исправление – один из шагов в ресоциализации заключенного» [5, с. 84].

Вопрос о терминах – всегда условный вопрос, в его решении многое зависит от четкости изложения собственной позиции и умения договариваться с оппонентами. Нам представляется, что ресоциализация, по крайней мере в том виде, в каком она понимается большинством педагогов и пенитенциаристов, содержательно мало отличается от исправления, как оно трактуется в ст. 9 УИК РФ, и соотносится с известным в уголовно-правовой доктрине понятием так называемого «морального (нравственного) исправления» или исправления «в широком смысле слова».

Не будем углубляться в дискуссию относительно того, как соотносится объем цели исправления в уголовном и уголовно-исполнительном праве, не станем обсуждать вопрос и соотношении «морального» и «юридического» исправления как целях уголовного наказания. Этим аспектам теории наказания посвящен не один десяток научных сочинений. Однако дело не только в этом. Дело по

большой части в том, что все рассуждения об исправлении, как правило, ведутся в жесткой связке именно с уголовным наказанием, хотя оно (сегодня это уже не требует особых доказательств) не исчерпывает всего спектра уголовно-правовых мер. В настоящий момент, как представляется, нет препятствий к тому, чтобы считать исправление целью (одной из целей) не только собственно наказания, но и иных мер уголовно-правового характера. И в этом случае «старый» вопрос актуализируется в новом ракурсе: является целью таких мер исправление в широком или в узком смысле?

Полагаю, что здесь возможны как минимум два варианта ответа, непосредственно связанные с пониманием сущности мер уголовно-правового характера и определяющие последующие рассуждения о ресоциализации.

Во-первых, можно утверждать, что меры уголовно-правового характера являются только и исключительно альтернативой уголовному наказанию, применяются в рамках реализации уголовной ответственности и в силу этого не могут претендовать на то, чтобы решать глобальные вопросы морального переустройства личности виновного. В этом случае за ними остается цель лишь юридической коррекции личности, тогда как ресоциализация выводится за рамки уголовного права в область права социального обеспечения, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии. Обращение к нормативным текстам показывает, что именно такой вариант в них, скорее всего, и зафиксирован: исправление – это задача уголовного наказания, ресоциализация – задача постпенитенциарной профилактики. Очевидны различия во времени, субъектах и содержании оказываемого на осужденного воздействия.

Но возможен и второй вариант. Допустимо считать, что «моральное» перевоплощение личности, то есть ее ресоциализация, выступает общей целью самых разных мер уголовно-правового характера, которые могут применяться и в качестве «возмездия за вину», и безотносительно виновности лица и особенностей совершенного им преступления и которые (меры) по-разному участвуют в решении этой задачи. Этот подход основан на том понимании, что меры уголовно-правового характера «поглощают» уголовную ответственность и наказание в качестве одного из возможных видов, что наряду с наказанием или вместо него могут на основании уголовного закона применяться меры, ориентированные на решение широких социально-профилактических задач. Очевидно, что здесь ресоциализация выступает не только целью уголовно-правовых мер, она предопределяет появление в системе мер уголовно-правового характера особого вида мер ресоциализации, то есть становится элементом содержания уголовно-правового воздействия.

Каждый из этих подходов, как представляется, имеет право на существование, а выбор между

ними – это выбор той или иной специфики понимания самого уголовного права, его задач и предназначения.

О социальной реабилитации. Для того чтобы завершить разговор о терминах, надо обратить внимание еще на одно понятие, которое активно используется в последние годы в нормативных документах уголовно-правовой и профилактической направленности, – это «реабилитация» или «социальная реабилитация».

Пожалуй, впервые в уголовно-правовом пространстве о социальной реабилитации было сказано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». В пункте 29 документа было отмечено, что к условно осужденным несовершеннолетним суд может не только применить обязанности, которые предусмотрены ч. 5 ст. 73 УК РФ, но и в соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», при наличии к тому оснований, обязать несовершеннолетнего осужденного пройти курс социально-педагогической реабилитации (психолого-педагогической коррекции) в учреждениях, оказывающих педагогическую и психологическую помощь гражданам, имеющим отклонения в развитии. (Справочно можно заметить, что эта установка была сформирована во многом под влиянием тех позитивных результатов и опыта, который к тому времени был уже накоплен судами, реализующими технологии восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних, в том числе судами Ростовской области и Ростовским областным судом).

Реабилитация – тесно связанный с ресоциализацией феномен, но все же относительно самостоятельный. В нем иначе расставлены акценты. Реабилитировать можно лишь лицо, которому причинен какой-либо вред. В традиционном понимании это либо жертва преступления, либо лицо, пострадавшее от неправомерных действий со стороны государства. В отношении таких лиц должно принимать меры, направленные на компенсацию имущественного вреда, восстановление нарушенных прав психологическую помощь и т. д. Именно в этом аспекте возмещения вреда пострадавшему толкует реабилитацию глава 18 УПК РФ и ст. 19 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», согласно которой реабилитация проводится в целях социальной адаптации реинтеграции лиц, которым в результате террористической деятельности был причинен вред.

Вместе с тем не только не исключена, но и получила нормативное признание идея необходимости реабилитации не только жертвы, но и самого правонарушителя. Она, как представляется, берет

свое начало с ювенологических теорий в криминологии и уголовном праве, которые обосновывали взгляд на несовершеннолетнего правонарушителя одновременно как на жертву общества и жертву своего собственного преступного поведения, что, собственно, и детерминировало необходимость его реабилитации. К настоящему времени реабилитация правонарушителей утвердилась как программа действий не только в отношении подростков, но и в отношении иных лиц, например больных наркоманией (ст. 721, 821 УК РФ, см. также ст. 26 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»).

Таким образом, реабилитация выступает еще одним направлением профилактической работы, в том числе с лицами, совершившими преступление, которое уже в текущий момент времени представлено в уголовном праве и которое, как и ресоциализация, может рассматриваться в двух аспектах в контексте учения о мерах уголовно-правового характера, а именно: в качестве цели и в качестве содержания таких мер.

О мерах уголовно-правового характера. Решение вопроса о месте и возможностях уголовного права в процессах ресоциализации и реабилитации требует определения принципиальной позиции относительно сущности таких мер. Это, разумеется, вопрос глубокого коллективного обсуждения, вопрос аргументов и компромиссов. В стремлении привнести некоторую лепту в его научное осмысление от себя добавим лишь несколько слов, не имея объективной возможности глубоко рассмотреть проблему в рамках данной публикации.

Представляется, что в определении сути мер уголовно-правового характера надо отталкиваться от понимания социального предназначения отрасли уголовного права в целом: является ли она сугубо карательной (преследующей за прошлое, ретроактивной) или же созидательной (обращенной в будущее, перспективной). Это старый спор, имеющий корреляцию с положениями соответственно классической и социологической школ уголовного права: уголовно-правовые меры применяются за что-то или для чего-то, они карают виновного или меняют его, символичны они или утилитарны.

Очевидно, что сегодня эти крайние позиции не могут рассматриваться как взаимоисключающие. Любая уголовно-правовая система в той или степени и конфигурации совмещает лучшие достижения самых разных школы и концепций. Все дело, думается, лишь в акцентах.

В нашем представлении, уголовное право – это по преимуществу отрасль карательная. Ее основное предназначение – путем угрозы применения или реальным применением уголовного наказания поддерживать устоявшиеся в обществе отношения и ценности, принуждать и преступника, и всех остальных лиц к соблюдению тех социаль-

ных норм, в отношении которых имеется широкий консенсус и которые в силу этого поставлены под охрану закона. Наказание в такой системе обладает по большей части символическим значением; служит, согласно гегелевской цепочке, отрицанием преступления как отрицания общественного порядка и согласия. Восстанавливая нарушенное преступлением статус-кво, наказание, таким образом, обладает реконструктивным свойством. Оно восстанавливает (реконструирует) тот порядок вещей, который существовал до преступления и который признается в этом обществе справедливым. В этом отношении зафиксированная в ст. 43 УК РФ в качестве цели уголовного наказания цель восстановления социальной справедливости может быть не только оправданна (несмотря на наличие в науке широкой дискуссии относительно самой возможности постановки перед наказанием такой цели), но и признана едва ли не важнейшей целью этого правового института. Если преступление причиняет вред обществу, то наказание «погашает» преступление и устраняет причиненный им вред, обеспечивая торжество справедливости [6].

Этот максимально высокий социальный (даже социально-философский) уровень интерпретации наказания игнорирует то, что, разумеется, игнорировать нельзя: преступление причиняет, а наказание применяется к конкретным лицам. И на этом индивидуальном уровне одного лишь символизма наказания для обеспечения справедливости недостаточно, нужны более конкретные и предметные меры. Именно здесь и возникает пространство для разработки «иных» мер уголовно-правового характера.

Отметим, что общая неразвитость теории мер уголовно-правового характера проявляется, среди прочего, в терминологической недостаточности. Один и тот же термин «меры уголовно-правового характера» у нас применяется зачастую для описания и мер, которые реализуются в рамках ответственности наряду с наказанием, и мер, альтернативных наказанию, и мер, которые применяются за рамками уголовной ответственности. Это, конечно же, не способствует порядку.

Не претендуя на оригинальность, можно предложить следующее понимание системы мер реагирования на преступление: а) меры неправовые (этические санкции, религиозные меры воздействия, корпоративная ответственность и пр.) и правовые; б) внутри правовых – меры неуголовно-правовые (применяемые в области реализации норм семейного, трудового, служебного и т. д. законодательства) и уголовно-правовые; в) из числа предусмотренных уголовным законодательством – меры уголовно-правового характера (то есть те по сути своей карательные меры, которые применяются за преступление в рамках реализации уголовной ответственности и выражают государственную оценку преступления, личности преступника,

его вины) и меры профилактического характера, которые не связаны с наличием или степенью вины лица, причинившего уголовно-релевантный вред. Порядок применения мер профилактического характера при этом может быть различным: либо вне рамок уголовной ответственности (при освобождении от ответственности или в ситуации непривлечения к ней), либо в рамках реализации уголовной ответственности (вместо наказания или вместе с наказанием). В любом случае полагаем недопустимым рассматривать такие меры как часть ответственности. Они не выражают кары и отрицательной оценки как совершенного деяния, так и личности деятеля, применяются «не за», а «с целью». Такие меры являются социальными по своему содержанию, но правовыми по форме и порядку применения. Они подкреплены силой государственного авторитета и принуждения, не будучи принудительными по своему содержанию. Следовательно, надо признать, что неисполнение профилактических мер, равно как и уклонение от них, должно влечь за собой негативные последствия для нарушителя. Единственная оговорка, которую, как представляется, надо сделать, состоит в том, что эти негативные последствия не должны отменять самих профилактических мероприятий. Они должны быть позиционированы как последствия неисполнения судебного решения, на основании которого профилактические меры назначены. В той связи стоит, вероятно, пересмотреть правила, предусмотренные ст. 82¹ УК РФ и ст. 6.9.1 КоАП РФ.

В разряд мер профилактического характера со всей очевидностью надо отнести те, что связаны ресоциализацией и реабилитацией, и, что важно, не только эти меры (к профилактическим уголовно-правовым мерам стоит причислить конфискацию преступно нажитого имущества, конфискацию орудий и средств совершения преступления, административный надзор, запрет на реализацию некоторых прав, возмещение вреда и т. д.). Именно эти профилактические меры (весь их комплекс) призваны решать не столько символические, сколько утилитарные задачи.

Уголовное право, будучи отраслью карательной, не может игнорировать потребности лица, совершившего преступление, и потерпевшего от преступления, во-первых, поскольку этого требует принцип гуманизма, а во-вторых, потому что потребности каждого отдельного члена общества есть определенный срез потребностей общества как целого. Вместе с тем и удовлетворять эти потребности посредством уголовного наказания государство не в состоянии в силу того, что само наказание для этого не приспособлено. Меры профилактики для этого подходят гораздо лучше.

Потребность в ресоциализации лица, совершившего преступление, есть не только личная потребность человека, но и острая потребность общества

в целом. Поэтому ее удовлетворение должно стать делом государственной важности, частью уголовной политики. А для этого система профилактических мер уголовно-правового характера должна содержать особую подсистему мер ресоциализационного (исправительного) характера.

Ресоциализационные (исправительные) меры.

Еще в Резолюции VIII конгресса Международной ассоциации уголовного права, состоявшегося в 1974 году, отмечалось: «Традиционная система репрессий и воздаяния все более и более подвергается критике и постепенно уступает место системе, в которой на первый план среди социальных целей уголовного права выступают ресоциализация и перевоспитание. Необходимо развить и рационализировать эту новую уголовную политику, точно определить ее методы и средства. ... Исследование и определение адекватных средств реакции на преступность должны основываться на том положении, что преступность, будучи сложным социальным явлением, не может быть объектом единого решения, напротив, нужно применять дифференцированные меры в зависимости от характера преступления и личности преступника, различные санкции или иные меры, позволяющие сделать выбор, или, если это необходимо, методы и средства неуголовного характера, которые еще надо определить» [7, с. 36].

У идеи создания самостоятельной подсистемы мер исправительного характера достаточно много сторонников. Так, Ф. Р. Сундуков пишет: «В основе совершенствования законодательной регламентации наказания должен быть концептуальный подход, направленный на повышение его ресоциализационного и предупредительного ресурса путем включения в систему наказаний и иных средств уголовно-правового характера мер, направленных на психолого-нравственное воздействие на осужденных, дополнение исполнения отдельных видов наказаний целенаправленным исправительным воздействием на осужденных, использование институтов гражданского общества в работе с осужденными и осуществлении контроля за их поведением» [8, с. 81]. Поддерживая его, В. Н. Бурлаков предлагает целую программу совершенствования системы мер исправления преступников: «Необходимо наряду с мерами наказания за преступление предусмотреть меры исправления личности преступника. Последняя группа мер не должна рассматриваться как дополнительная, т. е. факультативная. Более того, за некоторые преступления можно было бы предусмотреть в санкции статьи только меры исправления. В остальном такие меры применялись бы наряду с мерами наказания, за исключением случаев мотивированного решения суда о нецелесообразности их назначения, в случае когда обвиняемый относится к типу легкоисправимой личности» [9, с. 570].

Представляется, что это верное направление развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории. При этом самостоятельное функционирование системы исправительных мер в рамках закона должно основываться, на наш взгляд, на следующих исходных тезисах (они же признаки исправительных мер уголовно-правового характера):

а) отсутствие в этих мерах элементов кары, то есть преднамеренного причинения боли и страданий;

б) их принципиально иное, нежели у наказания, целевое назначение;

в) публичный характер мер исправления, их обязательность, обеспеченность силой закона;

г) связь исправительных мер с потребностями личности виновного (лица, совершившего общественно опасное деяние);

д) признание исправительных мер материально-правовым основанием для проведения с осужденным воспитательной и реабилитационной работы;

е) возможность назначения этих мер как самостоятельно, так и в совокупности с мерами уголовного наказания;

ж) возможность исполнения этих мер как после отбытия наказания, так и во время его отбывания;

з) всеобщий характер таких мер, возможность их применения в случае совершения преступлений любой категории тяжести, причем не только несовершеннолетними, но и взрослыми.

Разрабатывая систему мер ресоциализации, надо учитывать важное обстоятельство: мы говорим именно об уголовно-правовых мерах ресоциализации, а не о мерах собственно ресоциализации. Это не просто разные оттенки понятия, а различные понятия. Уголовное право по природе своей не может заниматься ресоциализацией; это область социальной и коррекционной педагогики, психологии, ювенологии, наркологии и т. д. Но оно может заставить лицо пройти эти меры, испытать на себе профессиональное корректирующее и социализирующее воздействие.

Как представляется, меры, о которых идет речь, могут быть представлены:

– обязательствами по прохождению курсов (лечения от наркомании и иной зависимости от психоактивных веществ; «управления гневом» или иных аналогичных курсов управления эмоциями; коррекции и помощи лицам, страдающим нарушениями сексуального поведения);

– помещением в специальное психокоррекционное образовательное учреждение;

– направлением на профессиональную переподготовку с последующим трудоустройством;

– возложением обязанности пройти серию примирительных процедур с потерпевшим от преступления.

Вероятно, можно сконструировать и некоторые иные меры, реализация которых будет способство-

вать реинтеграции человека в общество. Принципиально важно одно: эти меры должны стать именно уголовно-правовыми, то есть стать императивными, протекать под контролем суда, в лицензированных соответствующим образом учреждениях, а руководство этих учреждений, как и сам осужденный, должны нести ответственность за неисполнение судебного решения о проведении социально-реабилитационных процедур. Важно при этом также заметить, что система уголовно-правовых профилактических мер не исключает, но, напротив, предполагает осуществление аналогичных мероприятий со стороны официальных институтов профилактики и институтов гражданского общества.

Заключение. Кризис уголовного наказания, о котором специалисты активно говорят, начиная с 70-х годов прошлого столетия [10, с. 425] в настоящее время не преодолен, но, как представляется, вступил в свою финальную стадию. Сегодня стали очевидными два непреложных факта: во-первых, символизма наказания недостаточно для его легитимации; во-вторых, цель исправления осужденного средствами уголовного наказания крайне мало достижима. Это сподвигает к поиску мер правового воздействия, которые, не исключая наказания как такового, могут служить его дополнением или альтернативой. Такие меры профилактического воздействия, будучи ориентированными в будущее, должны способствовать максимальной нейтрализации или устранению конфликта, который возникает в связи с совершением преступления между виновным и потерпевшим, между виновным и обществом. В содержательном отношении такие меры, будучи лишенными элементов кары, должны способствовать решению утилитарных задач приспособления человека к жизни в обществе, заглаживания вреда, излечения или улучшения психофизического состояния и т. д. Отказывать уголовному праву в возможности решать такие задачи – значит оставаться на позициях прошлого, возлагать на уголовное право всю полноту ответственности за их решение – значит быть в плену иллюзий. Социализация и ресоциализация личности – процесс, в котором участвуют едва ли не все социальные институты, выполняя каждый свою роль. У уголовного права своя роль: создать основания и условия для принудительной ресоциализации и координации усилий государственных и общественных структур в этом направлении. При надлежащем теоретическом обосновании социальное наполнение уголовно-правовых мер может стать основой для его качественного перерождения в интересах обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Библиографический список

1. Хомколов В. П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью. Системный подход. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1999. 191 с.

2. Крайнова Н. А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 23 с.

3. Стурова М. П. Педагогика социальной реабилитации осужденных: поиски и находки // Наказание: законность, справедливость, гуманизм: материалы науч.-практ. конф. Рязань: РВШ МВД РФ, 1994. С. 123–127.

4. Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. 58 с.

5. Авраменко В. Ю. Ресоциализация заключенного как социально-педагогическая цель работы с ним в исправительном учреждении // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 1 (45). С. 82–85.

6. Пудовочкин Ю. Е. Наказуемость деяния как признак преступления // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 5. С. 166–172.

7. Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. М.: Юрид. лит., 1983. 208 с.

8. Сундуков Ф. Р. Уголовное наказание и его социальное предназначение в демократическом обществе // Российское уголовное право. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2005. С. 77–81.

9. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В. Н. Бурлаков, Б. В. Волженкин. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 592 с.

10. Гишинский Я. И. Девиантология. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 520 с.

References

1. Khomkolov V. P. Organizatsiia upravleniia operativno-rozysknoi deiatelnosti. Sistemnyi podkhod [Organization of management of operative-search activity. System approach]. M.: Zakon i pravo, IUNITI, 1999, 191 p. [in Russian].

2. Krainova N. A. Problemy resotsializatsii neodnokratno sudimyykh lits: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk [Problems of resocialization of repeatedly convicted persons: author's abstract of Candidate's of Juridical Sciences thesis]. Vladivostok, 2002, 23 p. [in Russian].

3. Sturova M. P. Pedagogika sotsialnoi reabilitatsii osuzhdennykh: poiski i nakhodki [Pedagogy of social rehabilitation of convicts: searches and findings]. In: Nakazanie: zakonnost, spravedlivost, gumanizm: materialy nauch.-prakt. konf. [Punishment: legality, justice, humanism: materials of research and practical conference]. Ryazan: RVSH MVD RF, 1994, pp. 123–127 [in Russian].

4. Rybak M. S. Resotsializatsiia osuzhdennykh k lisheniuiu svobody: problemy teorii i praktiki: avtoref.

dis. ... d-ra iurid. nauk [Resocialization of prisoners to the deprivation of liberty: problems of theory and practice: author's abstract of Doctor of Laws thesis]. Saratov, 2001, 58 p. [in Russian].

5. Avramenko V. Yu. Resotsializatsiia zakliuchennogo kak sotsialno-pedagogicheskaiia tsel'raboty s nim v ispravitel'om uchrezhdenii [Resocialization of a prisoner as a social and pedagogical goal of working with him in a correctional facility]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2010, no. 1(45), pp. 82–85 [in Russian].

6. Pudovochkin Yu. E. Nakazuemost' deianiia kak priznak prestupleniia [The punishability of the act as a sign of crime]. *Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii* [Library of Criminal Law and Criminology], 2016, no. 5, pp. 166–172 [in Russian].

7. Galperin I. M. Nakazanie: sotsial'nye funktsii, praktika primeniia [Punishment: social functions, practice of application]. M.: Iurid. lit., 1983, 208 p. [in Russian].

8. Sundruv F. R. Ugolovnoe nakazanie i ego sotsialnoe prednaznachenie v demokraticheskom obshchestve [Criminal punishment and its social purpose in a democratic society]. In: *Rossiiskoe ugolovnoe pravo* [Russian criminal law]. SPb.: Izdatelskii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005, pp. 77–81 [in Russian].

9. Sovremennye problemy i strategiia borby s prestupnostiu. Nauchn. red. V. N. Burlakov, B. V. Volzhenkin [Modern problems and strategies to combat crime. V. N. Burlakov, B. V. Volzhenkin (Ed.)]. SPb.: Izdatelskii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005, 592 p. [in Russian].

10. Gilinsky Ya. I. Deviantologiia [Deviance study]. SPb.: Iuridicheskii tsentr Press, 2004, 520 p. [in Russian].

Yu. E. Pudovochkin*

RESOCIALIZATION IN THE CONTEXT OF NORMATIVE REGULATION MEASURES OF A CRIMINAL-LEGAL NATURE

The crisis of criminal punishment, for which experts have been monitoring for about half a century, has actualized the search for a new model of a criminal-legal response to a crime. In the domestic law-making and law-enforcement practice, the answer to this urgent challenge is associated with the development, along with criminal punishment, of a parallel system of criminal law measures. Meanwhile, the theory in this part is still lagging behind the practical needs of crime prevention. One of the directions of its long-term development may be the idea of isolating in the series of criminal-legal measures of specific preventive measures that, while not being punished and retribution for fault, are aimed at meeting the specific needs of the person who committed the crime, the victim and society. Among such measures, measures of resocialization of convicts that can be applied, regardless of the age of the perpetrator, the gravity of the crime committed, along with and instead of punishment, can find a worthy place.

Key words: criminal punishment, correction of the convicted person, criminal law measures, resocialization, social rehabilitation, criminal-legal measures of resocialization.

---

* *Pudovochkin Yury Evgenievich* (11081975@list.ru), Department of Criminal and Legal Studies, Russian State University of Justice, 117418, Russian Federation, Moscow, Novocheremushkinskaya Street, 69.

УДК 343.851.3

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-61-64

Н. Т. Идрисов*

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (НА ОСНОВЕ ПРАКТИКИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

В данной статье рассматриваются структура и динамика рецидивной преступности в Российской Федерации, ее региональные особенности. Определяется роль Следственного комитета РФ в противодействии этому социальному явлению. Автором проведен опрос следователей Следственного комитета Российской Федерации, изучены материалы уголовных дел. На основе анализа правоприменительной практики с научным обоснованием определены основные направления противодействия рецидивной преступности. Сделаны выводы, что рецидив преступлений не всегда свидетельствует о повышении общественной опасности личности преступника и принцип экономии репрессии должен реализоваться в отношении лиц, совершивших в состоянии судимости преступления небольшой и средней тяжести экономического характера. В то же время следует исключить негативное влияние профессиональных опасных и особо опасных рецидивистов на нормальное развитие общества и государства, не допустить ослабления уголовной репрессии в отношении данной категории лиц.

Ключевые слова: рецидив, преступность, Следственный комитет РФ, предварительное следствие, динамика и структура преступности, правоприменение, назначение наказания.

На современном этапе развития российской государственности противодействие преступным проявлениям носит разносторонний, многоаспектный характер в связи с множественностью причин преступного поведения. Однако данное противодействие несистемно, является отражением нечеткой политической и социальной картины страны.

Уже стало притчей во языцех проблема отсутствия в России внятной государственной политики в сфере противодействия преступности, даже рецидивной [1, с. 4]. Следует признать, что усилия отдельных государственно-властных и общественных институтов не смогут привести к каким-либо значимым победам на этом поприще, необходим глубокий анализ причин и комплексный подход к противодействию рецидивной преступности.

Как справедливо отмечает Т. В. Кленова, «государственная власть не должна надеяться на то, что рецидивная (повторная) преступность перестанет самовоспроизводиться или что возможно ее ограничение без применения уголовного закона. Рецидивная (повторная) преступность – это реальная угроза безопасности жизни людей, препятствие для правового развития Российской Федерации, пример, мешающий правовому воспитанию населения» [2, с. 28].

Следственный комитет России постоянно осуществляет разработку научных и практических основ противодействия тем или иным формам преступности. Для обеспечения законности и

правопорядка в обществе, нормализации развития российской государственности на следователей, помимо оперативного и качественного расследования преступлений, возложена задача по организации и осуществлению в пределах своих полномочий выявления обстоятельств, способствующих совершению преступлений, принятия мер по устранению таких обстоятельств (Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации») [3]. Следственный комитет России в рамках реализации поставленных задач является одним из важнейших субъектов уголовной политики в сфере противодействия преступности вообще и рецидивной преступности в частности.

Противодействие рецидивной преступности начинается с анализа актуальной статистической картины явления, а также ее причин и условий.

Согласно основным статистическим показателям деятельности судов общей юрисдикции за 2017 год, опубликованным на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в производство судов за год поступило 916 266 уголовных дел (в 2016 году этот показатель составлял 961 090). Количество осужденных за 2017 год составило 725 547 человек (в 2016 году – 772 936 человек) [4].

В соответствии с приказом Судебного департамента от 05.06.2014 № 136 утверждена Методика расчета показателя «Доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве

* © Идрисов Н. Т., 2018

Идрисов Наиль Талгатович (nail070@mail.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, 190000, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 96.

лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу (проценты)». Согласно представленным данным, доля ранее осужденных лиц, в отношении которых в 2017 году вступил в законную силу обвинительный приговор суда по стране в целом, составляет 33,2 %.

Исходя из общего количества осужденных, только за 2017 год число лиц, совершивших преступления при общем рецидиве (повторности), составляет 240 882 человека [5].

Среди субъектов Российской Федерации «лидером» по данному показателю является Мурманская область, где доля лиц, в отношении которых повторно вступает в силу обвинительный приговор суда, составляет 47,1 %. Также высокий процент демонстрирует Республика Коми (42,9 %), Удмуртская Республика (42,3 %) Вологодская (42,1 %) и Самарская области (40,1 %). Для сравнения, самый низкий показатель повторного осуждения – в Республике Ингушетия (7,7 %). Традиционно низкие показатели повторного осуждения лиц, ранее судимых за совершение преступления, в 2017 году дают военные суды. В частности, доля общего рецидива в 2017 году в Уральском военном окружном суде составляет всего 1,9 % [5].

Усматривается связь таких показателей с количеством исправительных учреждений на территории указанных субъектов (включая лечебно-профилактические учреждения). Согласно данным Федеральной службы исполнения наказания по состоянию на 01.05.2018, в Вологодской области расположено исправительных учреждений всего 14, в Республике Коми – 17, Самарской области – 18. Однако в Карачаево-Черкесской Республике и Ингушетии расположено по одному учреждению исполнения наказания, причем в режиме следственного изолятора. Иными словами, подавляющее большинство лиц, совершивших преступления на территории указанных республик, отбывают наказания в иных субъектах Российской Федерации [6].

Низкий уровень общего рецидива в военных судах связан с тем, что первая судимость военнослужащего, как правило, является основанием для прекращения его специального статуса.

Для более глубокого понимания проблем противодействия рецидива, на наш взгляд, следует рассмотреть структуру рецидивной преступности. В Отчете о составе осужденных за 12 месяцев 2017 года, представленном Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, приводятся следующие данные. Из общего числа лиц, осужденных за 2017 год, российскими судами признаны совершившими преступления при простом рецидиве 98 179 лиц, при опасном рецидиве – 16 540, при особо опасном рецидиве – 6564 осужденных [7].

Исследуя данную статистику, автор задался вопросом о том, какие преступления совершаются лицами при образовании того или иного вида ре-

цидива. Вопреки устоявшемуся мнению в обществе о повышении опасности лиц, совершающих преступления при рецидиве, наибольшее количество случаев повторного осуждения при неснятой и непогашенной судимости (простой рецидив) приходится на составы ненасильственного корыстного преступления, предусмотренные ст. 158 УК РФ (43 342 осужденных). Кроме того, кража включается в структуру и более опасных видов рецидива.

Из 98 179 осужденных при простом рецидиве 87058 человек осуждены повторно за преступления небольшой и средней тяжести. Для сравнения, за преступление, предусмотренное ст. 105 УК РФ (включая квалифицированные составы), при образовании простого рецидива осуждено 478 человек.

При опасном рецидиве наиболее распространены случаи повторного совершения преступлений, предусмотренных статьями 228 УК РФ (2879 лиц), 161 УК РФ (2148), 158 УК РФ (4934 осужденных).

При особо опасном рецидиве наиболее распространенными являются случаи осуждения за грабеж (727 осужденных), кражу (1923 осужденных), убийство (551 осужденный) [7].

Изучение и анализ статистики показывает криминологическую характеристику рецидивиста в России – это мужчина (из 106 397 осужденных по правилам рецидива только 8557 женщины), совершивший в состоянии судимости преступление средней тяжести экономического характера.

При исследовании рецидивной преступности значение имеет не только анализ судебной статистики, но и опросы лиц, непосредственно вовлеченных в процесс противодействия преступности, а также изучение конкретных уголовных дел.

В рамках повышения квалификации сотрудников следственных подразделений в Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ автором проведен опрос 42 следователей с опытом работы более 3 лет. Перед респондентами поставлен ряд вопросов. В частности, на вопрос «Считаете ли Вы совершение преступления при рецидиве более общественно опасным, чем первичное совершение деяния?» 84 % опрошенных ответили положительно. На вопрос «В чем специфика расследования преступлений, совершенных повторно лицом, имеющим судимость?» более 40 % следователей дали ответ о наличии у обвиняемого опыта противодействия следствию процессуальными и непроцессуальными средствами; на наличие преступного опыта сокрытия следов и результатов преступной деятельности указали 24 % респондентов. Особо подчеркнем, что большинство следователей (54 %) считает, что исключительно уголовно-правовыми средствами проблему рецидива преступлений не решить.

Следует согласиться с позицией тех правоприменителей, кто указал, что необходима оптимизация системы уголовного наказания. Нельзя наказание в виде лишения свободы рассматривать как основной инструмент противодействия пре-

ступности и применять его без учета конкретных обстоятельств совершенного деяния и лица, его совершившего. Гонка в угоду показателям и статистике вызывает очередной всплеск реальной преступности. Вместе с тем следует достигнуть баланса уголовно-правовой репрессии, ибо необходимо применять суровые меры к лицам, повторно встающим на тропу преступного ремесла.

Безусловно, результаты опроса имеют недостатки в силу субъективизма в оценках и отсутствия общего понимания респондентами тех или иных понятий. Однако автор согласен с основным выводом большинства действующих следователей, профессионалов, которые формируют передовые на фронте борьбы с преступностью, о том, что основным способом противодействия такому социальному явлению, как рецидив, является оздоровление социальной и экономической обстановки в стране, а также разработка и внедрение грамотной, системной государственной антикриминальной политики.

В соответствии со ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ предварительное следствие производится следователями Следственного комитета РФ по преступлениям, отнесенным к категории тяжких и особо тяжких, а также совершенным несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних. Отсюда и специфика структуры рецидивной преступности, которой противодействует Следственный комитет РФ [8].

Нередко следователям приходится сталкиваться с профессиональной организованной рецидивной преступностью. Опрос следователей в Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ позволил выявить уникальный для российской практики уголовного преследования случаев осуждения лица, прежде неоднократно судимого, по ч. 4 ст. 210 УК РФ «Создание преступного сообщества лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии».

Следственным управлением Следственного комитета РФ по Алтайскому краю собрана достаточная доказательственная база для признания судом Чкадуа Мамуки Арвелодиевича, также известного как Мамука Гальский, виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ. Установлено, что рецидивист Чкадуа, занимая высшее положение в преступной иерархии (суд в тексте приговора также использует термин «вор в законе»), организовал и встал во главе преступного сообщества, целью которого было осуществление тяжких и особо тяжких деяний. Рецидивист объединил под своим началом несколько преступных организаций, занимавшихся преступной деятельностью (заказные убийства, поборы с таксистов, рейдерские захваты, коллекторские функции и т. д.) [9].

Необходимо отметить, что противодействие рецидивной преступности на сегодняшний день осложняется условиями, в которых находится правоохранительная система. Состояние перманентной

реформы, экономические и организационные проблемы приводят к тому, что профессиональные, квалифицированные кадры становятся дефицитом в силовых структурах. Повышение преступного профессионализма и рост рецидивной преступности происходят на фоне снижения квалификации сотрудников правоохранительных и судебных органов.

Итак, исходя из принципа дифференциации уголовной ответственности, государственную деятельность в сфере противодействия рецидивной преступности необходимо реализовать в двух направлениях.

Во-первых, следует повышать возможность включения лиц, повторно осужденных за совершение преступлений, не представляющих высокой общественной опасности, в нормальную жизнь социума, изменять качество социальных связей. В социологии и криминологии данный процесс получил название «ресоциализация осужденных». При этом следует крайне обдуманно и взвешенно подходить к возможности назначения наказания в виде лишения свободы к указанной категории лиц.

Во-вторых, следует исключить влияние профессиональных опасных и особо опасных рецидивистов на нормальное развитие общества и государства, не допустить ослабления уголовной репрессии в отношении данной категории лиц. Справедливо отмечает Т. В. Кленова: «В условиях распространения профессиональной преступности, многократного совершения тяжких и особо тяжких преступлений, повышения категорий последующих преступлений принцип экономии репрессии нельзя толковать как идею отказа от усиления репрессии в отношении рецидива преступлений» [10, с. 29].

Необходимо отметить, что возможность справедливого уголовно-правового воздействия на преступников любых категорий основывается в первую очередь на качественном и законном предварительном расследовании уголовного дела, в том числе следователями Следственного комитета Российской Федерации.

Библиографический список

1. Колоколов Н. А. Уголовная политика: загадочная очевидность: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 212 с.
2. Кленова Т. В. Об уголовно-правовой политике в условиях роста рецидива преступлений // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV междунар. научно-практич. конф. М.: РГ-Пресс, 2018. 686 с.
3. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565 (дата обращения: 04.05.2018 г.)
4. Судебная статистика 2018 года. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/Osnovnye_oper_pokazateli_2017.xls (дата обращения: 04.05.2018).

5. Доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступления. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/Dolia_litc_ranee_osuzhdavshikhsia_za_overshenie_prestuplenii_za_2017g.xls (дата обращения: 05.05.2018).

6. URL: <http://фин.рф> (дата обращения: 03.05.2018).

7. Судебная статистика 2017 года. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/k5-svod-2017.xls (дата обращения: 03.05.2018).

8. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 05.05.2018).

9. Архив Алтайского краевого суда. Дело №2-1/2017.

10. Кленова Т. В. Об уголовно-правовой политике в условиях роста рецидива преступлений // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV междунар. научно-практич. конф. М.: ПГ-Пресс, 2018. 686 с.

References

1. Kolokolov N. A. Ugolovnaia politika: zagadochnaia ochevidnost: monografiia [Criminal policy: mysterious evidence: monograph]. M.: Iurlitinform, 2014, 212 p. [in Russian].

2. Klenova T. V. Ob ugovolno-pravovoi politike v usloviakh rosta retsidiva prestuplenii [On criminal law policy in the context of the growth of recidivism]. In: Ugolovnoe pravo: strategii razvitiia v XXI veke: materialy XV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Criminal law: development strategy in the XXI century: proceedings of the XV international

research and practical conference]. M.: RG-Press, 2018, 686 p. [in Russian].

3. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/. (accessed 04.05.2018) [in Russian].

4. Sudebnaya statistika 2018. Available at: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/Osnovnye_oper_pokazateli_2017.xls (accessed 04.05.2018) [in Russian].

5. Dolia litc ranee osuzhdavshikhsia za sovershenie prestuplenii za 2017 g. Available at: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/Dolia_litc_ranee_osuzhdavshikhsia_za_overshenie_prestuplenii_za_2017g.xls. (accessed 05.05.2018) [in Russian].

6. Available at: <http://фин.рф>. (accessed 03.05.2018) [in Russian].

7. Available at: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/k5-svod-2017.xls. (accessed 03.05.2018) [in Russian].

8. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481~ (accessed 05.05.2018) [in Russian].

9. Arkhiv Altaiskogo kraevogo suda. Delo №2-1/2017 [The archive of the Altai regional court. Case No. 2-1 / 2017] [in Russian].

10. Klenova T. V. Ob ugovolno-pravovoi politike v usloviakh rosta retsidiva prestuplenii [On criminal law policy in the context of the growth of recidivism]. In: Ugolovnoe pravo: strategii razvitiia v XXI veke: materialy XV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Criminal law: development strategy in the XXI century: proceedings of the XV international research and practical conference]. M.: RG-Press, 2018, 686 p. [in Russian].

N. T. Idrisov*

ON COUNTERACTING RECIDIVISM (BASED ON THE PRACTICE OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

This article discusses the structure and dynamics of recidivism in the Russian Federation, its regional features. The role of the Investigative Committee of the Russian Federation in countering this social phenomenon is determined. The author conducted a survey of investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation, studied the materials of criminal cases. On the basis of the analysis of law enforcement practice, with scientific justification the main directions of counteraction of recurrent crime are defined. It is concluded that the recurrence of crimes does not always indicate an increase in the public danger of the offender, and the principle of economy of repression should be implemented in respect of persons who have committed crimes of small and medium gravity of an economic nature. At the same time, it is necessary to exclude the negative impact of professional dangerous and especially dangerous recidivists on the normal development of society and the state, to prevent the weakening of criminal repression against this category of persons.

Key words: relapse, crime, Investigative Committee of the Russian Federation, preliminary investigation, dynamics and structure of crime, law enforcement, sentencing.

* Idrisov Nail Talgatovich (nail070@mail.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 96, Moika embankment, Saint-Petersburg, 190000, Russian Federation.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.8

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-65-73

В. И. Селиверстов*

ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ ДОКТРИНА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Статья посвящена проблемам исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Анализируются исправительная доктрина Российского государства, проявляющаяся в постановке и реализации цели исправления осужденных, и ее влияние на положение лиц, освобождаемых от отбывания наказания. На основании международных стандартов и национального законодательства определяется приоритет данной цели перед другими целями наказания и уголовно-исполнительного законодательства. Рассматриваются отдельные элементы механизма цели достижения исправления осужденных, а также различные варианты учета рецидива после отбывания лишения свободы. Вносится предложение о воссоздании существовавшей в СССР системы статистического учета постпенитенциарного рецидива, даются его основные этапы. Делается вывод о сохранении социально-политического значения цели исправления осужденных на современном этапе развития государства и сохранении ее закрепления в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России.

Ключевые слова: осужденный, уголовное наказание, цели наказания, лишение свободы, рецидив, освобождение от наказания, исправление осужденных, уголовно-исполнительное законодательство, уголовно-исполнительная система.

Актуальная тематика разрабатывается кафедрой уголовного права юридического факультета Самарского госуниверситета в рамках гранта, полученного на развитие институтов гражданского общества. «Лица, отбывшие наказание и освобожденные от него: рецидивисты, получатели услуг или сограждане». Действительно. Кто они? Данный вопрос особенно актуален применительно к лишенным свободы, именно к этой категории бывших осужденных зачастую обращены критические стрелы политиков, представителей науки, практических работников, правозащитников и т. п.

Если будущие рецидивисты, то, может быть, ввести по типу ФРГ бессрочное лишение свободы, постоянно продляя им в рамках административных процедур содержание в местах лишения свободы. Причем принимая такое решение не на основании совершения нового преступления, а на основании предполагаемой общественной опасности их личности, которая может привести к рецидивному преступлению.

Получатели услуг? Тоже не лишено оснований, поскольку вся правоохранительная деятельность

вовне может рассматриваться в качестве сферы социальных услуг, оказываемых населению. Данная точка зрения, основанная на теории социального управления, была наиболее популярна в начале XXI века. В настоящее время она актуализировалась по отношению к осужденным, отбывшим уголовное наказание в виде лишения свободы, в связи с появившимися на бытовом уровне взглядами на меры социальной поддержки бывших осужденных как на нечто положенное, заработанное тяжелыми условиями отбывания уголовного наказания.

Сограждане? А почему бы и нет, применительно к гражданам Российской Федерации. С юридической точки зрения их никто не лишал и не может лишить гражданства нашей страны. Согласно ст. 10 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) отличительной чертой специального правового статуса осужденных является то, что он базируется на общем правовом статусе граждан, так как осуждение лица к уголовному наказанию не влечет лишения гражданства России и, соответственно, общего правового статуса граждан нашей страны. В статье 6

* © Селиверстов В. И., 2018

Селиверстов Вячеслав Иванович (vis_home@list.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119992, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1, корп. 13.

Конституции РФ указывается на то, что гражданин РФ не может быть лишен своего гражданства или права изменить его. Исходя из этого, в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» не предусмотрено лишения гражданства по мотивам осуждения к уголовному наказанию. Более того, согласно ст. 20 названного акта, отбывание уголовного наказания служит препятствием для выхода из гражданства РФ по желанию осужденного.

С позиций бытового мировоззрения, относить их к согражданам или нет – дело каждого гражданина в соответствии с его нравственными установками и убеждениями.

Для более детального рассмотрения поставленной проблемы необходимо ответить на два принципиальных вопроса. Первый заключается в четком определении того состояния осужденного, которое общество и государство *желает получить* на выходе из исправительных учреждений. Второй вопрос связан с выяснением того состояния осужденного, которое общество и государство *фактически получает* на выходе из исправительных учреждений. Попытаемся последовательно на них ответить.

В части 2 ст. 43 УК РФ в качестве целей уголовного наказания закреплены восстановление социальной справедливости, а также исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Восстановление социальной справедливости как цель, которая определяет соразмерность преступления и наказания, стоит на первом месте.

В части 1 ст. 1 УИК РФ законодатель установил, что уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Таким образом, перед уголовно-исполнительным законодательством цель восстановления социальной справедливости уже не стоит, поскольку она уже достигнута при назначении вида и размера уголовного наказания. На первое место выходит цель исправления осужденных, причем речь идет о нравственном исправлении как наиболее труднодостижимом, но качественном результате. Законодатель как бы ориентирует на стадии исполнения (отбывания) наказания на обращение с осужденным, которое в меньшей степени зависит от ретроспективы (учета вида и тяжести совершенного преступления), а в большей степени – на обращение, в основе которого лежат оценки настоящего и будущего поведения осужденного. Свидетельством этому является то, что в соответствии с нормами УИК РФ лицо, совершившее особо тяжкое преступление, по истечении определенного срока в зависимости от своего поведения может оказаться в более льготных условиях отбывания наказания в виде лишения свободы,

например в колонии-поселении, а другое лицо, совершившее преступление небольшой тяжести, – в более суровых условиях, в том числе и в тюрьме.

В соответствии с приматом цели исправления осужденных построена Общая и Особенная части УИК РФ. В Общей части УИК РФ закреплены принципы уголовно-исполнительного законодательства, основные средства исправления осужденных, их правовое положение. Все это основано на прогрессивных идеях развития исполнения уголовных наказаний и обращения с осужденными. Этими идеями пронизаны нормы Особенной части УИК РФ, включая исполнение лишения свободы. Последние изменения уголовно-исполнительного законодательства подтверждают ориентацию законодателя на приоритет цели исправления осужденных.

На приоритет цели исправления осужденных указывают и международные стандарты. Так, в части 3 ст. 10 Международного Пакта о гражданских и политических правах (ООН, 1967 год) установлено, что пенитенциарной системой предусматривается режим для заключенных, существенной целью которого является их исправление и социальное перевоспитание.

В Минимальных стандартных правилах ООН в отношении обращения с заключенными (Правилах Нельсона Манделы, 2015 год) рекомендуется тюремной администрации и компетентным органам предоставлять надлежащие и имеющиеся возможности для получения образования, профессиональной подготовки и работы, а также другие виды помощи, в том числе исправительного, морального, духовного, социального, медицинского и спортивного характера. Все такие программы, мероприятия и услуги должны осуществляться с учетом индивидуальных потребностей перевоспитания заключенных.

Об этом свидетельствует и практика Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Так, ЕСПЧ неоднократно отмечал общую эволюцию европейской уголовно-правовой политики в направлении роста относительной важности воспитательной цели лишения свободы, особенно к концу длительного лишения свободы, а также указывал, что упор на исправление и реинтеграцию стал обязательным фактором, который должен приниматься во внимание государствами-участниками при разработке своей уголовно-правовой политики [1].

Аналогичной позиции придерживается и Конституционный Суд Российской Федерации, который даже применительно к пожизненному лишению свободы констатировал наличие «обязанности федерального законодателя учитывать при определении ограничений, составляющих сущность такого наказания, необходимость достижения всех целей наказания, которыми в соответствии с частью второй статьи 43 УК Российской

Федерации являются не только восстановление социальной справедливости и предупреждение совершения новых преступлений, но и исправление осужденного» [2].

Имеющиеся в науке позиции о замене цели исправления осужденных на цели социализации (ре-социализации) личности осужденного, интеграции (реинтеграции) в общество, адаптации (реадаптации) к условиям жизни на свободе не имеют прочной научной основы. Они нередко не учитывают того, что в ч. 1 ст. 1 УИК РФ закреплена общая для всех уголовных наказаний цель, а предлагаемые модные иностранные аналоги применимы лишь к наказаниям, связанным с изоляцией осужденного от общества.

Не являются убедительными и ссылки на законодательство отдельных зарубежных государств, где цель исправления отсутствует. Во-первых, в противовес можно привести немалое число государств, где данная цель декларируется в законодательстве. Во-вторых, нередко цель законодательства подменяется целями уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы или исправительных учреждений, что не вполне корректно с позиций научного исследования [3, с. 15].

Таким образом, ни с позиций международных актов в области прав человека, ни с позиций Конституции Российской Федерации, подтвержденных решениями международных и национальных судебных органов цель исправления осужденных не подвергается сомнению. Наоборот, ее игнорирование в решениях законодателя нередко становится основанием для признания оспариваемых положений закона неконституционными и нарушающими основные права и свободы человека.

Не так сложно ответить и на второй вопрос, однако в этом случае речь пойдет о целях, стоящих перед уголовно-исполнительной системой. Именно она определяет, в каком фактическом состоянии получит общество и государство осужденного на выходе из исправительных учреждений. При определенной политической линии законодателя на достижение цели исправления осужденных фактическое положение дел отличается от декларируемых идеалов.

Еще дореволюционные русские криминалисты отмечали ограниченные исправительные возможности наказания в целом, особенно когда речь шла о нравственном, а не юридическом исправлении [4, с. 903–906]. Тем более наказание в виде лишения свободы не приспособлено для выполнения исправительной миссии. Ставя перед наказанием цель нравственного совершенствования осужденного, его помещают в среду ему же подобных. Это диалектическое противоречие сопутствует наказанию в виде лишения свободы на протяжении всего периода зарождения, становления и развития пенитенциарных учреждений. Оно не изжито и по сей день.

По данному поводу очень убедительно высказался российский ученый Г. Ф. Хохряков: «Здравый смысл подсказывает, что задача по исправлению и перевоспитанию в условиях изоляции от общества недостижима... Действительно, ставя цель по приспособлению человека к жизни в обществе, его отделяют от этого общества; желая научить его полезному активному поведению, содержат в обстановке, где каждый шаг расписан, что вырабатывает пассивность; думая заменить в сознании человека вредные привычки полезными, его содержат среди себе подобных, что способствует взаимному заражению, и т. п.» [5, с. 66]. Аналогичные сомнения в целесообразности постановки перед наказанием цели исправления осужденных выражали С. В. Полубинская [6, с. 132–140], А. В. Усс [7, с. 29], И. Я. Козаченко [8, с. 72] и др.

Поддерживают эту позицию и в современной юридической литературе. Так, при обсуждении в 2016 году научно-теоретической модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса профессор В. И. Зубкова отметила, что цель исправления прописана декларативно и практически не срабатывает [9, с. 254]. Более определенно высказался профессор В. О. Белоносов, который в обоснование своей позиции отметил, что «по поводу исправления уже сформировавшейся личности народная мудрость гласит, что горбатого могила исправит, а почему у уголовно-исполнительной системы другая точка зрения?» [3, с. 15].

Отрицание исправительных возможностей лишения свободы как уголовного наказания присуще не только представителям науки уголовного и уголовно-исполнительного права, но и политикам. Медведев Д. А., будучи в этот период времени Президентом Российской Федерации, в интервью 28 ноября 2011 года применительно к исправительным учреждениям заявил следующее: «Я такую, может, сейчас скажу экстремистскую мысль, но я скажу. Они вообще никогда не работают на исправление. И дело не в том, что они у нас сами по себе не совсем высокого качества, мягко говоря. У нас действительно исправительно-трудовая система, она еще на 95 процентов советская. А вообще подобного рода наказания редко кого исправляют.

Именно поэтому за последние несколько лет я все-таки старался проводить несколько иную уголовную политику, когда суровым должно быть наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления. Но в этом случае, когда мы осуждаем людей, расчет идет не на исправление, а, скажем честно, на их изоляцию от общества. На то, чтобы они не совершали преступлений, находясь в обычной среде. Что касается исправления, то эта конструкция может применяться только к тем, кто совершил нетяжкие преступления, а, как правило, преступления по неосторожности. Именно туда и должен быть обращен государственный взор» [10, с. 631].

Отдельные коллеги по научному цеху согласились с Д. А. Медведевым в том, что эта мысль для политика действительно экстремистская [11, с. 631]. На наш же взгляд, скорее всего, она является неудачной. Мысль не есть законченное суждение, в ней глава государства фактически делится своими сомнениями относительно политики государства по отношению к опасным преступникам. Только подчиненные ему лица уже сделали выводы из столь сомнительных рассуждений: в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция) появилось деление на осужденных, способных и неспособных к ресоциализации, иначе говоря, к исправлению [12]. Для лиц, неспособных к ресоциализации (исправлению), по замыслу авторов Концепции, были предназначены тюрьмы со строгой изоляцией, а таких должно было быть почти 80 % из 448 тюрем, которые предполагалось открыть в ходе тюремной реформы 2010–2016 годов (именно такова доля в местах лишения свободы осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления). Для способных к ресоциализации – колонии-поселения с обычным и усиленным наблюдением. Впоследствии, а именно 23 сентября 2015 года, деление осужденных на указанные категории, а также не обеспеченный ресурсами фантастический перевод осужденных на тюремное содержание были исключены из приведенного выше концептуального документа [13].

Может быть, наше государство действительно стоит на пороге крутого поворота ранее проводившейся уголовной и уголовно-исполнительной политики? Поворота, основанного на полном или частичном отказе от цели исправления осужденных, на признании всех лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, «горбатыми» со всеми вытекающими из такого признания последствиями?

Не можем согласиться с таким поворотом по ряду оснований.

1. Представляется, что в основе отрицания исправительных возможностей лишения свободы как вида уголовного наказания, а соответственно, аналогичных возможностей самих исправительных учреждений лежит несколько идеалистическое представление о критериях достижения цели исправления осужденных. Еще в начале XX века известный русский тюремовед С. В. Познышев писал: «Что касается смысла слова “исправление”, то надо остерегаться преувеличивать его значение, говоря о тюрьме. Конечно, если под исправлением разуметь превращение порочного в высоконравственного, выдающегося человека, грубого невежественного вора с печатью закоренелого алкоголизма и праздности на лице – в нравственно изящного человека, которому даже противна мысль о получении чего-либо незаработанного, конечно, если придавать такой смысл слову “исправление”, то надо признать его недо-

стижимым в пенитенциарном учреждении» [14, с. 42].

Поэтому основным критерием достижения цели исправления может быть только правоопослушное поведение в аспекте соблюдения запрета на совершение преступлений. Показателем такого критерия является уровень постпенитенциарной рецидивной преступности, однако с определенной степенью условности, поскольку совершение рецидивных преступлений во многом определяется социальными условиями жизни после освобождения из исправительного учреждения.

2. Следует оценить еще одно представление о механизме достижения цели исправления осужденных. Почему-то нередко исправление осужденных связывают с проведением индивидуальных воспитательных мероприятий, а применение иных основных средств исправления относят к содержанию исполнения наказания. Поскольку же, как полагает автор, в исправительных учреждениях проводить индивидуальную воспитательную работу с осужденными некому: нет ни подготовленных кадров, ни ресурсного обеспечения, – то и цель исправления осужденных не может стоять перед этими учреждениями [3, с. 17].

Во-первых, исправление – это внутренний процесс переосмысления своих приоритетов и жизненных установок самим осужденным. Как отмечал С. В. Познышев, исправление в тюрьме «если и может наступить, то не в силу режима, а в силу глубоких, независимых от тюрьмы внутренних душевных движений человека» [14, с. 42]. А наказание в целом, уголовно-исполнительное законодательство и деятельность исправительных учреждений направлены на то, чтобы активизировать эти душевные движения. Именно для этого в нормах уголовно-исполнительного законодательства по своей сути закреплена исправительная модель исполнения лишения свободы, предусматривающая:

- сохранение социальных связей с семьей и иным позитивным окружением (посылки и передачи, свидания и телефонные разговоры, переписка и заключение брака, выезды за пределы исправительных учреждений и проживание за пределами исправительного учреждения);

- возможности (а нередко и обязанности) получить образование и профессию, приучиться к дисциплине и внутренней организованности;

- возможности расширить за счет воспитательных мероприятий различной направленности свой кругозор, обнаружить и развить внутренне дремлющие наклонности и увлечения;

- оказание помощи психологов в коррекции поведения, предоставление отдельных видов социальной помощи освобождаемым от уголовного наказания осужденным.

В этом отношении наказание в виде лишения свободы в единстве его карательного содержания

и основных средств исправления представляет собою, образно выражаясь, лекарство. Одним осужденным оно покажется горьким, другим – сладким. На одних оно окажет воздействие и приведет в действие душевные силы, на других – нет. Однако независимо от этого исправительная модель уголовно-исполнительного законодательства направлена на то, чтобы предоставить осужденному своеобразные «поплавки» (образование, профессию, сохраненные или восстановленные социальные связи и т. д.), уцепившись за которые осужденный сможет порвать с преступным прошлым.

Во-вторых, действительно и кадры не очень квалифицированные в исправительных учреждениях, и трудности есть в ресурсном обеспечении. Исполнение лишения свободы, как и иные сферы социальной политики и деятельности, подвержены влиянию экономических и политических, социальных и духовных факторов. Они динамично меняются: сегодня есть такие трудности, а завтра их нет. Будет ли обоснованным под эти трудности подстраивать стоящие перед наказанием и уголовно-исполнительным законодательством цели и отказываться от цели исправления осужденных?

На наш взгляд, нет, поскольку фактическое положение дел не может служить основанием для изменения целей законодательства. У нас и врачи нередко не могут вылечить больного – много молодых врачей, много больных с хроническими заболеваниями. Так давайте уберем цель излечения больных из уставов медицинских учреждений. Тогда и больницы переименуем в морги, а Министерство здравоохранения – в министерство захоронения. Цель исправления преступников, независимо от их категорий, должна стоять перед государством и обществом, это политическая цель, свидетельствующая о соответствии государства целям и принципам правового, социального и демократического государства. А то, что на практике встречаются трудности в достижении этой цели, то, что эта цель не достижима в полном объеме, так придется повторить прописную истину из науки управления: на то она и цель, чтобы являться на данном этапе развития недостижимой. Работать надо по выполнению поставленных целей и задач, а не подгонять их под свои возможности.

3. Для большинства специалистов, отрицающих необходимость постановки перед наказанием, уголовно-исполнительным законодательством и деятельностью исправительных учреждений цели исправления осужденных, главным аргументом является высокий официальный уровень рецидивной преступности после освобождения из мест лишения свободы. Причем, как зачастую указывают (нередко для того, чтобы показать актуальность проблемы рецидива), этот уровень постоянно возрастает и доходит аж до 90 %. Неизвестно, кого хотели напугать этими цифрами, но себя точно напугали. Дело в том, что статистически уровень

постепенитенциарной рецидивной преступности после освобождения от отбывания лишения свободы не измеряется и никакой официальной статистики по этому вопросу просто нет.

Система мониторинга рецидива преступлений после отбытия лишения свободы так и не введена в России, хотя она существовала в СССР. Поэтому вывод, что цель исправления не достигается в деятельности исправительных учреждений, сделан лишь на основе эмоций и приблизительных оценок. Отдельные региональные исследования постепенитенциарного рецидива проводятся российскими учеными. Последнее исследование осуществлял в 2011 году Юридический институт Томского государственного университета в Томской и Кемеровской областях. На основе достоверных данных о совершении освобожденными в течение трех лет повторных преступлений был зафиксирован рецидив после освобождения из исправительных колоний общего режима – 55,0 %, а из колоний строгого режима – 29,6 %. Общий постепенитенциарный рецидив при освобождении из этих двух видов исправительных учреждений составил 35,0 % [15, с. 8–9].

Откуда же берутся показатели рецидива, на которые нередко ссылаются исследователи? Они учитываются на трех последовательных стадиях правоохранительной деятельности: во время предварительного расследования, судебного разбирательства и отбывания наказания в виде лишения свободы.

Так, по данным МВД России о состоянии преступности, каждое второе расследованное преступление совершается лицами, ранее совершавшими преступления: 49,6 % – в 2013 г., 53,7 % – в 2014 г., 55,1 % – в 2015 г. и 54 % – в 2016 году [16, с. 42]. Однако эти показатели не характеризуют эффективность лишения свободы и достижение цели исправления осужденных, поскольку учитывается рецидив после применения наказаний без изоляции от общества и иных мер уголовно-правового характера, например условного осуждения.

Нередко ссылаются на данные судебной статистики, которые также демонстрируют рост среди осужденных за отдельные виды совершенных преступлений доли лиц, ранее отбывавших лишение свободы. Однако и этот показатель подвержен колебаниям из-за сокращения по различным причинам доли лиц, впервые осуждаемых к лишению свободы.

Между тем с 2015 года появились статистические данные, отражающие долю лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу, в процентах [17]. При этом следует учесть, что учитываются лица, ранее осуждавшиеся не только к лишению свободы, но и наказаниям без изоляции от общества. Согласно полученным данным, этот показатель оказался равным:

2015 год
Россия – 32,7 %
Самарская область – 37,4 %
2016 год
Россия – 30,9 %
Самарская область – 35,7 %
2017 год
Россия – 33,2 %
Самарская область – 40,1 %

Конечно, нужно учитывать возможности определенных погрешностей в данной статистике, поскольку она используется для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а каждый субъект Российской Федерации хочет выглядеть в лучшем свете. Так, как отмечают в своей статье Т. В. Кленова, Н. П. Шукина и О. А. Адоевская, по данным Управления судебного департамента в Самарской области, доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в 2015 году составила 45 % [16, с. 42]. Между тем в федеральной статистике она составляет уже 37,4 %, что вызывает определенные сомнения в ее достоверности.

Здесь учитываются данные о доле лиц, ранее осуждавшихся к лишению свободы и отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Их нередко выдают за постпенитенциарный рецидив, однако таковым он не является. Так, согласно статистическим данным ФСИН России, в исправительных колониях различных видов в 2017 году отбывали лишение свободы впервые 185718 (37,5%) осужденных, второй раз – 115 944 (23,4%) осужденных, третий и более – 193 487 (39,1%). Таким образом, доля рецидивистов в 2017 году среди осужденных в исправительных колониях составила 62,5 %, а в 2016 году она была 63,0 %, и в 2012 году – 63,0 % [18]. Однако, как видно, ничего пугающего в этих цифрах нет, они достаточно стабильны. Кроме того, приведенные показатели во многом зависят от тенденций в уголовной политике, изменений уголовного законодательства и судебной практики. Они характеризуют степень достижения цели исправления осужденных в местах лишения свободы, а сокращение привлечения к уголовной ответственности и осуждения к лишению свободы лиц, впервые совершивших преступления. В результате этого доля рецидивистов в местах лишения свободы достаточно высока.

Поэтому для представления о реальном положении дел с достижением цели исправления осужденных необходимо восстановление системы статистического учета постпенитенциарного рецидива. Напомним, что речь идет о статистическом учете доли лиц, совершивших преступления в течение трех лет после освобождения от отбывания лишения свободы. Ранее проведенными в советское время исследованиями установлено, что

большинство рецидивных преступлений совершается именно в течение трех лет после освобождения, причем второй год является наиболее рецидивоопасным. Впрочем, можно будет отследить и совершение преступлений в течение 5 лет, уровень современных компьютерных и иных технологий позволяет это сделать.

Без этих показателей невозможно говорить о неэффективности уголовно-исполнительной системы в целом и исправительных учреждений в частности. Все это актуализирует реализацию предложений о создании научно-теоретической модели учета постпенитенциарного рецидива с последующей ее апробацией и внедрением в систему статистического учета результатов борьбы с преступностью. Похожая система учета существовала в СССР, нет каких-либо значимых препятствий в том, чтобы эта система на новом уровне была разработана и внедрена в России. Аргументы об отсутствии материальных ресурсов для такой информационной системы, на наш взгляд, являются несерьезными, поскольку никто не рассчитывал данные затраты.

На втором этапе необходима научная разработка системы факторов, влияющих на постпенитенциарный рецидив, а также механизма их действия. В этой системе факторов можно было бы выделить тот вклад (негативный или позитивный), который вносит в рецидив система исполнения уголовных наказаний.

На третьем этапе следует разработать комплекс мер, направленных на усиление позитивных факторов, препятствующих увеличению постпенитенциарного рецидива, и ослабление факторов, провоцирующих его рост.

В итоге рассуждения о том, что «горбатого только могила исправит» хороши на кухне, где после обсуждения услышанных по телевизору криминальных новостей нередко люди делают вывод, что попавших в исправительные учреждения людей не исправить. Но эти рассуждения неприемлемы в профессиональном, тем более научном мышлении, поскольку они не основаны на достоверных научных данных. Такие рассуждения опасны в политике, в том числе в уголовной политике, вслед за ними неизбежно встанет вопрос, а что же делать с неисправимыми осужденными. Это в свое время и в разных странах подтолкнуло власти к простому решению проблемы людей, не вписывающихся в каноны установленного правопорядка. И наша страна имеет печальный негативный опыт разделения людей по различным социальным признакам и массового их отстрела в годы репрессий. Памятники с расстрельными списками в каждом регионе России и иных стран СНГ разве не напоминают об этом? Поэтому, прежде чем сделать в уголовной и уголовно-исполнительной политике такой крутой поворот и отказаться о цели исправления осужденных, необходимо крепко подумать о его последствиях.

Библиографический список

1. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства» (Vinter and Others v. United Kingdom), жалобы № 66069/09, 130/10 и 3896/10, § 111–116, ECHR 2013 (извлечения); Постановление Европейского Суда по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии» (Harakchiev and Tolumov v. Bulgaria), жалобы № 15018/11 и 61199/12, § 243–246, ECHR 2014 (извлечения); Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Диксон против Соединенного Королевства» (§ 75); Дело Хорошенко против Российской Федерации», жалоба № 41418/04 от 30 июня 2015 года. URL: <https://roseurosud.org/tr/st-8/postanovlenie-espch-khoroshenko-protiv-rossii> (дата обращения 16.04.2018).
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта "б" части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н. В. Королева и В. В. Королевой» // Российская газета. 2016. 24 ноября. № 7134 (266).
3. Белоносов В. О. О цели уголовно-исполнительного права // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4. С. 14–19.
4. Русское уголовное право: лекции Н. С. Таганцева. Издание второе, пересмотренное и дополненное. Часть Общая. Томъ II. Санкт-Петербургъ, 1902. 1530 с.
5. Хохлаков Г. Ф. Наказание в виде лишения свободы: оценка эффективности // Советское государство и право. 1989. № 2. С. 65–73.
6. Полубинская С. В. Цели уголовного наказания / отв. ред. И. И. Карпец. М.: Наука, 1990. 142 с.
7. Усс А. В. Допустимо ли исправлять осужденных? // Человек: преступление и наказание. 1994. № 1–2. С. 29–33.
8. Козаченко И. Я. Понятие уголовного наказания. Самара, 1993.
9. Зубкова В. И. К некоторым вопросам научно-теоретической модели Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. д.ю.н., проф. В. И. Селиверстова. М.: Изд. дом «Юриспруденция», 2017. С. 249–250.
10. Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев ответил на вопрос о реформе уголовно-исполнительной системы России // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лопашенко / Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2011. С. 627–632.
11. Громов В. Г. Некоторые проблемы реформирования исправительных учреждений // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лопашенко; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2011. С. 627–632.
12. Распоряжение Правительства РФ № 1772-Р от 14 октября 2010 года // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.
13. Распоряжение Правительства РФ № 1877-Р от 23 сентября 2015 года // СЗ РФ. 2015. № 40. Ст. 5581.
14. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М.: Мосполиграф, 1923. 342 с.
15. Городнянская В. В. Постпенитенциарный рецидив: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 24 с.
16. Кленова Т. В., Щукина Н. П., Адоевская О. А. О дорожной карте ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4. С. 41–46.
17. Методика расчета показателя «Доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу (проценты)», утв. приказом Судебного департамента от 05.06.2014 № 136, представл. в Министерство регионального развития Российской Федерации в соответствии с пунктом 3 раздела II Методики оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 03.11.2012 № 1142 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21.08.2012 № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» (письмо Судебного департамента от 10.06.2014 № СД-АГ/829).
18. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения: 14.05.2018).

References

1. Postanovleniie Bol'shoy Palaty Evropeyskogo Suda po delu «Vinter i drugie protiv Soedinennogo Korolevstva» (Vinter and others vs United Kingdom), zhaloby № 66069/09, 130/10 i 3896/10, §§ 111 – 116, ECHR 2013 (izvlecheniya); Postanovleniie Evropeyskogo Suda po delu «Kharakchiev i Tolumov protiv Bolgarii» (Harakchiev and Tolumov v. Bulgaria), zhaloby № 15018/11 i 61199/12, §§ 243–246, ECHR 2014 (izvlecheniya); Postanovleniie Bol'shoy Palaty Evropeyskogo Suda po delu «Dikson protiv

Soedinennogo Korolevstva» (§ 75) [The judgment of the Grand Chamber of the European Court on the case «Vinter and others vs the United Kingdom» (Vinter and others vs the United Kingdom), complaint № 66069/09, 130/10 and 3896/10, §§ 111–116, ECHR 2013 (extract), and in the Judgment of the European Court in the case of «Arakcheev and Talanov against Bulgaria» (Harakchiev and Tolumov vs Bulgaria), complaint № 15018/11 and 61199/12, §§ 243–246, ECHR 2014 (extract), Judgment of the Grand Chamber of the European court of Justice in Dixon vs United Kingdom (§ 75)]; Delo Khoroshenko protiv Rossiiskoi Federatsii», zhaloba № 41418/04ot 30 iyunia 2015 goda [Cited by «Khoroshenko vs the Russian Federation», complaint No. 41418/04ot, June 30, 2015]. Available at: <https://roseurosud.org/r/st-8/postanovlenie-espch-khoroshenko-protiv-rossii> (accessed 16.04.2018) [in Russian].

2. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 15 noyabrya 2016 g. № 24-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta "b" chasti tret'ey stat'i 125 i chasti tret'ey stat'i 127 Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom Vologodskogo oblastnogo suda i zhaloboy grazhdan N. V. Koroleva i V. V. Korolevoy» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 15, 2016 № 24-P «With regard to case of check of constitutionality of point "b" of part three of article 125 and part three of article 127 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation in connection with the request of the Vologda regional court and the complaint of citizens of N. V. Korolev and V. V. Koroleva». Rossiiskaia gazeta, November 24, 2016. Federal issue № 7134 (266) [in Russian].

3. Belonosov V. O. O tseli ugolovno-ispolnitelnogo prava [About the purpose of penal law]. Vestnik Samarskogo iuridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara Law Institute], 2017, no. 4, pp. 14–19 [in Russian].

4. Russkoe ugolovnoe pravo: leksii N. S. Tagantseva. Izdanie vtroe, peresmotr'nnoe i dopolnennoe. Chast' Obshchaia. Tom II [Russian criminal law: lectures by N.S. Tagantsev. Second edition, revised and updated. General Part. Volume II]. SPb., 1902, 1530 p. [in Russian].

5. Khokhryakov G. F. Nakazanie v vide lisheniia svobody: otsenka effektivnosti [Punishment in the form of imprisonment: evaluation of efficiency]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law], 1989, no. 2, pp. 65–73 [in Russian].

6. Polubinskaya S. V. Tseli ugolovnogo nakazaniia. Polubinskaia S. V.; otv. red.: I. I. Karpets [Purpose of criminal punishment. I. I. Karpets (Ed.)]. M.: Nauka, 1990, 142 p. [in Russian].

7. Uss A. V. Dopustimo li ispravliat osuzhdennykh? [Is it permissible to correct prisoners?]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie [Man: Crime and Punishment], 1994, no. 1–2, pp. 29–33 [in Russian].

8. Kozachenko I. Ya. Poniatie ugolovnogo nakazaniia [Concept of criminal punishment]. Samara, 1993 [in Russian].

9. Zubkova V. I. K nekotorym voprosam nauchno-teoreticheskoi modeli Obshchei chasti Ugolovno-ispolnitelnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [On some issues of scientific and theoretical model of the General part of the Criminal Executive Code of the Russian Federation]. In: Obshchaia chast novogo ugolovno-ispolnitelnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniia teoreticheskogo modelirovaniia. Pod nauch. red. d.iu.n., professora V. I. Seliverstova [General part of the new Criminal Executive Code of the Russian Federation: results and justification of theoretical modeling. V. I. Seliverstov (Ed.)]. M.: Izd. dom «Iurisprudentsiia», 2017, pp. 249–250 [in Russian].

10. Prezident Rossiiskoi Federatsii Dmitrii Medvedev otvetil na vopros o reforme ugolovno-ispolnitelnoi sistemy Rossii [President of the Russian Federation Dmitry Medvedev answered the question about the reform of the Russian penal system]. Cited by the book: Prestupnost', ugolovnaia politika, ugolovnyi zakon. sbornik nauch. tr. Pod red. N. A. Lopashenko [Crime, criminal policy, criminal law. Collection of scientific works. Lopashenko N. A. (Ed.)]. Saratov Center for the Study of Organized Crime and Corruption. Saratov, Saratov State Law Academy, 2011, pp. 627–632 [in Russian].

11. Gromov V. G. Nekotorye problemy reformirovaniia ispravitelnykh uchrezhdenii [Some problems of reformation of correctional institutions]. In: Prestupnost', ugolovnaia politika, ugolovnyi zakon. sbornik nauch. tr. Pod red. N. A. Lopashenko [Crime, criminal policy, criminal law. Collection of scientific works. Lopashenko N.A. (Ed.)]. Saratov Center for the Study of Organized Crime and Corruption. Saratov: Saratov State Law Academy, 2011, pp. 627–632 [in Russian].

12. Raspriazhenie Pravitelstva RF № 1772-R ot 14 oktiabrya 2010 goda [Order of the Government of the Russian Federation № 1772-R dated October 14, 2010]. SZ RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2010, no. 43, Article 5544 [in Russian].

13. Raspriazhenie Pravitelstva RF № 1877-r ot 23 sentiabrya 2015 goda [Order of the Government of the Russian Federation №1877-r dated September 23, 2015]. SZ RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2015, no. 40, Article 5581 [in Russian].

14. Poznyshev S. V. Osnovy penitentsiarnoi nauki [Fundamentals of penitentiary science]. M.: Mospoligraf, 1923, 342 p. [in Russian].

15. Gorodnyanskaya V. V. Postpenitentsiarnyi retsidiv: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk [Post-penitentiary relapse: author's abstract of Candidate's of Juridical Sciences thesis]. Tomsk, 2011, 24 p. [in Russian].

16. Klenova T. V., Shchukina N. P., Adoevskaya O. A. O dorozhnoi karte resotsializatsii i realnogo vklucheniia v grazhdanskoe obshchestva lits, otbyvshikh ugolovnoe nakazanie i osvobodennykh ot nego [About the road map of resocialization and real inclusion into the civil society of persons who have served a criminal sentence and were released from it]. Vestnik Samarskogo

iuridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara Law Institute], 2017, no. 4 (26), pp. 41–45 [in Russian].

17. «The proportion of persons previously convicted of crimes in the total number of people convicted on the basis of convictions that entered into legal force (interest)», approved by the Order of the Judicial Department dated 05.06.2014 No. 136 submitted to the Ministry of Regional Development of the Russian Federation in accordance with paragraph 3 of Section II of the Methodology for Assessing the Efficiency of the Executive Bodies of the Subjects of the Russian

Federation, The decision of the Government of the Russian Federation No. 1142 dated 03.11.2012 «On measures to implement the Decree of the President of the Russian Federation dated 21.08.2012 No. 1199 «On the evaluation of effectiveness of the executive authorities of the subjects of the Russian Federation» (letter of the Judicial Department dated 10.06.2014 No. SD-AG / 829) [in Russian].

18. Available at: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (accessed May 14, 2018) [in Russian].

V. I. Seliverstov*

CORRECTIONAL DOCTRINE AND ITS IMPACT ON THE STATUS OF AN INDIVIDUAL EXONERATED FROM SERVING THEIR SENTENCES

The article is devoted to the problems of execution of criminal punishment in the form of imprisonment. The article analyzes the correctional doctrine of the Russian state, manifested in the formulation and implementation of the purpose of convicts' reformation, and its impact on the status of an individual exonerated from serving their sentences. On the basis of international standards and national legislation, priority is given to this purpose over other purposes of punishment and penal enforcement legislation. Some elements of the mechanism for achieving the purpose of correction of convicts are considered, as well as various options for recording repetition of crime after serving imprisonment are considered too. A proposal to reconstruct the existing system of statistical accounting of post-penitential repetition of crime in the USSR is made here, its main stages also are named. The conclusion is made about the preservation of socio-political importance of the purpose of correction of convicts at the present stage of development of state and the preservation of its legislative consolidation in the criminal and penal law of Russia.

Key words: convict, criminal punishment, purpose of punishment, imprisonment, repetition of crime, relief from punishment, correction of convicted persons, criminal justice, penal system.

---

* *Seliverstov Vyacheslav Ivanovich* (vis_home@list.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Lomonosov Moscow State University, building 13, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119992, Russian Federation.

УДК 340

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-74-79

С. А. Борсученко*

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

В настоящее время нерешенными остаются проблемы ресоциализации и социальной адаптации осужденных к лишению свободы как в теоретическом, так и прикладном аспектах. Эти проблемы требуют серьезного осмысления. В настоящее время в науке уголовно-исполнительного права нет единства мнения относительно понятия и содержания рассматриваемых терминов. Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и практика его применения в этой сфере имеют серьезные недостатки.

Проблемы законодательной регламентации и правоприменительной практики ресоциализации и социальной адаптации осужденных к лишению свободы анализируются в статье с учетом авторской позиции.

Сделан вывод, что необходимо совершенствовать формы и методы воспитательной работы с осужденными к лишению свободы, включая занятия спортом, художественной самодеятельностью, получение общего и профессионального образования. Следует повышать правовую культуру осужденных, включая оказание им бесплатной юридической помощи.

Автором определены факторы, осложняющие ресоциализацию и социальную адаптацию осужденных в условиях изоляции, предложены меры правового и организационного характера, способствующие их минимизации.

Ключевые слова: исправительные учреждения, ресоциализация осужденных к лишению свободы, социальная адаптация.

Термин «ресоциализация» широко используется в социологии, педагогике, психологии, а также юриспруденции применительно к уголовно-исполнительной сфере, что обусловило его многокомпонентное содержание.

Большой толковый социологический словарь терминов под ресоциализацией понимает, во-первых, вторичную социализацию, происходящую на протяжении всей жизни индивида в связи с изменениями его установок, целей, норм и ценностей жизни; во-вторых, процесс приспособления девиантного индивида к жизни без острых конфликтов; в-третьих, процесс усвоения новых ценностей, ролей, навыков взамен прежних, неправильно усвоенных, устаревших или же в связи с переходом в принципиально иные социальные условия; в-четвертых, процесс усвоения новых норм, ценностей, мировоззрения и моделей поведения и т. п. [1].

Педагогика использует ресоциализацию как способ, при помощи которого человеку прививаются новые жизненные ценности, чтобы заменить усвоенные ранее. Направленность этого процесса осуществляется в отношении людей, чья модель поведения значительно отличается от общепринятых правил. Главная цель подобного способа – восстановить утраченный статус и изменить негативные установки.

По мнению российского социолога, психолога, антрополога, философа И. С. Кона, термин «ресоциализация» является производным от термина «социализация», который означает несознательное и спонтанное воздействие социальных сил на человека [2, с. 134]. Ресоциализация является одним из видов социализации и представляет собой процесс усвоения новых ценностей, норм, ролей и правил поведения. К видам социализации также относится десоциализация, под которой понимается выход из системы старых ценностей, а ярким примером является совершение преступления. Преступление есть нарушение наиболее значимых норм и посягательство на охраняемые уголовным законом ценности. Совершение преступления свидетельствует об определенной степени десоциализации субъекта: этим он демонстрирует свой отказ от базовых ценностей общества. При смене социальной среды, условий жизни индивида ресоциализация обеспечивает нормальную адаптацию, т. е. процесс усвоения индивидом основных элементов культуры – символов, ценностей, смыслов и норм.

Понятие «социализация» состоит из множества различных мер и способов, на основе которых построен процесс интеграции в социум. Задача социализации – привить каждой личности те ценности и нормы поведения, что одобрены обществом.

* © Борсученко С. А., 2018

Борсученко Светлана Алексеевна (bca38@mail.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Российская Федерация, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1.

Одним из первых о проблемах ресоциализации осужденных к лишению свободы в своих работах писал профессор Н. А. Стручков. По его мнению, в содержание понятия этого процесса следует включать не только пенитенциарный, но и постпенитенциарный период воспитательной работы с личностью [3, с. 190]. Однако, на наш взгляд, такая позиция представляется спорной, поскольку процесс ресоциализации осужденных в местах лишения свободы не сводится только к воспитательной работе, имеет четкую правовую регламентацию, а также сопряжен с негативными последствиями изоляции для психического и физического здоровья человека, что определяет его специфику.

Полагаем, что ресоциализация осужденных к лишению свободы включает в себя процесс усвоения позитивных норм, убеждений, установок, принятых в обществе, и приобретения социально-полезных навыков в период отбывания наказания, необходимых для адаптации к жизни на свободе после освобождения.

Таким образом, ресоциализация представляет собой ряд мер нравственно-социального характера, направленных на исправление личности с антиобщественной манерой поведения. Важной составляющей в процессе ресоциализации является психотерапевтическая коррекция. Необходимым условием ресоциализации является исправление осужденного, а не наоборот, как отмечает В. И. Зубкова [4, с. 28–30].

Во многом ресоциализация осужденных к лишению свободы осложнена невозможностью изменения негативной социальной среды, а также комплексом факторов, присущих наказанию в виде лишения свободы, в частности принудительной изоляцией от общества, включением индивидов в однополюсные группы, жесткой регламентацией поведения во всех сферах жизнедеятельности.

В целях минимизации отрицательных эффектов изоляции Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [5] предусматривает:

разработку новых форм проведения воспитательной работы, организацию образовательного процесса и трудовой занятости осужденных в новых условиях отбывания наказания;

совершенствование уголовной и уголовно-исполнительной политики (организации исполнения наказаний), направленной на социализацию осужденных;

создание условий для постепенного снижения количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении в исправительных учреждениях, в том числе в приоритетном порядке в воспитательных колониях;

осуществление раздельного содержания осужденных с учетом тяжести совершенного преступления и криминологической характеристики осужденного;

изменение идеологии применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы с усилением психолого-педагогической работы с личностью и подготовки ее к жизни в обществе;

поиск и использование новых форм и методов исправительного воздействия на осужденных, организационных механизмов социальной работы с осужденными, закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации форм социальной, психолого-педагогической работы с осужденными в качестве основного средства исправления осужденных;

разработку и внедрение профильных образовательных программ, реализуемых образовательными организациями УИС, направленных на формирование у обучающихся профессиональных навыков в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания;

дифференциацию условий содержания осужденных с целью обеспечения выполнения ими установленных правил режима содержания, создание системы изучения факторов, способствующих эксцессам со стороны осужденных, с целью выработки мер, стимулирующих правопослушное поведение, а также усиления ответственности злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания;

совершенствование системы мотиваций осужденных к законопослушному поведению, влекущему изменению условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения, условно-досрочное освобождение или замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания, совершенствование порядка участия администрации исправительных учреждений в реализации механизмов условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания с учетом поведения и личностных характеристик осужденных;

внедрение новых организационно-правовых форм организации производственной деятельности в исправительных учреждениях и создание дополнительных рабочих мест, в том числе на основе государственно-частного партнерства;

обучение осужденных профессиям в рамках реализации основных профессиональных образовательных программ и основных программ профессионального обучения, востребованным на рынке труда, совершенствование профессиональных навыков, позволяющих трудоустроиться после освобождения;

совершенствование и развитие системы обязательного профессионального обучения или среднего профессионального образования осужденных в рамках реализации основных профессиональных образовательных программ и основных программ профессионального обучения, сохранение, передислокацию, перепрофилирование и соз-

дание новых профессиональных образовательных организаций, реализующих все формы обучения, с учетом прогноза потребностей в профессиях рабочих по отраслям и регионам страны;

внедрение моделей и программ развития трудовых навыков и умений, отвечающих возрастным особенностям и индивидуальным потребностям несовершеннолетних осужденных;

разработку механизма индивидуальной социальной работы с осужденными с момента их поступления в исправительные учреждения в целях подготовки к освобождению и дальнейшей социализации;

усиление воспитательной работы в отношении осужденных с особым акцентом на вовлечение их в трудовую деятельность, приобретение профессии или переквалификацию;

оптимизацию социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными на основе функционального взаимодействия сотрудников всех служб исправительных учреждений с привлечением к исправительному процессу представителей органов исполнительной власти, а также институтов гражданского общества;

поиск и внедрение новых индивидуальных форм работы, обеспечивающих оказание адресной социальной, психологической и педагогической помощи каждому осужденному с учетом его социально-демографической, уголовно-правовой и индивидуально-психологической характеристики;

внедрение методов медиации в отношении осужденных;

совершенствование духовно-нравственного и патриотического воспитания осужденных, планирование, организацию и проведение в исправительных учреждениях воспитательных мероприятий, направленных на формирование и развитие у осужденных стремления к общественно-полезной деятельности, соблюдению требований законов и принятых в обществе правил поведения;

сотрудничество со структурами гражданского общества, общественными объединениями, деятельность которых может быть полезна для гуманитарно-воспитательного воздействия на осужденных, активизацию взаимодействия с традиционными конфессиями, в частности обеспечение осужденным возможности участия в религиозных обрядах, реализацию совместных с традиционными конфессиями гуманитарных проектов;

расширение форм организации культурного досуга осужденных, клубной и кружковой работы, привлечение к этой работе деятелей искусства, культуры и спорта, в том числе имеющих широкую известность и позитивный авторитет, пополнение библиотечных фондов;

повышение требований к научному и методическому уровню психодиагностической и психокоррекционной работы, разработку и развитие психотерапевтического направления работы психолога, совершенствование научно-технического обеспе-

чения деятельности психолога, оптимизацию диагностического инструментария психолога и объема психодиагностической работы, внедрение инновационных технологий, адаптацию передового отечественного и зарубежного опыта работы;

разработку новых подходов к формированию самодетельных организаций осужденных с учетом интересов и потребностей в них самих осужденных, совершенствование правового регулирования их деятельности;

дальнейшее развитие благоприятных условий для получения осужденными основного общего образования или среднего общего образования, среднего профессионального образования и высшего образования по заочной форме обучения в рамках реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий;

разработку и развитие психотерапевтического направления работы психолога, создание при учреждениях уголовно-исполнительной системы отделений социально-психологической реабилитации с целью оказания профильной психологической помощи осужденным, имеющим алкогольную или наркотическую зависимость, психические аномалии.

Однако в настоящий момент многие прогрессивные идеи Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года на практике не реализованы.

Ресоциализация осужденных к лишению свободы – это длительный процесс, имеющий в своей основе сложный комплекс психолого-педагогических, медицинских, социально-экономических, юридических и организационных мер, направленных на формирование у каждого осужденного способности и готовности к включению после отбытия наказания в обычные условия жизни общества. В то же время эффективность данного процесса во многом зависит от условий отбывания наказаний, которые не должны иметь большой разрыв с жизнью на свободе, осужденный не должен утрачивать умений и навыков нормального поведения [6, с. 32].

На ресоциализацию осужденных к лишению свободы направлены положения УИК РФ, закрепляющие основные права осужденных (ст. 12–15 УИК РФ), специальные права осужденных к лишению свободы (ст. 88–95, 98–101 УИК РФ), их законные интересы (ст. 96, 97, 175 УИК РФ), основные средства исправления осужденных (ч. 2 ст. 9 УИК РФ), в том числе труд, профессиональное образование и профессиональное обучение (ст. 103–106 УИК РФ, ст. 108 УИК РФ), воспитательное воздействие (ст. 109–110 УИК РФ, ст. 112–113 УИК РФ), а также возможность в период отбывания наказания в зависимости от поведения и отношения к труду улучшить условия содержания (ч. 1, ч. 2 ст. 120 УИК РФ, ч. 1, ч. 2 ст. 122 УИК РФ, ч. 1, ч. 2 ст. 124

УИК РФ, ч. 3, ч. 4 ст. 127 УИК РФ, ст. 129 УИК РФ, ч. 4, ч. 5 ст. 130 УИК РФ, ч. 2, ч. 4 ст. 132 УИК РФ).

Следует отметить, что сам термин «ресоциализация» не закреплен в УИК РФ, однако он востребован законодателем в других нормативных правовых актах.

Так, в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в рамках совершенствования уголовно-исполнительной политики планируется дополнить систему поощрений осужденных иными стимулами к правопослушному поведению и активной ресоциализации; в сфере социальной и психологической работы с осужденными, а также в процессе их воспитания и образования предлагается развитие социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в направлении обеспечения ресоциализации осужденных, освоения ими основных социальных функций как необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения.

В этом документе предложено также разработать базовые программы психологической коррекции личности для формирования социальной направленности осужденных, профилактики деструктивных проявлений, их ресоциализации и дальнейшей интеграции в общество. Далее в рамках совершенствования сотрудничества с институтами гражданского общества и осуществления контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы предполагается содействие реализации общественно-гуманитарных проектов, в рамках которых создаются дополнительные стимулы к законопослушному поведению осужденных и их ресоциализации, в частности за счет участия общественности в устройстве судьбы осужденного, освобождающегося из мест лишения свободы.

Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» раскрывает понятие ресоциализации [7]. Согласно ст. 25 Закона, ресоциализация представляет собой комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера.

Таким образом, законодатель распространяет применение данного термина на постпенитенциарный период. Однако в настоящее время орган, выполняющий такие функции, не определен. Представляется целесообразным передать указанные полномочия уголовно-исполнительным инспекциям, поскольку профилактика правонарушений должна включать не только правовые запреты, но и социальное сопровождение (оказание соци-

альной, материальной и иной помощи). Уголовно-исполнительные инспекции при решении правовых, кадровых и иных организационных проблем должны стать аналогом службы пробации в зарубежных странах.

Ресоциализация осужденных к лишению свободы невозможна без их социальной адаптации, которая представляет собой комплекс мер и средств, направленных на подготовку к жизни на свободе. Социальная адаптация является обязательным компонентом ресоциализации. В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством РФ подготовка осужденных к освобождению начинается за 6 месяцев до окончания срока наказания (п. «а» ч. 1 ст. 97, ч. 3 ст. 121, ч. 5 ст. 132, ч. 4 ст. 133, ч. 1, ч. 2 ст. 180 УИК РФ), в то время как весь процесс, направленный на исправление осужденных, должен быть подчинен этой задаче и начинаться с первых дней исполнения (отбывания) наказания. Очевидно, что от эффективности предпринимаемых мер зависит уровень рецидивной преступности в стране, а значит и безопасность общества в целом.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в качестве одной из основных целей определила сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы.

Для достижения поставленной цели необходимо решить такие задачи, как социальная адаптация осужденных в период отбывания наказания в исправительных учреждениях и оказание лицам, освобожденным из мест лишения свободы, постпенитенциарной помощи.

Социальной адаптации осужденных к лишению свободы способствует общественно полезный труд, получение общего образования, высшего образования, профессиональное обучение, общественное воздействие, а также поддержание связи с внешним миром (свидания (ст. 89 УИК РФ), получение посылок, передач и бандеролей (ст. 90 УИК РФ), переписка, получение и отправление денежных переводов (ст. 91 УИК РФ), телефонные разговоры (ст. 92 УИК РФ), просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач (ст. 94 УИК РФ), возможность передвижения без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения (ст. 96 УИК РФ), выезды за пределы исправительного учреждения (ст. 97 УИК РФ), возможность изменения вида исправительного учреждения (ч. 2 ст. 78 УИК РФ), подготовка к освобождению (ч. 3 ст. 121, ч. 4 ст. 133 УИК РФ, ст. 180 УИК РФ).

Проведение мероприятий, направленных на подготовку осужденных к освобождению и последующей адаптации в обществе, согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, предполагает: предоставление для лиц, заканчивающих отбывание длительных сроков лишения свободы, воз-

возможности прохождения специального тренинга, включающего широкую информацию об изменениях в обществе, новых формах социальной жизни, а для некоторых категорий осужденных – предоставление возможности перевода в колонию-поселение с разрешением кратковременных выездов к месту предполагаемого жительства;

создание условий для подготовки освобождающихся лиц к дальнейшей постпенитенциарной адаптации через службу пробации, создание которой предусматривается Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. [8].

Однако в самой уголовно-исполнительной системе не предусмотрен вид исправительного учреждения, задачей которого являлась бы социальная адаптация осужденных (по аналогии с европейскими открытыми тюрьмами) [9, с. 41–44]. К тому же ч. 3 ст. 78 УИК РФ не позволяет постепенную интеграцию всем категориям осужденных и их перевод в колонию-поселение даже перед освобождением.

Правила режима охватывают все сферы жизнедеятельности осужденных к лишению свободы. Очевидно, что такая детальная регламентация распорядка дня в исправительном учреждении не стимулирует у осужденных чувство ответственности, не способствует их самостоятельности, затрудняет социальную адаптацию и последующую реинтеграцию в общество. В этом и заключается самая большая сложность реализации задач пенитенциарного режима, нейтрализации его негативных факторов [10, с. 54–58].

Таким образом, процесс исполнения (отбывания) наказания в виде лишения свободы должен быть подчинен главной задаче – подготовке осужденных к жизни на свободе, что в условиях изоляции достаточно сложно.

Вопросы социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, их реинтеграции в общество, напрямую зависят от эффективности ресоциализации и социальной адаптации в период отбывания наказания, а следовательно, являются индикатором уровня рецидивной преступности.

Очевидно, что по данному вопросу требуется проведение информационной политики, поскольку в настоящее время общество не готово к пониманию важности проблемы интеграции осужденных в социум, их адаптации к жизни на свободе.

Библиографический список

1. Большой толковый социологический словарь терминов. URL: <http://www.onlineedics.ru/slovar/soc.html> (дата обращения: 23.04.2018).
2. Кон И. С. Ребенок и общество. М.: Наука, 1988. 270 с.

3. Натасhev А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. М.: Юрид. лит., 1967. 190 с.

4. Зубкова В. И. Цель исправления как путь ресоциализации осужденного // Ресоциализация осужденных в условиях развития гражданского общества: сборник материалов Междунар. научно-практич. конф. (11–12 декабря 2014). Киров: ФКОУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России, 2014. 275 с.

5. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р. (ред. от 23.09.2015) // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

6. Каирбаева Л. К. Восстановительное правосудие и ресоциализация осужденных: автореф. дис. ... д-ра философии. Астана, 2010. 32 с.

7. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3851.

8. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

9. Борсученко С. А. Социальная адаптация осужденных и меры по ее обеспечению: опыт зарубежных стран // Вестник РПА. 2013. № 1. С. 41–44.

10. Борсученко С. А. Режим исполнения (отбывания) наказаний и проблемы его законодательной регламентации // Мониторинг правоприменения. 2016. № 1. С. 54–58.

References

1. Bolshoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar terminov [A great explanatory sociological dictionary of terms]. Available at: <http://www.onlineedics.ru/slovar/soc.html> (accessed 23.04.2018) [in Russian].
2. Kon I. S. Rebenok i obshchestvo [Child and society]. M.: Nauka, 1988, 270 p. [in Russian].
3. Natashev A. E., Struchkov N. A. Osnovy teorii ispravitelno-trudovogo prava [Fundamentals of the theory of correctional labor law]. M.: Iurid. lit., 1967, 190 p. [in Russian].
4. Zubkova V. I. Tsel' ispravleniia kak put' resotsializatsii osuzhdennogo [Purpose of correction as a way of resocialization of the convict]. In: Resotsializatsiia osuzhdennykh v usloviakh razvitiia grazhdanskogo obshchestva: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (11–12 dekabria 2014) [Resocialization of convicts in the conditions of development of civil society: collection of materials of the International research and practical conference (December 11–12, 2014)].

Kirov: FKOU DPO Kirovskii IPKR FSIN Rossii, 2014, 275 p. [in Russian].

5. Kontsepsiia razvitiia ugolovno-ispolnitelnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda, utverzhdenaia rasporyazheniem Pravitelstva RF ot 14.10. 2010 № 1772-r. (red. ot 23.09.2015) [The concept of development of the penitentiary system of the Russian Federation until 2020, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated 14.10.2010 №1772-p (revised 23.09.2015)]. SZ RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2010, no. 43, Article 5544 [in Russian].

6. Kairbaeva L. K. Vosstanovitelnoe pravosudie i resotsializatsiia osuzhdennykh: avtoref. dis. ... d-ra filosofii [Restorative justice and resocialization of convicts: author's abstract of Doctoral of Philosophical Sciences thesis]. Astana, 2010, 32 p. [in Kazakhstan].

7. Federalnyi zakon ot 23.06.2016 № 182-FZ «Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarushenii v Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law dated June 23, 2016 № 182-FZ «On the fundamentals of the system of prevention of offenses in the Russian Federation»]. SZ RF [Collected Legislation of the Russian

Federation], 2016, no. 26 (Part I), Article 3851 [in Russian].

8. Kontsepsiia dolgosrochnogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda, utverzhdenaia rasporyazheniem pravitelstva Rossiiskoi Federatsii ot 17 noiabria 2008 g. № 1662-r [The concept of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period until 2020, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated November 17, 2008, № 1662-r]. SZ RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2008, no. 47, Article 5489 [in Russian].

9. Borsuchenko S. A. Sotsialnaia adaptatsiia osuzhdennykh i mery po ee obespecheniiu: opyt zarubezhnykh stran [Social adaptation of convicts and measures to ensure it: experience of foreign countries]. Vestnik RPA [Herald of the Russian Law Academy], 2013, no. 1, pp. 41–44 [in Russian].

10. Borsuchenko S. A. Rezhim ispolneniia (otbyvaniia) nakazanii i problemy ego zakonodatelnoi reglamentatsii [Regime of execution (serving) of punishments and the problems of its legislative regulation]. Monitoring pravoprimeneniia [Monitoring of law enforcement], 2016, no. 1, pp. 54–58 [in Russian].

S. A. Borsuchenko*

RESOCIALIZATION AND SOCIAL ADAPTATION OF PRISONERS: CONCEPT, CONTENT, LEGAL REGULATION

At present, the problems of resocialization and social adaptation of those sentenced to deprivation of liberty in both theoretical and applied aspects remain unsolved. These problems require serious consideration. It is concluded that at present in the science of criminal-executive law there is no unity of opinion on the concept and content of the terms in question. The criminal-executive legislation of the Russian Federation and the practice of its application in this sphere also have serious shortcomings. The problems of legislative regulation and law enforcement practice of resocialization and social adaptation of prisoners sentenced to the deprivation of liberty are analyzed in the article taking into account the author's position.

It is concluded that it is necessary to improve the forms and methods of educational work with people sentenced to the deprivation of liberty, including sports, amateur performances, and general and professional education. It is necessary to improve the legal culture of convicts, including providing them with free legal aid. The author identified factors that complicate the resocialization and social adaptation of convicts in isolation, proposed legal and organizational measures that facilitate their minimization.

Key words: correctional facilities, resocialization of convicts, social adaptation of convicts.

---

* *Borsuchenko Svetlana Alexeevna* (bca38@mail.ru), Department of Criminal Law and Criminology, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), building 1, 2, Azovskaya Street, Moscow, 117638, Russian Federation.

УДК 343.8

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-80-84

О. А. Адоевская*

О ПРОБЛЕМЕ ГАРАНТИРОВАНИЯ ПРАВ ЛИЦ, ОТБЫВШИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ИЛИ ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ НЕГО**

В статье рассматриваются проблемы гарантирования прав лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы и освобожденных от него.

Исследовано формирование нормативной базы российской государственной политики ресоциализации лиц, отбывших наказание и освобожденных от его отбывания. Доказано, что одной из основных причин высокого уровня рецидивной преступности является отсутствие законодательно гарантированной социально-реабилитационной помощи лицам, отбывшим наказание и освобожденным от него. Цели по сокращению рецидива преступлений, заявленные в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, не достигаются.

Сделан вывод о целесообразности учета международного опыта в сфере ресоциализации осужденных к лишению свободы. Основное внимание уделено положениям Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (1955 г.) в части социальной опеки заключенных после освобождения. Приведены примеры видов практики обращения с заключенными, представленные на 12-м Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию.

Подтверждено отсутствие качественного урегулирования отношений в связи с ресоциализацией лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, в современной российской уголовной политике. Обоснована необходимость разработки Дорожной карты ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, лица, отбывшие наказание в виде лишения свободы, ресоциализация.

В современной России актуализируется проблема гарантирования прав и законных интересов лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, в соответствии с международными стандартами (раздел I Концепции Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)»). На решение этой проблемы нацелена пенитенциарная реформа, проводимая в современной России.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года в числе основных целей названы: сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в

местах лишения свободы, проведение в местах лишения свободы мероприятий в целях адаптации в обществе освободившихся осужденных, в том числе с участием гражданского общества.

В России остаются стабильно высокими показатели числа лиц, осужденных к лишению свободы.

По данным интернет-портала World Prison Brief, Россия занимает четвертое место в мире по уровню «тюремного населения» после США, Китая и Бразилии¹.

В России сохраняется стабильно высокий уровень рецидивной (повторной) преступности.

По данным МВД РФ о состоянии преступности, каждое второе расследованное преступление осуществляется лицами, ранее совершавшими преступления: 55,1 % – в 2015 г., 54 % – в 2016 г.

* © Адоевская О. А., 2018

Адоевская Ольга Александровна (adoevskaya-olga@mail.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Статья подготовлена в рамках социального образовательного проекта № 17-1-008568 «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)» с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

¹ URL: http://prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison-population-total?field_region_taxonomy_tid=All.

и 56 % – в 2017 г. Аналогичная ситуация складывается и в Самарском регионе. По данным прокуратуры Самарской области, в 2016 г. удельный вес преступлений лиц, ранее совершавших преступления, составил 60,6 % (по Приволжскому федеральному округу – 59,7 %), в 2017 г. – 60,2 % (по Приволжскому федеральному округу – 61,5 %) [1].

Одной из главных причин высокого уровня рецидивной преступности является отсутствие гарантированной социально-реабилитационной помощи лицам, отбывшим наказание и освобожденным от него (например, по амнистии или в порядке условно-досрочного освобождения от отбывания наказания).

В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее – УИК РФ) среди задач уголовно-исполнительного законодательства провозглашена задача оказания осужденным помощи в социальной адаптации (ч. 2 ст. 1). На решение названной задачи направлена глава 22 УИК РФ «Помощь осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, и контроль за ними». В статье 181 УИК РФ описана процедура оказания помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания. Но нормы названной статьи в основном носят декларативный характер и по способу изложения являются бланкетными, отсылая к нормативным правовым актам другой отраслевой природы.

Как отмечают научные исследователи, в предмет уголовно-исполнительного законодательства обычно не включают отношения, связанные с оказанием помощи освобожденным от наказания, предполагается, что регламентация этих вопросов должна предусматриваться в специальных законодательных актах [2, с. 38].

В целях обеспечения прав человека в местах принудительного содержания и создания условий для их адаптации к жизни в обществе принят Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

Среди основных форм содействия общественных объединений лицам, находящимся в местах принудительного содержания, в ст. 22 Федерального закона от 10 июня 2008 № 76-ФЗ названы:

- участие в решении вопросов их трудового, жилищно-бытового устройства, а также в решении вопросов, связанных с оказанием им медицинской помощи и предоставлением иных гарантий, установленных законодательством в сфере охраны здоровья и законодательством Российской Федерации о социальном обслуживании;

- оказание содействия администрации места принудительного содержания в создании новых рабочих мест для осужденных к лишению свободы, размещении производственных заказов в исправительных учреждениях и на их предприятиях и др.

Но названные положения являются декларативными, и нет механизма их реализации на практике. Общественные объединения самостоятельно без государственной поддержки не способны решать проблемы трудовой занятости осужденных, а также лиц, отбывших наказание и освобожденных от него. Тем более это невозможно в настоящее время в условиях кризиса производственного сектора уголовно-исполнительной системы, который подтвержден на официальном уровне.

В Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. № 2808-р., указано, что на уровне субъектов Российской Федерации практически отсутствует государственная поддержка производственной деятельности исправительных учреждений. Сложная экономическая ситуация, дотационность большого числа субъектов Российской Федерации влекут невозможность реализации региональных программ, которые направлены на поддержку производственной деятельности подразделений уголовно-исполнительной системы.

В регионах страны в период отбывания наказания только от 20 до 40 % осужденных привлечены к труду. Так, на территории Самарской области в 2014 г. из 7512 трудоспособных осужденных было занято оплачиваемым трудом 2793 человека (37,1 %), в 2015 г. из 9890 трудоспособных осужденных оплачиваемым трудом было занято только 3548 человек (35,4 %) [3], в 2016 г. – 23 %. В результате этого у многих лиц, освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы, трудовые навыки полностью утрачены, что затрудняет их трудоустройство и приводит к высокому уровню рецидива среди этих лиц.

В науке доказано, что труд – основное и важнейшее средство ресоциализации осужденных [4, с. 18–20]. Привлечение к труду осужденных способствует их ресоциализации и реальному включению в гражданское общество с тем, чтобы они могли вести законопослушный и самостоятельный образ жизни после отбывания наказания.

Как справедливо указывал А. И. Зубков, непременным элементом реформы тюремной системы должен стать труд. Заметим, что даже в первые годы советской власти Декретом от 17 мая 1919 г. устанавливалось, что *все заключенные должны быть назначаемы на работы немедленно по поступлении в лагерь и заниматься физическим трудом в течение всего времени их пребывания там* (выделено нами. – О. А.). Для отдельных лиц с разрешения местных отделов управления могла быть допущена замена физического труда умственным. В предвоенные годы (1929–1940) активно использовалась система зачета рабочих дней заключенных в срок отбытого наказания. Ходатайство об условно-досрочном освобождении могло быть

удовлетворено после отбытия осужденным не менее определенной части установленного законом срока наказания при условии хорошей работы и безупречного поведения в период отбывания наказания [5, с. 38].

В действующем российском уголовно-исполнительном законодательстве (ст. 103 УИК РФ) закреплено, что каждый осужденный обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительного учреждения. Однако профилирование исправительных учреждений под определенные виды производственной деятельности не предусмотрено. В связи с этим бремя заключения договоров на осуществление тех или иных работ (это может быть и деревообработка, и металлообработка, и производство строительных материалов, и швейное производство и т. д.) ложится на начальника учреждения. При этом долгосрочных договорных отношений не возникает. Это связано с низким качеством выпускаемой продукции, низким профессиональным уровнем лиц из числа спецконтингента, неудобствами, связанными с необходимостью соблюдения требований режима, отсутствием гарантий сохранности оборудования заказчика и т.д.

Анализ международного и зарубежного опыта ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него показывает, что важным компонентом наказания в виде лишения свободы является продуктивная оплачиваемая работа, обеспечивающая занятость заключенных в течение всего дня и позволяющая им зарабатывать денежные средства, которые будут источником их существования в первое время после освобождения от отбывания наказания. Во многих странах привлечение осужденных к труду способствует их условно-досрочному освобождению.

Примеры наилучшей практики обращения с заключенными в рамках системы уголовного правосудия были приведены на 12-м Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию, который проходил с 12 по 19 апреля 2010 г. в Салвадоре (Бразилия). Отмечалось, что в рамках так называемой системы «два дня за один», принятой в ряде стран Южной Америки, заключенные могут сократить себе срок заключения на один день за каждые два дня работы. Эффективная практика предполагает, что заключенные должны иметь возможность выбирать для себя приемлемый для них вид работы, аналогичный работе на свободе, а интересы заключенных не должны подчиняться цели извлечения прибыли другими лицами или государством. Так, в промышленной тюрьме в Эсперансе в Парагвае 300 заключенных могут обучаться той или иной профессии, имеют восьмичасовой рабочий день и получают заработную плату за свою работу. В тюрьме в Мар-дель-Плате в Аргентине заключенные могут работать

на фабрике по производству рыбного филе с возможностью продолжать работу после выхода на свободу [6].

Таким образом, считаем, что в целях реализации обязанности осужденных трудиться (ст. 103 УИК РФ) необходимо создать правовую основу эффективного функционирования в подразделениях уголовно-исполнительной системы производственной базы, способной обеспечить трудоспособных осужденных трудом в целях возмещения ущерба, причиненного гражданам и государству в результате совершения преступления, оказания материальной помощи семье, возможности самообеспечения продуктами питания, одеждой и другими предметами, не запрещенными правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений. И самое важное – денежные средства, заработанные осужденным в период отбывания наказания, должны являться источником его существования в первое время после освобождения до устройства на работу.

Очевидным пробелом Федерального закона от 10 июня 2008 № 76-ФЗ является и то, что в нем не закреплена обязанность общественных наблюдательных комиссий осуществлять общественный контроль за лицами, отбывшими уголовное наказание и освобожденными от него, как это прописано в нормах международного права. Так, Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными от 30 августа 1955 г. рекомендовано перед завершением срока наказания принимать меры к постепенному возвращению заключенного к жизни в обществе. Этой цели можно добиться с учетом особенностей каждого правонарушителя, вводя особый режим для освобождаемых либо в самом заведении, либо в каком-нибудь другом учреждении или же освобождая заключенных на испытательный срок, в течение которого они все же остаются под надзором, при условии, что такой надзор не возлагается на полицейские власти и сочетается с эффективной социальной помощью (п. 60.2).

Действующим российским законодательством предусмотрен административный надзор, осуществляемый органами внутренних дел, которые контролируют соблюдение лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей.

Административные ограничения, устанавливаемые при административном надзоре, описаны в ст. 4 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»:

- 1) запрещение пребывания в определенных местах;
- 2) запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях;

3) запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток;

4) запрещение выезда за установленные судом пределы территории;

5) обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства, пребывания или фактического нахождения для регистрации.

Перечисленные административные ограничения представляют собой более серьезное вторжение в сферу личных прав и свобод осужденного, чем общественное наблюдение.

Таким образом, следует констатировать, что в настоящее время не созданы правовые основы для наблюдения за лицами, отбывшими наказание и освобожденными от него, со стороны гражданского общества. В связи с этим в науке предлагается в отношении тех лиц, которые подвергаются административному надзору, устанавливать и более мягкие меры, какими являются формы и способы общественного наблюдения [7, с. 13–16].

На федеральном уровне утверждена постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 № 312 государственная программа «Юстиция», в которой выделена подпрограмма «Регулирование государственной политики в сфере исполнения уголовных наказаний». Но подпрограмма не называет конкретных мероприятий, направленных на ресоциализацию и реальное включение в гражданское общество лиц, отбывших наказание и освобожденных от него.

В настоящее время отсутствие качественного урегулирования отношений в связи с пенитенциарной ресоциализацией способствует стабильно высокому росту рецидивной преступности среди лиц, осужденных к лишению свободы (от 50 до 70 %).

Назрела необходимость существенного обновления концепции уголовно-исполнительной политики с ориентиром на создание системы гарантирования реализации основных прав лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы или освобожденных от него [8, с. 41–45].

Библиографический список

1. Официальный сайт прокуратуры Самарской области: URL: <https://www.samproc.ru> (дата обращения: 01.03.2018).
2. Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. И. В. Шмарова. М.: БЕК, 1998. 624 с.
3. Доклад Уполномоченного по правам человека в Самарской области за 2015 год. URL: <http://www.ombudsman.samara.ru/events/view/875> (дата обращения: 01.03.2018).
4. Баранов Ю. В. Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания:

теоретико-методологические и правовые основы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 37 с.

5. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учебник для вузов / под ред. А. И. Зубкова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 720 с.

6. Официальный сайт Управления ООН по наркотикам и преступности. URL: <http://www.unodc.org> (дата обращения: 01.03.2018).

7. Ременсон А. Л. Усиление контроля за лицами, отбывшими наказание – важное условие повышения эффективности предупреждения рецидива // Правовые вопросы борьбы с преступностью: сб. статей / отв. ред. А. Л. Ременсон. Томск, 1984. 190 с.

8. Кленова Т. В., Щукина Н. П., Адоевская О. А. О дорожной карте ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4 (26). С. 41–45.

References

1. Ofitsialnyi sait prokuratury Samarskoi oblasti [The official website of the Samara Region Prosecutor's Office]. Available at: <https://www.samproc.ru> (accessed 01.03.2018) [in Russian].
2. Uголовно-исполнительное право: учебник. Pod red. I. V. Shmarova [Criminal executive law: textbook. I. V. Shmarov (Ed.)]. M.: BEK, 1998, 624 p. [in Russian].
3. Doklad Uполномоченного по правам человека v Samarskoi oblasti za 2015 god [Report of the human-rights ombudsman in the Samara Region for 2015]. Available at: <http://www.ombudsman.samara.ru/events/view/875> (accessed 01.03.2018) [in Russian].
4. Baranov Yu. V. Resotsializatsiia osuzhdennykh k lisheniiu svobody i osvobodhdennykh ot etogo nakazaniia: teoretiko-metodologicheskie i pravovye osnovy: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk [Resocialization of prisoners sentenced to deprivation of liberty and freed from this punishment: theoretical and methodological and legal bases: author's abstract of Doctoral of Law thesis]. M., 2008, 37 p. [in Russian].
5. Uголовно-исполнительное право Rossii: teoriia, zakonodatelstvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaia praktika kontsa XIX – nachala XXI veka: uchebnik dlia vuzov. Pod red. A. I. Zubkova. 3-e izd., pererab. i dop. [Criminal Executive Law of Russia: Theory, Legislation, International Standards, Domestic Practice of the end of the XIX – beginning of the XXI century: Textbook for Universities. A. I. Zubkov. 3rd edition, revised. and enlarged]. M., 2005, 720 p. [in Russian].
6. Ofitsialnyi sait Upravleniia OON po narkotikam i prestupnosti [Official website of the United Nations Office on Drugs and Crime]. Available at: <http://www.unodc.org> (accessed 01.03.2018) [in Russian].

7. Remenson A. L. Usilenie kontrolya za litsami, otbyvshimi nakazanie – vazhnoe uslovie povysheniia effektivnosti preduprezhdeniia retsidiva [Strengthening control over persons who have served a sentence is an important condition for increasing the effectiveness of preventing recidivism]. In: Pravovye voprosy bor'by s prestupnostiu: sb. statei. Otv. red. A. L. Remenson [Legal issues in combating crime: collection of articles. A. L. Remenson (Ed.)]. Tomsk, 1984, 190 p. [in Russian].

8. Klenova T. V., Shchukina N. P., Adoevskaya O. A. O dorozhnoi karte resotsializatsii i realnogo vklucheniia v grazhdanskoe obshchestvo lits, otbyvshikh ugolovnoe nakazanie i osvobozhdenykh ot nego [About the road map of resocialization and real inclusion into the civil society of persons who have served a criminal sentence and were released from it]. Vestnik Samarskogo iuridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara Law Institute], 2017, no. 4 (26), pp. 41–45 [in Russian].

O. A. Adoyevskaya*

ABOUT THE PROBLEM OF GUARANTEEING OF THE RIGHTS OF PERSONS, DISCLAIMED PUNISHMENT AS A DEPRIVATION OF FREEDOM OR EXEMPTED FROM IT**

The article deals with the problems of guaranteeing the rights of persons who served their sentences in the form of deprivation of liberty and who were released from it.

The formation of normative base of the Russian state policy of resocialization of persons who served their sentence and were released from serving it has been studied. It is proved that one of the main reasons for the high level of recidivism is the absence of legislatively guaranteed social and rehabilitation assistance to persons who have served their sentence and were released from it. The goals to reduce the recidivism of crimes, stated in the Concept of Long-Term Social and Economic Development of the Russian Federation for the period until 2020, are not achieved.

The conclusion is made about the expediency of taking into account international experience in the sphere of resocialization of convicts to imprisonment. The main attention is paid to the provisions of the UN Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (1955) regarding the social care of prisoners after release. Examples of practices in the treatment of prisoners presented at the 12th United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice are given.

The absence of a qualitative settlement of relations in connection with the resocialization of persons who have served a criminal sentence and have been released from it in modern Russian criminal policy has been confirmed. The necessity of developing a road map for resocialization and real inclusion in civil society of persons who have served a criminal sentence and who have been released from it has been substantiated.

Key words: criminal-executive policy, persons who have served a sentence of imprisonment, resocialization.

---

* *Adoyevskaya Olga Aleksandrovna* (adoevskaya-olga@mail.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** The article was prepared within the framework of the social educational project № 17-1-008568 «Road map for resocialization and real inclusion in civil society of persons who served criminal sentences and were released from it (2018–2021)» using the President's grant for the development of civil society provided by the Foundation for Presidential Grants.

УДК 343.85

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-85-89

Р. З. Усеев*

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Освобождение осужденных из мест лишения свободы – сложный и системный вопрос. На освобождение изолированных лиц от наказания влияют различные факторы. Их можно представить в виде трех групп: 1) отсутствие четкой и внятной уголовно-исполнительной политики государства; 2) правовая неурегулированность отдельных направлений деятельности исправительных учреждений, цель которых – подготовка осужденных к освобождению; 3) проблема кадров в исправительных учреждениях и интенсивность деятельности должностных лиц.

Процесс освобождения осужденных из исправительных учреждений сопровождается рядом организационно-управленческих проблем.

На основе анализа факторов влияния и некоторых организационно-правовых проблем процесса освобождения осужденных автор выносит на обсуждение ряд предложений, направленных на развитие воспитательного и социально-психологического направлений в деятельности исправительных учреждений.

Ключевые слова: осужденные, освобождение от наказания, ресоциализация осужденных, исправительные учреждения, лишение свободы, уголовно-исполнительная система, постпенитенциарная помощь.

Уголовно-исполнительная система России (далее – УИС) – один из немногих правоохранительных органов, задачей которого является вторичная социализация (ресоциализация) человека. Именно исполнение уголовных наказаний, в т. ч. связанных с изоляцией личности, включает в себя целый пласт мер исправительного воздействия, призванных вернуть человека в общество. В то же время на освобожденного от наказания человека влияет много факторов и сопутствующих им организационно-правовых проблем, которые формируются еще в процессе отбывания наказания.

Первый фактор влияния на освобождение осужденных – отсутствие четкой и внятной уголовно-исполнительной политики государства.

ФСИН России с момента разделения полномочий с МВД России в 1998 г. прочно заняла место в системе правоохранительных органов. В нашей стране любой правоохранительный орган традиционно воспринимается с позиций обеспечения им законности, правопорядка, безопасности, предупреждения и пресечения преступлений и правонарушений. Однако ФСИН России, а в равной степени любое исправительное учреждение (далее – ИУ) в силу своей специфики обладает дополнительными полномочиями, когда наряду с указанными выше функциями воплощает в жизнь систему мер, направленных на повторную (вторичную) социализацию личности (меры исправительного воздействия: общественно полезный труд, воспитательная работа, образование, обще-

ственное содействие). Именно эти меры имеют цель максимально и всесторонне подготовить осужденного к освобождению.

Вообще же сама природа правоохранительной деятельности диктует УИС, как и иным правоохранительным органам, исполнение своих функций в сегменте упреждающих, императивных и силовых компонентов. Причем упреждающий компонент в ИУ традиционно воспроизводится с позиций предупреждения и пресечения преступлений и правонарушений, а именно ведения профилактического учета осужденных, обысков, досмотров, наблюдения и т. д. Однако остальная часть упреждающих средств деятельности ИУ (беседы, анкетирования, интервью, социометрия, коммуникометрия, тестирования, официальные запросы и др.) как бы остается второстепенной, а ведь именно в этом проявляется деятельность воспитательных, социальных и психологических служб ИУ, функционал которых направлен на реализацию всех обеспечительных процедур освобождения осужденных.

Одной из форм закрепления уголовно-исполнительной политики является уголовно-исполнительное законодательство РФ. Сегодня магистральным документом и десятилетним ориентиром в развитии и реформировании УИС является принятая в октябре 2010 г. Концепция развития УИС до 2020 г. (далее – Концепция). Ее хронология показывает, что данный стратегический документ в аспекте нашей проблемы нельзя охарактеризовать как стабильный.

* © Усеев Р. З., 2018

Усеев Ренат Зинурович (useev@rambler.ru), кафедра режима и охраны в уголовно-исполнительной системе, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Российская Федерация, г. Самара, ул. Рылская, 24 в.

Так, Концепция в своем первоначальном виде закрепляла одной из своих целей «сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам». Таким образом, предполагалась непрерывность оказания помощи осужденным в периоды до освобождения и, соответственно, после. Однако в сентябре 2015 г. Правительство РФ корректирует данную цель, фактически отказавшись от постпенитенциарного воздействия, представив ее в следующем виде «сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы, проведения в местах лишения свободы мероприятий в целях адаптации в обществе освобожденных осужденных, в том числе с участием гражданского общества». Видимо, в т. ч. и поэтому законодателю не удается принять Федеральный закон «О социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы», хотя подобные законы уже достаточно давно применяются на региональных уровнях.

В настоящих условиях утрачивается позитивный настрой персонала ИУ. Так, в ходе проведенных нами опросов начальники отрядов ИУ Приволжского федерального округа отметили, что цели Концепции недостижимы вообще (71 % опрошенных).

Отсутствие четкой политики государства относительно жизнедеятельности осужденных после освобождения прослеживается еще и в том, что отдельные положения, предусмотренные как Концепцией, так и иными стратегическими документами в сфере развития страны, остаются декларативными. Так, в нашей стране нет службы пробации, создание которой предусматривается Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. А ведь именно на службу пробации должны быть возложены функции обеспечения социально-психологического сопровождения лиц, освобожденных из мест лишения свободы, и реабилитационное насыщение применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Представляется, что отсутствие четкой и внятной политики государства относительно вопросов как освобождения из ИУ, так и постосвобождения – результат того, что у государства просто «не доходят руки» и нет достаточных средств на данные вопросы; считается, что в стране есть более серьезные проблемы.

Второй фактор влияния на освобождение осужденных – правовая неурегулированность отдельных направлений деятельности ИУ, цель которых – подготовка осужденных к освобождению.

Нами отмечалось, что подготовка осужденных к освобождению в большей степени выражается в воспитательной, социальной и психологической работе с осужденными. И если сегодня на уровне закона воспитательная работа с осужденными урегулирована (ст. 109, 110 УИК РФ), то социальная и психологическая работа – нет. Все направления деятельности урегулированы на уровне подзаконных нормативных правовых актов. Это тоже выступает негативным фактором влияния. В ходе проведенных нами опросов начальников отрядов было установлено, что 89 % из них положительно отнеслись к необходимости нормативного урегулирования данных направлений деятельности мест лишения свободы в УИК РФ.

Третий фактор влияния на освобождение осужденных – проблема кадров в ИУ и интенсивность деятельности должностных лиц.

Ежегодно в стране освобождается из ИУ более 200 тыс. человек [1], что в абсолютных цифрах сравнимо с количеством населения отдельных субъектов РФ (например, Псков, Великий Новгород, Энгельс). Вопросы освобождения осужденных из ИУ – это вопросы комплексной деятельности большинства должностных лиц мест лишения свободы. Вместе с тем на реализацию данного вопроса в большей степени ориентированы воспитательный и социально-психологический блок каждого ИУ, а также отделы специального учета (всего четыре подразделения в учреждении). Именно на данные службы ИУ возлагаются полномочия по подготовке осужденных к освобождению. Подготовительные мероприятия осуществляются за полгода до освобождения (ст. 180 УИК РФ) и включают в себя проведение с осужденными лекций и бесед, социальной и психологической диагностики, индивидуального и группового консультирования, направление запросов в органы местного самоуправления и федеральную службу занятости по избранному осужденным месту жительства о его предстоящем освобождении, наличии у него жилья, его трудоспособности и имеющихся специальностях и т. д.

Всей подготовительной работой к освобождению осужденных в среднестатистическом ИУ занимается лишь 10–15 % сотрудников и работников. При этом воспитательную работу в отряде проводит всего один сотрудник – начальник отряда, который им и руководит. При этом в отряде от 50 до 100 осужденных. На начальника отряда помимо воспитательной работы и подготовки осужденного к освобождению возложен целый спектр обязанностей: от изучения положения дел в отряде и личных качеств осужденных до документального сопровождения деятельности отряда, в т. ч. освобождения. Кроме того, по своим морально-деловым и личностным качествам начальник отряда – это универсальное должностное лицо каждого ИУ. В его компетенции, помимо воспитательной работы, оперативная, режимная и тыловая

работа, касающаяся отряда осужденных, за которым он закреплен. По определению начальник отряда просто физически не способен выполнить тот объем обязанностей, который на него возложен. Так, только для бесед и приема по личным вопросам всех осужденных отряда количеством 100 человек начальник отряда должен затратить на каждого осужденного от 4 до 8 минут рабочего времени. И это без учета остальных (свыше 20-ти) основных обязанностей. О количестве социальных работников и говорить не приходится. Сегодня на 600 тыс. изолированных лиц в учреждениях УИС социальную работу проводит порядка 1,5 тыс. социальных работников [2, с. 100].

Анализируя данный фактор, необходимо учитывать также характеристику осужденных, которая, безусловно, влияет как на подготовку их к освобождению, так и на безопасность персонала, который с ними работает. Осужденные от года к году характеризуются как более сложные. Так, в настоящее время только в исправительных колониях отбывают наказание почти 62,5 % осужденных, которые осуждались к лишению свободы два раза и более (в 2008 г. – 46,7 %) [1]. Вдвое (с 2009 г.) возросла доля осужденных, поставленных на профилактический учет (с 8,2 до 16 %). В среднем в каждом ИУ России сегодня 7 осужденных склонны к нападению на сотрудников и работников ИУ [3, с. 5].

Период освобождения осужденных характеризуется рядом организационно-правовых проблем, как для персонала, осуществляющего подготовку осужденного к освобождению, так и для самих освобождаемых. В соответствии со ст. 181 УИК РФ и п. 32 приказа Минюста РФ от 13 января 2006 г. № 2 (ред. от 08.09.2006) «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в ИУ УИС», администрация ИУ обеспечивает освобождаемых осужденных проездными билетами либо деньгами для оплаты проезда к месту жительства. Однако билеты приобретаются в электронном виде, а для этого нужна банковская карта международных платежных систем Visa, MasterCard, Maestro или национальной платежной системы «Мир». В связи с этим в отдельных учреждениях используется личная банковская карта сотрудников (работников), поскольку на ИУ оформить такую карту не представляется возможным, так как денежные средства должны пройти в установленном порядке через федеральное казначейство. Это вызывает различные неудобства для персонала и казусы в приобретении проездных билетов.

В случае освобождения осужденного, который не имеет гражданства и является лицом без определенного места жительства также возникают проблемы с его трудовым и бытовым устройством.

Освобожденное лицо в соответствии с п. 9 Приказа Минтруда России от 24 ноября 2014 г. № 938н «Об утверждении Примерного порядка предоставления социальных услуг в полустационарной форме социального обслуживания» обязано предоставить документ, удостоверяющий личность получателя социальных услуг (представителя). Вопрос во много раз осложняется, если осужденный освобождается судом в связи с болезнями, перечень которых устанавливается Постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2004 г. № 54 (ред. от 19.05.2017), когда у него нет ни родственников, ни близких, а также места жительства, при этом освобождаемый лишен возможности себя обслуживать. В этом случае у администрации ИУ есть лишь 10 суток (время вступления решения суда в законную силу) на медицинское освидетельствование такого лица для его устройства в организацию, осуществляющую стационарное социальное обслуживание (п. 7 Приказа Минтруда России от 24 ноября 2014 г. № 935н «Об утверждении Примерного порядка предоставления социальных услуг в стационарной форме социального обслуживания»). Однако для вынесения такого заключения необходимы врачи-специалисты, лаборатории для сдачи анализов и др. В связи с этим приходится в срочном порядке направлять осужденных в лечебно-профилактические учреждения, где есть возможность комиссионно вынести заключения. На эти процедуры требуются значительное время и средства.

Мы уже отмечали, что некоторым категориям освобождаемых лиц оказывается помощь в их сопровождении к месту жительства. Однако практика отдельных ИУ территориальных органов ФСИН России Приволжского федерального округа показывает, что на соответствующих статьях расхода бюджета учреждения нет денежных средств для сотрудника, который обеспечивает сопровождение освобожденного лица.

И это лишь некоторые проблемы, выявляемые в практической деятельности по освобождению осужденных.

Результат анализа факторов влияния и некоторых организационно-правовых проблем процесса освобождения осужденных приводит нас к следующим выводам и предложениям:

1) Воспитательное и социально-психологическое направления в деятельности ИУ, видимо, по-прежнему будут оставаться производным компонентом от правоохранительной функции (режима, оперативной работы, охраны). Очевидно, что на сегодняшний день нет предпосылок в уголовно-исполнительной политике для изменения соотношения данных направлений деятельности ИУ;

2) Федеральный законодатель должен обратить внимание и дать свою оценку отсутствию на уровне федерального закона положений о социальной и психологической работе в местах лишения свободы.

В перспективе УИК РФ можно было бы дополнить ст. 1101 «Социальная работа с осужденными к лишению свободы» и ст. 1102 «Психологическая работа с осужденными к лишению свободы».

В проекте Общей части нового УИК РФ, разработанном авторским коллективом под научной редакцией В. И. Селиверстова в 2014–2016 г., уже предложены самостоятельные нормы о социальной и психологической работе (ст. 25, 26). Стоит отметить, что 92 % опрошенных нами начальников отрядов позитивно отнеслись к необходимости введения в УИК РФ норм о социальной и психологической работе с осужденными к лишению свободы;

3) Роль воспитательных и социально-психологических служб ИУ необходимо усилить. Очевидно, что начальник отряда – это центр воспитательной и социально-психологической работы в учреждении. В связи с этим можно было бы поднять статус начальников отрядов, а также обеспечить его профессиональную деятельность помощниками. Сами начальники отрядов отмечают, что помощники им нужны (88 %). По мнению 52 % начальников отрядов, им необходим один помощник. Для 43% указанной категории сотрудников достаточно двух помощников. 5 % опрошенных полагают, что им необходимо три помощника. Вместе с тем общий процент служб ИУ, обеспечивающих подготовительную работу к освобождению осужденных (отдел воспитательной работы с осужденными, группа социальной защиты, психологические лаборатории и отделы специального учета) тоже не может оставаться на уровне 10–15 % от общего количества персонала учреждений. Если УИК РФ в ст. 1 заявляет в первую очередь о том, что стратегической целью уголовно-исполнительного законодательства является исправление осужденных, а потом уже предупреждение с их стороны преступлений, то вполне очевидно, что значение воспитательной и социально-психологической работы также должно увеличиваться.

Необходимо также учитывать, что ФСИН России уже развивает в экспериментальном порядке отдельные направления воспитательной и социально-психологической работы с отдельными категориями осужденных. Так, 21 февраля 2018 г. директором ФСИН России подписано распоряжение № 52-р о внедрении в отдельные ИУ России ведомственной программы социально-психологической работы в отношении лиц, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость. Мероприятия программы направлены на подготовку осужденных к освобождению и выработку конкретных рекомендаций для них, нацеленных на формирование предпосылок и установок к правоупотреблению поведению и отказу от употребления алкоголя и наркотических средств, профилактику совершения ими новых преступлений. Программа

предусматривает, что в отдельных изолированных участках будут созданы отряды осужденных, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость. При этом за отрядом будут закреплены отдельные работники ИУ. Вполне понятно, это будет отвлекать и силы, и средства и вновь заставит администрацию ИУ мобилизоваться для решения поставленных задач при помощи тех ресурсов, которые имеются;

4) Подзаконная, в т. ч. ведомственная, нормативно-правовая база, так или иначе связанная с освобождением, должна обновляться и приводиться в соответствие с реалиями. В условиях пробельного ведомственного регулирования как внутреннее (с иными службами ИУ), так и внешнее (с подразделениями заинтересованных ведомств) взаимодействие должно быть максимально отработано.

Проект Фонда президентских грантов РФ «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него» (2018–2021 гг.) может способствовать решению проблем, связанных с освобождением осужденного, а также с его жизнедеятельностью после освобождения. При этом эти два смежных и родственных направления деятельности общества и государства наполнятся как ясным правовым, так и конкретным организационным содержанием.

Библиографический список

1. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых // ФСИН России: офиц. сайт. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK> (дата обращения: 26.02.2018).
2. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. д.ю.н., проф. В. И. Селиверстова. М.: ИД «Юриспруденция», 2017. 320 с.
3. О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в исправительных учреждениях в 2016 году: информационное письмо ФСИН России от 01.03.2017 № 03-12351. М.: ФСИН России, 2017. 32 с.

References

1. Kharakteristika lits, sodержashchikhsia v ispravitelnykh koloniiakh dlia vzroslykh [Characteristic of the persons which are contained in corrective labor colonies for adults]. In: FSIN Rossii: ofits. sait [FSIN of Russia: official site]. Available at: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK> (accessed 26.02.2018) [in Russian].

2. Obshchaia chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniia teoreticheskogo modelirovaniia. Pod red. d.iu.n., professora V. I. Seliverstova [General part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and justifications of theoretical modeling V. I. Seliverstov (Ed.)]. M.: ID «Iurisprudentsiia», 2017, 320 p. [in Russian].

3. O nedostatkakh v organizatsii rezhima i obespechenii nadzora za osuzhdennymi v ispravitelnykh uchrezhdeniakh v 2016 godu: informatsionnoe pismo FSIN Rossii ot 01.03.2017 № 03-12351 [About shortcomings of organization of the mode and ensuring supervision of convicts of correctional facilities in 2016: information letter of FSIN of Russia dated 01.03.2017 № 03-12351]. M.: FSIN Rossii, 2017, 32 p. [in Russian].

R. Z. Useev*

RELEASE OF THE CONDEMNED FROM PLACES OF DEPRIVATION OF FREEDOM: FACTORS OF INFLUENCE AND SOME ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS

The release of convicts from places of deprivation of liberty is a complex and systemic issue. Various factors influence the release of isolated individuals from punishment. They can be represented in the form of three groups: 1. Absence of a clear and coherent criminal-executive policy of the state; 2. Legal unsettledness of certain areas of activity of correctional institutions, the purpose of which is the preparation of convicts for release; 3. The problem of cadres in correctional institutions and the intensity of activity of officials.

The process of releasing convicts from correctional institutions is accompanied by a number of organizational and managerial problems.

Based on the analysis of the factors of influence and some organizational and legal problems of the process of releasing prisoners, the author submits for discussion a number of proposals aimed at the development of educational and socio-psychological directions in the activities of correctional institutions.

Key words: convicts, release from punishment, resocialization of convicts, correctional facilities, imprisonment, penal correction system, post-penitentiary help.

---

* *Useev Renat Zinurovich* (useev@rambler.ru), Department of the Mode and Protection in a Penal Correction System, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 24 v, Ryl'skaya Street, Samara, 443022, Russian Federation.

УДК 340

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-90-94

Р. Р. Хаснудинов*

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОМОЩИ ЛИЦАМ, ОТБЫВШИМ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Оказание постпениitenciарной помощи лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, является важным направлением в профилактике рецидивной преступности. Лицо после освобождения из исправительных учреждений зачастую сталкивается с комплексом проблем различного характера, побуждающих снова встать на преступный путь. Без соответствующей работы по оказанию помощи данной категории лиц невозможно будет снизить количество повторных преступлений, а для получения качественного результата организация оказания такой помощи должна носить системный характер.

В статье автором предлагается системный подход к организации постпениitenciарной помощи посредством применения метода функциональной системы. Такая работа должна строиться на основе анализа проводимых в отдельных субъектах РФ мероприятий, направленных на социальную адаптацию осужденных, положительного регионального опыта работы по снижению рецидивной преступности. Автором делается вывод о необходимости совершенствовании правового регулирования в этом направлении не только в регионах, но и на федеральном уровне.

Ключевые слова: системный подход, метод, функциональная система, постпениitenciарная помощь, профилактика, рецидивная преступность, осужденный, лишение свободы, региональный, государственный, программа.

Постпениitenciарная адаптация предполагает приспособление лиц, освободившихся из мест лишения свободы, к условиям современной жизни, а также оказание им постпениitenciарной помощи. Именно оказание помощи указанной категории лиц в постпениitenciарный период является очень важным и играет значимую роль в процессе приспособления его к изменившимся жизненным условиям и усвоения социально полезных связей. Криминологический анализ личности и проблемных жизненных ситуаций неоднократно судимых лиц показал, что исправление и возвращение к нормальной жизни происходило только у тех, кто почувствовал помощь в виде неформального, активного и заинтересованного участия в их судьбе отдельными сотрудниками милиции, руководителями предприятий, где они работали до осуждения, а также членами семьи. Данные лица с помощью заинтересованных субъектов были своевременно устроены на прежнюю работу либо находили другую работу, приобретали новую специальность, обеспечивались жильем и т. д. [1, с. 98].

Оказание постпениitenciарной помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы, является одним из важных элементов в системе профилактики рецидивной преступности. Несмотря на снижение общего числа официально зарегистрированных преступлений в период с 2015 по 2017 г.,

рецидивная преступность продолжает оставаться острой проблемой. Если в 2016 году число преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, составило 50,1 % [2], то в 2017 году эта цифра составила 58,2 %, число ранее судимых преступников составило 32,5 % [3]. И одна из важных причин, вызывающих рецидивную преступность, заключается в трудностях социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, являющейся составной частью процесса ресоциализации. Государству и обществу важно, чтобы такое лицо влилось в социум и нашло себя в нем, зажило по-новому, и только тогда можно будет говорить об обретении законопослушного гражданина. Однако этот процесс не такой уж и простой, ведь лицо, освободившееся из мест лишения свободы, зачастую сталкивается с комплексом проблем. Это и психологические проблемы, и проблемы материально-бытового характера, трудоустройства, а также проблемы иного характера, например, медицинского, правового.

Ввиду длительной изоляции от общества происходит прочное негативное изменение личности осужденных, у них разрываются родственные и социально-полезные связи, утрачивается способность проявить инициативу и самостоятельность в решении многих важных жизненных вопросов, теряется интерес к событиям общественной жизни и

* © Хаснудинов Р. Р., 2018

искажается их восприятие, формируется психологический барьер в общении в новой среде. Для человека очень важно, как его примет социум. И поэтому успех адаптации освобожденных зависит от того социального окружения, в котором они будут находиться после освобождения, т. е. от тех микрогрупп, в которых они должны выполнять свои социальные роли и функции [4, с. 189].

У многих осужденных, вышедших на свободу, отсутствуют жилье, документы, средства к существованию. Они вынуждены на свободе заниматься бродяжничеством, попрошайничеством, что создает предпосылки для совершения ими новых преступлений. Большинство граждан, освобожденных из мест исполнения наказания, при трудоустройстве испытывают реальные трудности, связанные с наличием судимости, отсутствием профессионального опыта или недостаточным уровнем профессиональной квалификации. Они являются наименее конкурентоспособными на рынке труда. С этим связана низкая мотивация трудоустроиться или самостоятельно искать работу.

Все указанные выше факторы показывают, что без соответствующей работы по оказанию помощи данной категории лиц невозможно будет снизить количество повторных преступлений, а для получения качественного результата к организации оказания постпенитенциарной помощи указанной категории лиц следует подходить комплексно и системно. В наших исследованиях, посвященных системному подходу применительно к правовым категориям [5], в частности юридической ответственности [6], обоснован вывод о том, что наиболее оптимальным и перспективным в методологии права является метод функциональной системы, автором которого является П. К. Анохин [7]. Метод функциональной системы предполагает рассмотрение исследуемого правового процесса или явления как комплекса избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата, формулируемого в соответствии с теми или иными положениями правовой политики. В основе метода системообразующим фактором выступает фокусированный полезный результат как неотъемлемый и решающий компонент системы, инструмент, создающий упорядоченное взаимодействие между всеми другими ее компонентами, оказывающий центральное организующее влияние на все этапы формирования системы.

Метод функциональной системы применим и к организации постпенитенциарной помощи лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы. Что касается фокусированного полезного результата, являющегося системообразующим фактором, то он должен формулироваться в соответствии с правовой политикой государства. Его условно можно

охарактеризовать как снижение рецидивной преступности в стране. Соответственно, с фокусированием на сформулированный в соответствии с правовой политикой государства конечный результат должна строиться работа по созданию единой по всей стране системы оказания постпенитенциарной помощи указанной категории лиц. Это, конечно же, очень не простая и не краткосрочная работа, которая должна строиться на основе уже имеющегося положительного регионального опыта в этой сфере и его результатов.

В настоящее время в субъектах РФ активно ведется работа по оказанию постпенитенциарной помощи. В частности, во многих регионах (Республики Татарстан, Башкортостан, Алтай, Красноярский край, Самарская область и др.) созданы и функционируют государственные бюджетные учреждения социального обслуживания «Центры социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы», «Центры социальной адаптации для лиц без определенного места жительства и занятий», в которых лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, оказываются различные виды помощи (социальных услуг).

В некоторых регионах приняты законы о социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы (Республика Башкортостан, Кировская, Архангельская области и др.), о квотировании рабочих мест, о мерах экономического стимулирования работодателей, трудоустраивающих граждан, освободившихся из мест лишения свободы (республики Карелия, Саха (Якутия), Татарстан, Камчатский, Краснодарский края, Омская, Оренбургская, Псковская, Рязанская, Саратовская области и др.).

Принятие и реализация самостоятельных государственных программ (подпрограмм) социальной адаптации осужденных в период с 2010 по 2017 г. происходило в республиках Ингушетия, Саха (Якутия), Алтайском крае, Магаданской, Оренбургской, Псковской, Сахалинской, Самарской и других областях, а некоторые программы реализуются и в настоящее время. В таких регионах как Республика Карелия, Карачаево-Черкесская, Чувашская республики, Алтайский, Ставропольский края, Архангельская, Астраханская, Вологодская, Воронежская, Курская, Пензенская, Рязанская, Самарская, Челябинская области, Ненецкий автономный округ приняты региональные программы по профилактике преступлений и правонарушений, усилению борьбы с преступностью, в рамках которых проводятся комплексы мероприятий по социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. В ряде регионов (республики Дагестан, Мордовия, Кабардино-Балкарская Республика, Ставропольский край, Брянская, Волгоградская, Иркутская, Омская, Ростовская, Свердловская, Челябинская области) приняты комплексные планы, направленные на обустройство и

социальную адаптацию лиц, освобожденных из мест лишения свободы, оказание им медицинской помощи и содействие занятости [8].

В ходе реализации указанных выше региональных государственных программ (подпрограмм), комплексных планов ставились и решались задачи по профилактике и предотвращению рецидивной преступности; совершенствованию регионального законодательства, регламентирующего адаптацию лиц, освобожденных из исправительных учреждений, развитию сети социальных институтов и структур, способствующих адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Практически в каждом субъекте РФ территориальные органы ФСИН России и управления государственной службы занятости населения при участии других заинтересованных ведомств между собой заключили соглашения о взаимодействии, направленном на трудоустройство, освобождающихся из исправительных учреждений.

Таким образом, в регионах проводился и проводится большой объем работы по социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы с хорошими результатами. В частности, в результате такой активной работы (особенно в период реализации региональных государственных программ (подпрограмм), комплексных планов) в регионах наблюдалось снижение рецидивной преступности [9], совершенствовалась нормативно-правовая база, принимались новые региональные законы в этой сфере, укреплялось взаимодействие государственных, муниципальных структур с институтами гражданского общества по вопросам оказания постпенитенциарной помощи бывшим осужденным. К настоящему времени накопился огромный положительный опыт отдельных регионов по комплексному системному подходу к социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, организации системной работы по их ресоциализации и предупреждению совершения ими повторных преступлений и других правонарушений.

Например, заслуживают серьезного внимания результаты проводимого некоторое время назад в Пермском крае эксперимента по снижению уровня преступности, в рамках которого в нескольких населенных пунктах внедрялся подпроект «Мониторинг повторной преступности в крае. Профилактика повторной преступности». Только в первый год реализации подпроекта реабилитационные услуги были оказаны 8 379 человекам, из них 3 985 осужденным к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, 4 394 освобожденным из мест лишения свободы. Службы сопровождения в территориях, которые участвовали в эксперименте, решили комплекс следующих проблем: восстановлены документы 2 537 гражданам из 2 975 нуждающихся (85,3 %); оказано содействие в лечении 320 гражданам из

777 нуждающихся (41,2 %); трудоустроено на постоянную и временную работу 1 856 граждан из 2832 нуждающихся (65,6 %); оказана помощь в решении жилищных проблем 464 гражданам из 837 нуждающихся (55,4 %); оказана помощь в решении семейных проблем 3 035 гражданам из 3 440 нуждающихся (88,2 %). Из 8 379 лиц указанной категории, которым службой сопровождения оказывалась помощь по индивидуальной программе реабилитации, совершение рецидива произошло только у 46 человек, или 0,55 % [10].

Также заслуживает отдельного внимания опыт внедрения в Тюменской области программного комплекса «Единый банк данных лиц, освобожденных из учреждений УФСИН России по Тюменской области». Единый банк данных как составная часть областной программы борьбы с преступностью функционально включает в себя собственно сам программный продукт и комплекс мероприятий по межведомственному взаимодействию. Посредством него обеспечивается учет граждан, освобожденных из мест лишения свободы, старше 18 лет, а также плодотворное взаимодействие между ведомствами, оказывающими указанным лицам своевременную помощь в трудоустройстве, лечении, реализации мер социальной поддержки и др. Информация о гражданах, поставленных на учет в Банк данных, после ее направления имеется в территориальных центрах социального обслуживания населения, территориальных центрах занятости и ОВД по месту пребывания граждан, которые освобождены из исправительных учреждений УФСИН России по Тюменской области. Каждое ведомство и каждое подразделение этого ведомства пользуется только той специально разработанной для них клиентской частью, в которой содержится информация, необходимая для этого ведомства. Как отмечают представители автономного учреждения социального обслуживания населения Тюменской области «Областной центр социальной адаптации и ресоциализации», функционирование Единого банка значительно улучшило представление результатов работы каждого ведомства, повысило качество обслуживания, обеспечило увеличение количества лиц, успешно вернувшихся в общество и ставших его полноправными членами [11].

Такой положительный опыт, безусловно, необходимо внедрять во всех регионах и, конечно же, в рамках единой федеральной политики в этой сфере. Однако для этого необходимо не только стабильное финансирование (а это также один из основных проблемных вопросов), но и создание единой системы федеральных и региональных нормативных правовых актов в этой сфере общественных отношений, единого четкого системного взаимодействия между различными ведомствами. Начиная с федерального уровня. Попытки продвижения проектов федеральных законов «О социальной помощи освобожденным из мест лишения свободы» и

«Основы законодательства Российской Федерации об оказании социальной помощи лицам, освобожденным от наказания в виде лишения свободы» были предприняты еще в начале 2000-х годов, а соответствующие федеральные законы до сих пор не приняты. Сформированная политика в этой сфере на федеральном уровне должна реализоваться во всех регионах, особенно в тех, в которых до сих пор не приняты законы, закрепляющие организационные вопросы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, квотирование рабочих мест, экономические меры, стимулирующие работодателей, которые трудоустраивают граждан, освободившихся из исправительных учреждений.

Таким образом, следует отметить, что оказание качественной постпенитенциарной помощи лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, играет важную роль в снижении рецидивной преступности. Для получения желаемого результата необходим системный подход к организации постпенитенциарной помощи лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, в том числе путем создания необходимых правовых условий не только на региональном, но и в первую очередь на федеральном уровне.

Библиографический список

1. Таилова А. Г. Реабилитационные центры социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Бизнес в законе. 2011. № 6. С. 97–99.
2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2016 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/upload/site1/document_news/009/116/063 (дата обращения: 18.03.2018).
3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2017 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987> (дата обращения: 18.03.2018).
4. Балгожина М. Е. Ресоциализация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, как предупреждение рецидива преступности // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: материалы междунар. научно-практич. конф. Калининград, 2016. С. 188–191.
5. Хаснутдинов Р. Р. Метод функциональной системы в правовых исследованиях // Право и образование. 2013. № 6. С. 113–119.
6. Хаснутдинов Р. Р. Методология системного подхода к юридической ответственности: монография / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Р. Л. Хачатуров. Самара: СЮИ ФСИН России, 2014. 172 с.
7. Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 447 с.
8. Государственная программа Самарской области «Обеспечение правопорядка в Самарской области» на

2014–2019 годы (с изм. и доп.), утв. Постановлением Правительства Самарской области № 711 от 29.11.2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 18.03.2018).

9. Информационно-справочный материал об опыте работы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, их трудоустройства, обеспечения жилой площадью, оказания социальной, медицинской и иной помощи [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. https://мвд.ru/upload/site1/document_text/temp/_1432562743_110/ISM_po_polozhitelnomu_opytu_sotsialnoy_adaptatsii_lits_ranee_sudimyykh_GUOOP_MVD_Rossii.pdf (дата обращения: 18.03.2018).

10. О Банке данных лиц, освобождающихся из учреждений УФСИН России по Тюменской области // Сайт автономного учреждения социального обслуживания населения Тюменской области «Областной центр социальной адаптации и ресоциализации». URL: <http://www.comm70.ru/ebd.html> (дата обращения: 18.03.2018).

References

1. Tailova A. G. Reabilitatsionnye tsentry sotsialnoi adaptatsii lits, osvobozhdennykh iz mest lisheniia svobody [Rehabilitation centers of social adaptation of persons released from places of detention]. *Biznes v zakone* [Business in Law], 2011, no. 6, pp. 97–99 [in Russian].
2. Sostoianie prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za ianvar'–dekabr' 2016 goda [A condition of crime in the Russian Federation for the period of January–December, 2016]. *Ofitsialnyi sait MVD Rossii* [Official site of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. Available at: https://мвд.рф/reports/item/upload/site1/document_news/009/116/063 (accessed 18.03.2018) [in Russian].
3. Sostoianie prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za ianvar' – dekabr' 2017 goda [A condition of crime in the Russian Federation for January–December, 2017]. *Ofitsialnyi sait MVD Rossii* [Official site of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. Available at: <https://мвд.рф/reports/item/12167987> (accessed 18.03.2018) [in Russian].
4. Balgozhina M. E. Resotsializatsiia lits, osvobozhdennykh iz mest lisheniia svobody, kak preduprezhdenie retsidiva prestupnosti [Resocialization of the persons released from places of detention as prevention of a recurrence of crime]. In: *Zakon i pravoporiadok v tret'em tysiacheletii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Law and public order in the third Millennium: materials of the international research and practical conference]. *Kaliningrad*, 2016, pp. 188–191 [in Russian].
5. Khasnutdinov R. R. Metod funktsionalnoi sistemy v pravovykh issledovaniyakh [Method of functional

system in legal researches]. *Pravo i obrazovanie* [Law and Education], 2013, no. 6, pp. 113–119 [in Russian].

6. Khasnutdinov R. R. *Metodologiya sistemnogo podkhoda k iuridicheskoi otvetstvennosti: monografiya*. *Otv. red. d-r iurid. nauk, prof. R. L. Khachaturov* [Methodology of system approach to legal responsibility: monograph. R. L. Khachaturov (Ed.)]. Samara: SIUI FSIN Rossii, 2014, 172 p. [in Russian].

7. Anokhin P. K. *Ocherki po fiziologii funktsionalnykh sistem* [Sketches on the physiology of functional systems]. M.: Meditsina, 1975, 447 p. [in Russian].

8. Gosudarstvennaia programma Samarskoi oblasti «Obespechenie pravoporiadka v Samarskoi oblasti» na 2014–2019 gody (s izm. i dop.), utv. Postanovleniem Pravitelstva Samarskoi oblasti № 711 ot 29.11.2013 [State program of the Samara Region «Providing law and order in the Samara Region» for the period of 2014–2019 (as amended), established by the Resolution of the Government of the Samara Region №. 711 dated 29.11.2013]. Available at legal reference system «Consultant Plus» (accessed 18.03.2018) [in Russian].

9. Informatsionno-spravochnyi material ob opyte raboty organov ispolnitelnoi vlasti subektov Rossiiskoi Federatsii po sotsial'noi adaptatsii lits, osvobozhdennykh iz mest lisheniia svobody, ikh trudoustroistva,

obespecheniia zhiloi ploshchadiu, okazaniia sotsial'noi, meditsinskoi i inoi pomoshchi [Information and reference material about experience of work of executive authorities of territorial subjects of the Russian Federation on social adaptation of persons released from places of detention, their employment, providing with living space, rendering social, medical and other care]. *Ofitsialnyi sait MVD Rossii* [Official site of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. Available at: https://mvd.ru/upload/site1/document_text/temp/_1432562743_110/ISM_po_polozhitelnomu_opytu_sotsialnoy_adaptatsii_lits_ranee_sudimyykh_GUOOOP_MVD_Rossii.pdf (accessed 18.03.2018) [in Russian].

10. O banke dannykh lits, osvobozhdaiushchikhsia iz uchrezhdenii UFSIN Rossii po Tiimenskoi oblasti [About the databank of persons which are being released from organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia across the Tyumen Region]. *Sait avtonomnogo uchrezhdeniia sotsialnogo obsluzhivaniia naseleniia Tiimenskoi oblasti «Oblastnoi tsentr sotsialnoi adaptatsii i resotsializatsii»* [Website of autonomous establishment of social service of the population of the Tyumen Region «Regional center of social adaptation and resocialization»]. Available at: <http://www.comm70.ru/ebd.html> (accessed 18.03.2018) [in Russian].

R. R. Khasnutdinov*

SYSTEM APPROACH TO THE ORGANIZATION OF THE POSTPENITENTIARY HELP TO THE PERSONS WHO HAVE SERVED SENTENCE IN THE FORM OF IMPRISONMENT

Rendering postpenitentiary help to the persons who have served sentence in the form of imprisonment is the important direction in prevention of recurrent crime. The person after release from correctional facilities often faces a complex of problems of various character inducing to follow again a criminal way. Without the corresponding work on assistance of this category of persons it will be impossible to reduce the number of repeated crimes, and for obtaining qualitative result the organization of rendering such help has to have system character.

In the article the author offers system approach to the organization of the postpenitentiary help by means of application of a method of functional system. Such work has to be based on the basis of the analysis of the events held in the certain territorial subjects of the Russian Federation directed to social adaptation of convicts, positive regional experience on decrease in recurrent crime. The author draws a conclusion about the need of improvement of legal regulation in this direction not only in the regions, but also at the federal level.

Key words: system approach, method, functional system, post-penitentiary help, prevention, recurrent crime, convict, imprisonment, regional, state, program.

---

* *Khasnutdinov Renat Rafailevich* (Khasnutdinoff@mail.ru), Department of State and Legal Disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 24 v, Ryl'skaya Street, Samara, 443022, Russian Federation.

УДК 343.848.2

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-95-99

Р. Н. Халилов*

УЧАСТИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ, ОСВОБОДИВШИХСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ (МОДЕЛЬ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Статья посвящена анализу деятельности общественных организаций Республики Татарстан по социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. В работе обобщены результаты изучения и мониторинга уголовно-исполнительной системы и процессов, происходящих вокруг нее. На основе конкретно-социологических методов наблюдения, интервьюирования, опроса, а также метода моделирования дан анализ процесса социальной реабилитации в деятельности общественных, в том числе религиозных организаций. Рассмотрены меры уголовно-правового поощрения осужденных к лишению свободы в контексте процесса социальной реабилитации. Наиболее распространенной мерой является условно-досрочное освобождение, однако как показывает практика, институт условно-досрочного освобождения утратил свое воспитательное и поощрительное воздействие на осужденных к лишению свободы.

Сделан вывод об эффективности сложившейся модели участия институтов гражданского общества в реализации основных направлений уголовно-исполнительной политики.

Ключевые слова: институты гражданского общества, лица, осужденные к лишению свободы, условно-досрочное освобождение, замена неотбытой части наказания исправительными работами.

Проблема возвращения в общество лиц, освободившихся из мест лишения свободы, в качестве полноправных граждан, способных вести социально одобряемый образ жизни, неизменно актуальна. Вместе с тем для ее решения и реализации необходимо объединить усилия не только органов государственной власти, но и самого общества.

Проводимая на современном этапе уголовно-исполнительная политика имеет своей целью формирование условий для исправления осужденных, их реабилитации, социальной адаптации и последующей реабилитации после освобождения из мест лишения свободы. Исполнение наказаний в виде лишения свободы является сочетанием исполнения наказаний с исправительно-воспитательными мерами на основе поддержания в исправительных учреждениях законности и правопорядка, гуманных начал обращения с осужденными, неукоснительного соблюдения их прав, свобод и законных интересов.

Организация процесса исправления и реабилитации осужденных к лишению свободы осуществляется Федеральной службой исполнения наказаний Российской Федерации (далее – ФСИН России), реализация уголовно-исполнительной политики на региональном уровне относится к компетенции территориальных органов ФСИН России.

От эффективности этой деятельности зависит в конечном счете общественная безопасность, обеспечение которой связано с неизменно высоким уровнем рецидива преступлений.

В настоящее время высокий процент рецидивной преступности, свыше 50 %, наблюдается по стране в целом. В Республике Татарстан в 2015 г. рецидив преступлений у ранее отбывавших лишение свободы составил 56 %; в 2016 – 54 %; в 2017 г. – 51 % [1]. В исправительных учреждениях РТ сейчас отбывает наказание более 12,5 тыс. человек. За последние годы количество осужденных к лишению свободы сократилось, однако, процент рецидива преступлений среди освободившихся из мест лишения свободы угрожающе высок, так более 4 тыс. человек после освобождения вновь совершили преступления.

Данная статья знакомит с отдельными результатами многолетнего научного исследования проблем, связанных процессами, происходящими в уголовно-исполнительной системе, в частности постпенитенциарными процессами. В рамках разведывательного социологического исследования мы сопоставили статистические данные, характеризующие преступления этого контингента неоднократно судимых, и провели опрос и анкетирование в исправительном учреждении строгого режима. Результаты анализа показали, что

* © Халилов Р. Н., 2018

большинство из них после освобождения из мест лишения свободы совершили корыстные и насильственные преступления, что свидетельствует прежде всего о нерешенных социальных проблемах – отсутствии законных источников существования, жилья, невозможности трудоустройства, а также этих обстоятельств в комплексе.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. поставлена задача по совершенствованию социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными. Она предполагает также совершенствование не только деятельности учреждений, исполняющих уголовные наказания, но и территориальных органов ФСИН России в разработке единой стратегии социальной реабилитации и политики по ее реализации. Мы считаем, что все еще существует проблема дифференциации и индивидуализации исправительного воздействия на осужденных, нарушения конституционных прав человека при отбывании наказания.

Мы не будем подробно останавливаться на содержании понятий ресоциализации и социальной реабилитации различных категорий осужденных к лишению свободы и лиц, освободившихся из мест лишения свободы, это отдельная тема, она достаточно активно исследуется [2; 5].

Мы считаем, что для эффективного достижения социально значимых результатов исправительный процесс должен представлять последовательную и комплексную программу действий, основанную на индивидуальном и всестороннем подходе к каждому осужденному, целенаправленно проводимую исправительными учреждениями и территориальными органами уголовно-исполнительной системы. Только такой подход к данному процессу позволит качественно решать стоящие перед ним задачи и в значительной степени достичь поставленных перед уголовным наказанием целей.

Эффективности реабилитационных действий в частности и реабилитационного процесса в целом нельзя добиться только силами государственных органов, без участия общественности и институтов гражданского общества. В этих условиях особенно важно понимать, что именно общество заинтересовано в первую очередь в повышении эффективности исполнения уголовных наказаний и достижения целей наказания.

Мониторинг деятельности Управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Республике Татарстан (далее – УФСИН РФ по РТ) показывает, что в республике сложилась динамично развивающаяся модель реабилитационного процесса в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Участниками этого процесса являются представители УФСИН РФ по РТ и специально созданные общественные, в том числе религиозные, организации как институты гражданского общества.

Так, со стороны государственной власти координаторами выступают советник начальника УФСИН РФ по РТ по взаимодействию с религиозными организациями, помощник по соблюдению прав человека в УИС, а также Общественная наблюдательная комиссия при территориальных органах ФСИН России. Ресоциализацией и реабилитацией лиц, освободившихся из мест лишения свободы и обратившихся за помощью, занимаются две благотворительные организации: созданная в 2014 г. Автономная некоммерческая организация «Центр социальной реабилитации и адаптации» (далее – АНО «ЦРА») и Национальный исламский благотворительный фонд «Ярдям» («Помощь»).

Модель ресоциализации, реализуемая АНО «ЦРА», не имеет аналогов в России и включает в себя программу поэтапной системной ресоциализации лиц, освободившихся из исправительных учреждений. Программа не имеет жесткой унифицированной системы и представляет собой поэтапное и психологическое восстановление утраченных навыков общежития. Предполагается, что каждый обращающийся может выбрать удобный ему формат взаимодействия для решения одной или нескольких проблем. Сотрудники Центра отмечают, что больше становится тех, кто понимает, что залогом их благополучия является полноценное участие в программе реабилитации и адаптации. В этом случае обратившийся заключает с АНО «ЦРА» соглашение о сотрудничестве, формулирующее принципы взаимной ответственности сторон.

Мы изучили деятельность Центра методом включенного наблюдения, провели опрос и интервьюирование не только подопечных, но и сотрудников. Выявлено, что деятельность Центра отличается высокой эффективностью и имеет выраженную социальную значимость.

Более 300 человек за 3 года существования Центра воспользовались его помощью, рецидив преступлений составил 3 %. Трудоустройство освободившихся из мест лишения свободы осуществляется на крупных строительных площадках Татарстана, с которыми заключены договоры о сотрудничестве. Центр – достаточно активный агент гражданской инициативы в Республике Татарстан: его руководитель является членом Общественного совета при УФСИН РФ по РТ, заключены договоры о сотрудничестве с УФСИН РФ по РТ по оказанию социальной помощи осужденным, находящимся в трудной жизненной ситуации, договоры с государственными медицинскими учреждениями; Центр продвигает свою миссию в органах исполнительной власти различных уровней, посещает исправительные учреждения с благотворительными целями.

Центр формирует систему социального сопровождения для лиц, освободившихся из мест лишения свободы, трудоустраивает, предоставляет

временное жилье, обеспечивает продовольственными наборами, сезонной и специальной одеждой, комплектами первой необходимости, помогает в восстановлении документов и оказывает медицинскую помощь. Центр располагает сельскохозяйственными объектами, где трудоустроены лица, освободившиеся из мест лишения свободы, для них создаются общежития с удовлетворительными жилищными условиями. Несколько десятков человек уже из исправительных учреждений направляют заявки с просьбой пройти курс реабилитации в Центре, в том числе пройти курс лечения от алкогольной зависимости.

Результаты опроса и интервьюирования с учетом менталитета и социальных особенностей позволяют понять значимость деятельности Центра для освободившихся из мест лишения свободы. Большинство опрошенных подопечных отмечают, что испытывают доверие к деятельности Центра. Это обусловлено тем, что они действительно видят реальную помощь и результаты успешного трудоустройства и бытового устройства после освобождения людей, находившихся в аналогичной ситуации.

Вызывает доверие и уважение руководитель Центра, сам знающий исправительные учреждения изнутри. Авторитет руководителя, его активная общественная деятельность по привлечению и распределению благотворительных средств, организаторская деятельность является для них примером и образцом для дальнейшего социального лифта.

Руководство Центра предложило и реализовало пилотный проект замены неотбытой части наказания исправительными работами в общежитиях и на производственных объектах АНО «ЦРА» под контролем сотрудников УИС. Преимущества данного подхода оказались очевидны: осужденные имели возможность возместить потерпевшим материальный и моральный ущерб, а после окончания исправительных работ появилась возможность трудиться у прежнего работодателя.

В регионе есть возможности использования труда отбывающих исправительные работы в различных сферах экономики – на стройках, в сельском хозяйстве, в сфере ЖКХ, такой подход создал бы механизм решения сложнейшей задачи трудоустройства освободившихся из мест лишения свободы.

В АНО «ЦРА» создано специализированное кадровое агентство, объединяющее работодателей и осужденных к исправительным работам, и, как отмечают специалисты Центра, рыночные преимущества работников очевидны. Прежде всего высокая трудовая дисциплина работника – за нарушение трудового законодательства и дисциплины он возвращается к отбытию наказания в места лишения свободы. Гибкий подход к квалификации работника – в профессиональных учебных за-

ведениях, промышленных предприятиях и цехах УФСИН РФ по РТ могут быть организованы подбор и обучение работников. Немаловажное значение имеет и удешевление себестоимости производимых товаров и услуг за счет снижения расходов на оплату труда, проживание, так как работники размещаются в общежитиях Центра.

У агентства имеются заявки от работодателей из сферы швейного и пищевого производства, крупных сельскохозяйственных производителей, вакансии разнорабочих.

Представляется, что такая форма организации исполнения наказания в полной мере реализует принцип социальной справедливости и создает устойчивую мотивацию последующей ресоциализации, так как создает перспективы для дальнейшего трудоустройства.

Для большинства осужденных к лишению свободы желанной целью является условно-досрочное освобождение как основной меры уголовно-правового поощрения. Согласно УИК РФ, условием для условно-досрочного освобождения является правопослушное и социально-активное поведение. Как показывает практика, за последние десятилетия институт условно-досрочного освобождения утратил свое воспитательное и поощрительное воздействие на осужденных к лишению свободы, значение его нивелировано и стало обязательным формальным атрибутом отбывания наказания.

Мы располагаем данными, согласно которым снижается количество удовлетворенных судами ходатайств об условно-досрочном освобождении, поданных осужденными к лишению свободы [3]. Так, за 2015 г. судами Республики Татарстан было удовлетворено только 23,1 % ходатайств, такая тенденция наблюдается и в последующие годы. Связано это с целым рядом обстоятельств: рецидив преступлений тех, кто ранее условно-досрочно освобождался ранее, составляет по региону 50 %; нарушения условий условно-досрочного освобождения допустили 10 % осужденных.

Однако распорядиться полученной свободой для условно-досрочно освобожденных с пользой оказывается затруднительно – вопрос трудоустройства стоит остро, работодатели неохотно берут работников, имеющих судимость. Исходя из вышеизложенного, замена неотбытой части наказания исправительными работами и организация этого вида наказания в рамках модели, реализуемой АНО «ЦРА», при соответствующей экспертной оценке может быть рекомендована для дальнейшего распространения этого опыта.

В последние десятилетия в условиях идеологического вакуума, низкой эффективности традиционных подходов в организации воспитательной и психологической работы в исправительных учреждениях возрастает роль религиозного воздействия на осужденных к лишению свободы. Целесообраз-

ность присутствия представителей религиозных конфессий, формы и методы религиозного служения не раз были предметом анализа специалистов пенитенциарного профиля, как теоретиков, так и практиков. Присутствие служителей культа и наличие культовых объектов в исправительных учреждениях давно стало реальностью уголовно-исполнительной системы.

В исправительных учреждениях Республики Татарстан число осужденных, исповедующих сознательно ту или иную религию, невелико: 1128 чел., или 11 % от общей численности осужденных, критерием принадлежности стали факты регулярного посещения храмов и отправление религиозных обрядов [4], хотя этот учет носит во многом формальный характер.

Потенциал религии вне зависимости от конфессии с ее богатейшим опытом духовно-просветительской и благотворительной деятельности призван внести весомый вклад в восстановление традиционных нравственных ценностей и преемственности нашей культуры и государственности. Этому благотворному процессу способствует и диалог между государством и Церковью.

В этом контексте следует рассматривать деятельность Национального исламского благотворительного фонда «Ярдам» («Помощь»). Анализ мероприятий фонда показывает, что работа с лицами, освободившимися из мест лишения свободы, не приоритетное направление, однако существенная помощь оказывается.

Общественная инициатива в виде благотворительной деятельности в координации с УСФИН РФ по РТ создали действенную модель реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Библиографический список

1. Текущий архив УФСИН РФ по РТ. Сведения о рецидивной преступности осужденных мужчин за 2015–2017 гг.

2. Лещенко О. В. Социальные, педагогические и психологические аспекты ресоциализации и реабилитации осужденных в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы // Безопасность уголовно-исполнительной системы. 2012. № 3(19). С. 42–44.

3. Текущий архив УФСИН РФ по РТ. Данные по применению условно-досрочного освобождения в исправительных учреждениях Республики Татарстан за 2015–2017 гг.

4. Выступление помощника начальника УФСИН РФ по РТ по работе с верующими Р. Г. Давлеева на Всероссийской научно-практической конференции «Роль централизованных мусульманских организаций в ресоциализации осужденных в местах лишения свободы» 30 мая 2017, г. Казань // Текущий архив УФСИН РФ по РТ.

5. Халилов Р. Н. Правовое регулирование деятельности территориальных органов ФСИН в сфере исправления и реабилитации осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 216 с.

References

1. Tekushchii arkhiv UFSIN RF po RT. Svedeniia o retsidivnoi prestupnosti osuzhdennykh muzhchin za 2015-2017 gg. [Current record of the Management of the Federal Service for the Execution of Sentences of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan. Data on men recidivism for the period of 2015–2017] [in Russian].

2. Leshenko O. V. Sotsialnye, pedagogicheskie i psikhologicheskie aspekty resotsializatsii i reabilitatsii osuzhdennykh v usloviiakh reformirovaniia ugolovno-ispolnitelnoi sistemy [Social, pedagogic and psychological aspects of resocialization and rehabilitation of convicts in the context of reforming penal system]. Bezopasnost ugolovno-ispolnitelnoi sistemy [Safety of the penal system], 2012, no. 3 (19), pp. 42–44 [in Russian].

3. Tekushchii arkhiv UFSIN RF po RT. Dannye po primeneniiu uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniia v ispravitelnykh uchrezhdeniakh Respubliki Tatarstan za 2015–2017 gg. [Current record of the Management of the Federal Service for the Execution of Sentences of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan. Data on the application of conditional early relief in correctional institutions of the Republic of Tatarstan for the period of 2015–2017] [in Russian].

4. Tekushchii arkhiv UFSIN RF po RT [Current record of the Management of the Federal Service for the Execution of Sentences of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan]. In: Vystuplenie pomoshchnika nachalnika UFSIN RF po RT po rabote s veruiushchimi R. G. Davleeva na Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Rol' tsentralizovannykh musulmanskikh organizatsii v resotsializatsii osuzhdennykh v mestakh lisheniia svobody» 30 maia 2017, g. Kazan' [Speech of the assistant to the head of the Management of the Federal Service for the Execution of Sentences of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan on work with the religious Davleev R. G. at the All-Russian research and practical conference «Role of centralized Muslim organizations in the re-socialization of convicts in places of deprivation of liberty»]. Kazan, 30.05.2017 [in Russian].

5. Khalilov R. N. Pravovoe regulirovanie deiatelnosti territorialnykh organov FSIN v sfere ispravleniia i reabilitatsii osuzhdennykh k lisheniui svobody: dis. ... kand. iurid. nauk [Legal regulation of activities of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service in the field of correction and rehabilitation of prisoners sentenced to the deprivation of liberty: Candidate's of Legal Sciences thesis]. M., 2015, 216 p. etc. [in Russian].

PARTICIPATION OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE PROCESS OF SOCIAL REHABILITATION OF PERSONS RELEASED FROM PRISON (MODEL OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

The purpose of the study is to analyze the activities undertaken by non-government organizations of the Republic of Tatarstan in dealing with the re-socialization of persons released from prisons. The article summarizes outcomes of studies and the monitoring of the penal system along with the processes surrounding its practice.

The analysis of re-socialization activities, carried out by non-governmental, as well as religious organizations, was performed based on particular sociological methods, such as: observation, interviews, surveys, as well as social simulation approach. Criminal and legal incentive measures to convicts to deprivation of liberty in the context of social rehabilitation scheme were investigated. The most common measure is the conditional early release, nevertheless, as practice shows, the institution of conditional early release has weakened its educational and incentive effect on persons sentenced to the deprivation of liberty.

The conclusion reveals the level of effectiveness of the current model of participation of civil society institutes in the implementation of the penal policy's focal points of action.

Key words: civil society institutes, persons sentenced to the deprivation of liberty, conditional early release, replacement of the unserved part of punishment with correctional labor.

---

* *Khalilov Rafik Nurulovich* (r.n.halilov@mail.ru), Department of Criminal Law, Kazan Federal University, 18, Kremlyovskaya Street, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 316.4

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-100-110

Н. П. Щукина, Б. А. Никитина*

РОЛЬ РЕСУРСОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ, ОТБЫВШИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ И ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ НЕГО**

В статье рассматриваются ресурсы лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, на основе результатов эмпирического исследования, осуществленного в рамках реализуемого по президентскому гранту проекта «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)». Были выделены две группы респондентов: лица, отбывшие уголовное наказание и освобожденные от него, и лица, повторно отбывающие уголовное наказание. Вторая группа респондентов объединяет осужденных, отбывающих уголовное наказание повторно, которые рассматриваются в исследовании как носители нерезультативной практики постпенитенциарной ресоциализации. В ходе анализа выделяются группы более и менее адаптированных респондентов, изучается роль социального и человеческого капитала в обеспечении эффективности процесса ресоциализации. Собранные данные наглядно демонстрируют, что криминальная биография опрошенных явно тормозит процессы ресоциализации во всех сферах их жизнедеятельности. Выявлено, что приобретенная в результате получения образования квалификация далеко не всегда играет большую роль в ресоциализации, гораздо более эффективной стратегией является трудоустройство в любом качестве, даже в ситуации неполного соответствия или несоответствия работе имеющейся квалификации. В заключении даются рекомендации относительно необходимости развития рефлексивности заключенных, их самоактуализации и навыков планирования различных сфер жизнедеятельности после выхода на свободу.

Ключевые слова: лица, отбывшие уголовное наказание и освобожденные от него, самоактуализация, социальный капитал, человеческий капитал, ресоциализация, адаптированность, рефлексивность, деятельностно-активистский подход.

Всякий научный текст рождается и живет в социальном контексте, пропитан духом времени, т. е. помимо «позитивного» знания, в нем, разумеется, отражены ценностные предпочтения как респондентов, так и исследователей, интерпретирующих мнения этих респондентов, с учетом контекстов их высказывания. Иными словами, «социальный мир может быть назван и построен различным образом в соответствии с различными принципами видения» [1, с. 195]. Поэтому подчеркнем, что необходимо принимать в расчет позицию, занима-

емую исследователем как при организации, так и презентации полученных им результатов:

- придерживается ли исследователь оптимистического или пессимистического взгляда на будущее изучаемого сообщества и общества в целом;
- как высоко он оценивает возможности этого сообщества и последствия его действий, как определяются и оцениваются его окружение, внешняя среда;
- верит он в детерминированность или свободу воли социальных акторов и кого видит в этом качестве;

* © Щукина Н. П., Никитина Б. А., 2018

Щукина Нина Петровна (nina_shukina@mail.ru), кафедра истории Отечества, медицины и социальных наук, Самарский государственный медицинский университет, 443079, Российская Федерация, г. Самара, ул. Тухачевского, 226.

Никитина Бэла Анатольевна (belanik@yandex.ru), кафедра социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

** Статья подготовлена в рамках социального образовательного проекта № 17-1-008568 «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)» с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

• ценит ли он преимущество во взаимодействии разного рода акторов на изучаемом поле или всячески приветствует разрыв с предыдущими их практиками [2].

Для нас, как авторов данной статьи, представляется значимым при интерпретации собранного эмпирического материала отказаться от идеи «естественности» человеческого прогресса и руководствоваться принципом: историю делают сами люди, но обладающие властным ресурсом при этом доминируют. Точнее говоря, из разнообразия возможных теоретических контекстов мы выбираем в качестве рамок нашего исследовательского текста деятельностно-активистскую концепцию. Согласно этой концепции, направленность социальных изменений зависит от практических действий многообразных социальных субъектов, включая и богатых социальным капиталом, и рядовых граждан. Социальная среда рассматривается как вибрирующее поле социальных взаимодействий, а результаты рационально осмысленных действий нередко оборачиваются прямо противоположными последствиями. Особо значимым для нас в данной концепции представляется то внимание, которое уделяют ее авторы социальным ресурсам, причем ресурсам рядовых граждан. В нашем случае – это лица, отбывшие уголовное наказание и освобожденные от него, которые возвращаются в общество в качестве сограждан. Ресурсами же их могут быть самые разные, включая материальные, интеллектуальные, социальные и др. связи. Согласно деятельностному подходу, социальные изменения, в нашем случае ресоциализация лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, не являются линейными; изучаемый процесс ресоциализации определяется как многообразные «пульсирующие» сдвиги, направленность и содержание которых зависят и от существующих социальных структур и институтов, и от деятельности многообразных социальных агентов, включая лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, которые своими практиками способны трансформировать и структуры, и самих себя.

Цель нашей статьи – в рассмотрении специфики тех ресурсов, которыми располагают лица, отбывшие уголовное наказание и освобожденные от него. При этом под ресурсами понимается все, что может быть привлечено и использовано для удовлетворения определенной потребности или решения проблемы [3, с. 26]. Они – источник и арсенал средств и возможностей, к которым могут обращаться лица, отбывшие уголовное наказание и освобожденные от него, по мере необходимости для решения разного рода задач, встающих перед ними в процессе ресоциализации.

Важнейшим ресурсом любого человека являются его социальные связи, способствующие не только решению проблем, но и расширению перспектив, возможностей самореализации. Кстати сказать, П. Бурдье фокусировал внимание именно

на ресурсности социального капитала: «родственных отношениях и отношениях в группе членства» [4]. Здесь стоит различать социальные связи, способствующие и препятствующие ресоциализации. Так, члены семьи, родственники, коллеги, друзья, временно предоставляющие «кров и хлеб насущный», помогающие найти жилье и работу, – это способствующий ресоциализации неформальный социальный институт.

Однако эти же самые акторы могут вовлечь человека и в делинквентную активность, что будет препятствовать его ресоциализации и обусловит рецидив преступлений. Отсюда следует, что качество социального капитала играет значимую роль в процессе ресоциализации.

Опора на социальные связи – стержневой ресурс осужденных, классически считающийся наиболее эффективным условием их ресоциализации. В ситуации дефицита таких связей – как до, так и после судимости – остается лишь та самая пенитенциарная социальная сеть, которая сама по себе выступает тормозом успешной ресоциализации [5, с. 184].

Неотъемлемым ресурсом человека – наряду с социальным капиталом – является его человеческий капитал, включающий в себя не только имманентные ему знания, навыки, мотивации, но и физическое состояние, здоровье, настроение. Различный уровень квалификации, умений, готовность/неготовность к поиску работы, места жительства, навыки налаживания отношений в семье, в трудовом коллективе по месту жительства и т. д. – все это без сомнения сказывается на успешности процесса ресоциализации. Человек, отбывший уголовное наказание и освобожденный от него, может иметь желание начать новую жизнь и представление о том, что можно сделать для ее наступления практически и без промедлений. Наряду с этим для приподнятого настроения, способствующего успеху на всех фронтах жизнедеятельности, необходимы не только благоприятные социально-экономические обстоятельства, но и соответствующее состояние здоровья, отсутствие хронических или острых заболеваний, психологическое состояние.

В этой связи большое значение для прогнозирования успешности ресоциализации изучаемой общности имеет, повторим, понимание тех ресурсов социального и человеческого капитала, которыми обладают лица, отбывшие уголовное наказание и возвращающиеся в общество.

В качестве эмпирической базы данной статьи выступают результаты социологического опроса лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, проведенного в ноябре – декабре 2017 г. в рамках реализуемого по президентскому гранту проекта «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)». Опрошено с использова-

нием целевой выборки 375 человек, включающей в себя две группы респондентов: лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, и лиц, вновь отбывающих уголовное наказание (100 и 275 человек соответственно). Назовем этих опрошенных респондентами первой и второй групп. Во второй группе респондентов нас интересовали прежде всего практики их неуспешной ресоциализации периода от момента отбытия или освобождения от уголовного наказания до нового осуждения.

Обратившись к результатам проведенного нами эмпирического исследования, заметим, что в обеих группах подавляющее большинство респондентов составили лица трудоспособного возраста: 40–41 % – это лица возраста 30–39 лет, около 29 % – 20–29 лет. Доли лиц младше 20 лет и старше 60-ти не превысили значения 1,5 % в обеих группах респондентов. Иными словами, возраст большинства опрошенных – трудоспособный, связанный с решением таких проблем, как поиск партнера, создание семьи, воспитание детей, приобретение и повышение трудового и профессионального статуса. При этом средний возраст ко времени первой судимости составляет 23,8 года у респондентов первой группы и 20,6 года у респондентов второй группы.

Обращает на себя внимание и невысокий образовательный уровень респондентов, в частности, доля лиц с окончанным и неоконченным высшим образованием не превысила 11 % в обеих группах (10,7 и 10,4 % соответственно), причем доля людей с высшим образованием выше среди респондентов с одной судимостью. Большинство респондентов пришлось на лиц со средним и неполным средним образованием (53,1 и 63,8 % соответственно), что свидетельствует о более низком образовательном уровне респондентов, чей опыт ресоциализации оказался неудачным на момент опроса. Заметим, кстати, что, согласно микропереписи 2015 г., 25,8 % россиян возраста 15–65 лет имеют высшее и 2,8% – неоконченное высшее образование, а образование ниже среднего специального – 43,1 % [6, с. 20]. Разумеется, данные микропереписи не полностью сопоставимы по возрастным границам и половому составу с нашими респондентами. Тем не менее очевидно, что доля людей с высшим образованием в среднем по России все же почти в 3 раза выше, а доля людей со средним и ниже среднего образованием несколько ниже, чем доля таковых среди наших респондентов.

Таким образом, криминальная биография опрошенных, начинающаяся в достаточно молодом возрасте, может рассматриваться как препятствие для получения среднего специального и высшего образования. Даже если такая биография начнется позже, то она может быть связана с неблагоприятной ситуацией в профессионально-трудовой сфере, в свою очередь детерминируемой уровнем его образования.

Подчеркнем, что уровень образования – одна из характеристик, влияющих на мотивацию личности к той или иной деятельности. Он может быть как ресурсом, так и фактором, способствующим преступной деятельности, что нашло отражение в ряде теорий о причинах преступного поведения людей [5, с. 380]. Получение образования способствует лучшей социализации, снижению вероятности делинквентного поведения, а значит, попадания в криминогенные ситуации, особенно в хроническом режиме.

Что касается занятости респондентов, то она в обеих группах коррелирует с количеством их судимостей, демонстрируя тенденцию более высокой занятости у опрошенных, судимых лишь однажды. При этом полностью занятых соответственно 62 и 52 % опрошенных.

Выявленную тенденцию можно интерпретировать как объективными, так и субъективными причинами – либо затруднениями при трудоустройстве для тех, кто был судим многократно, либо же нежеланием или неумением трудоустроиваться у указанной категории людей.

Перечень профессий, по которым работают респонденты, – весьма разнообразен, с одной стороны, с другой – достаточно однотипен. Среди профессий, названных опрошенными, доминируют такие, как рабочий, грузчик, водитель, дворник, автомойщик; также представлены столяр, оператор, монтажник, овощевод, курьер, уборщик, электромонтер, сборщик мебели, маляр, слесарь ремонтник, отделочник, мастер по ремонту обуви, другие. Наблюдается явное доминирование рабочих профессий, не требующих высокой квалификации. Если обратиться к частоте их упоминания, то лидируют грузчики, рабочие, водители, дорожные и строительные рабочие. Иными словами, данные виды работ весьма относительно соответствуют уровню образования респондентов, проанализированному нами выше.

Что касается соответствия профессионального профиля выполняемой деятельности, то более половины респондентов из обеих групп (58,6 %) ведут речь о несоответствии профессионального профиля выполняемой деятельности, а около 15,6 % определили свою работу как полностью или частично соответствующую их образованию. Несоответствие профессиональной квалификации выполняемой работе отметили в большей степени люди с одной судимостью, что можно объяснить их повышенными требованиями к содержанию труда.

Обратная тенденция присутствует в случае респондентов, работающих по специальности: среди них доля трижды судимых незначительно выше. При условии, что доля полностью занятых среди многократно судимых ниже, некоторое преобладание ответов о соответствии их работы имеющейся квалификации можно интерпретировать как большую уверенность в трудоустройстве тех, кто ощу-

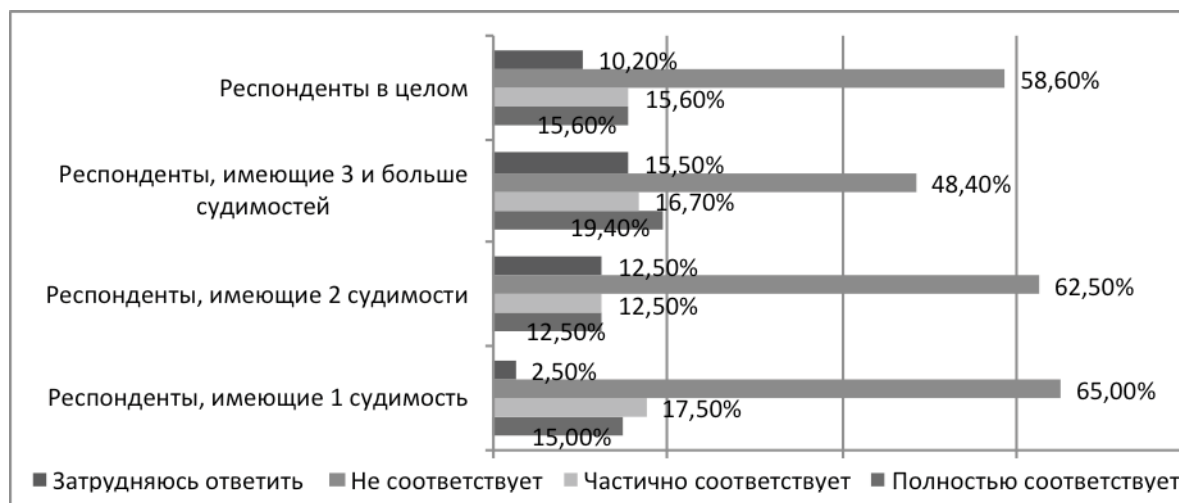

Рис. 1. Соответствие работы респондентов первой группы их квалификации в зависимости от судимости

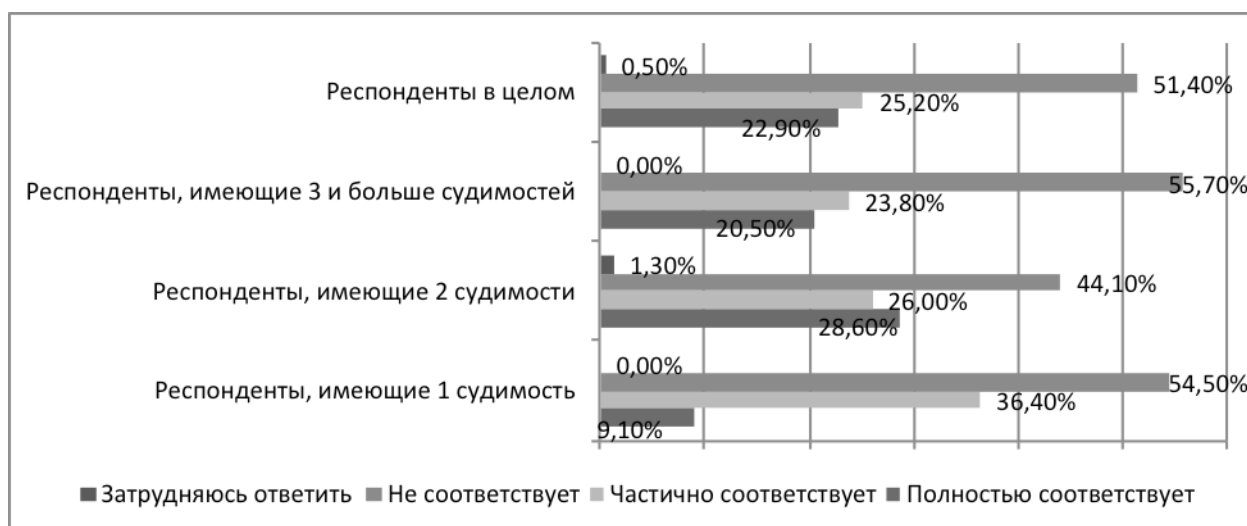

Рис. 2. Соответствие работы респондентов второй группы их квалификации в зависимости от судимости

щает реальную востребованность своей квалификации (рис. 1). В противном же случае их ожидает безработица со всеми вытекающими последствиями, что делает для этой категории опрошенных востребованность их квалификации на рынке труда особо важной.

Сходная картина и во второй группе опрошенных. При этом наблюдается парадоксальная ситуация: респонденты из второй группы очень редко «затруднялись ответить» на вопрос о соответствии их квалификации выполняемой работе и чаще выбирали ответ о соответствии работы имеющейся квалификации (см. рис. 2).

При интерпретации данного парадокса обратим внимание на ответы респондентов второй группы на обобщающий вопрос о том, как сложилась их жизнь после погашения судимости в предшествующий раз. В таблице 1 даны ответы на вопросы респондентов из первой и второй групп. В первой колонке положительные значения являются свидетельством большей доли респондентов из первой группы, удовлетворенных ситуацией в разных сферах жизни, нежели доля

удовлетворенных респондентов из второй группы. Соответственно, во второй и третьей колонках отрицательные значения свидетельствуют о меньшей доле обеспокоенных и неудовлетворенных среди респондентов первой группы. Согласно данным таблицы 1, менее удовлетворены жилищными условиями респонденты первой группы; в этой же группе на 5 % больше считающих, что с работой после выхода на свободу «все плохо», в сравнении с респондентами второй группы.

Поскольку речь идет о респондентах, которые не смогли успешно ресоциализоваться и повторно совершили преступления, их несколько больший оптимизм в представлениях относительно возможностей трудоустройства должен иметь определенные предпосылки – объективные или субъективные.

Для того чтобы понять истоки данной ситуации, в рамках нашего исследования успешность ресоциализации опрошенных была рассмотрена также в ином ракурсе, с разделением всех респондентов на две группы – успешно и неуспешно адаптировавшихся (или более и менее адаптированных).

В качестве критерия такой дифференциации был применен индекс самооценки степени благополучия жизни в 6 выделенных нами сферах:

- 1) работа;
- 2) отношения с супругой;
- 3) отношения с детьми;
- 4) отношения с другими родственниками;
- 5) отношения с друзьями и знакомыми;
- 6) жилищные условия.

Представители группы более адаптированных респондентов – это лица, считающие, что их жизнь после освобождения наладилась в большинстве из обозначенных нами сфер (в 4 и более сферах), респонденты же из группы менее адаптированных считают, что их жизнь наладилась лишь в некоторых из перечисленных выше сфер (от одной до трех).

Исходя из данной логики, мы разделили опрошенных на две группы: менее адаптированные и более адаптированные. Среди респондентов, ранее отбывавших наказание, соотношение между этими группами составило 26 и 74 %, в то время как среди респондентов, вновь отбывающих уголовное наказание, соответственно – 32 и 68 %. Иными словами, респондентов обеих групп отличает высокая их оценка степени собственной социальной адаптации, которую трудно однозначно интерпретировать и назвать близкой к истине.

Тем не менее обращает на себя внимание больший оптимизм респондентов, отбывших уголовное наказание.

Для изучения факторов, влияющих на степень адаптированности респондентов, нами были взяты такие ресурсы их человеческого и социального капитала, как уровень образования, уровень экономического благосостояния, занятость, степень соответствия профессиональной деятельности имеющейся квалификации. Рассмотрены были и жилищные условия, а также состояние здоровья, степень самоактуализации респондентов и их рефлексивности.

Что касается образования, то его уровень, согласно данным таблицы 2, однозначно выше среди более адаптированных респондентов вне зависимости от того, относятся ли они к первой или второй группе. При этом доля лиц, не перешагнувших уровень среднего специального образования, выше у менее адаптированных респондентов.

В случае взаимосвязи степени адаптированности респондентов с характером их занятости выявляется четкая тенденция более высокого уровня занятости у более адаптированных респондентов, с одной стороны, с другой, – повышенная доля безработных у менее адаптированных.

В то же время обнаруживает себя, согласно данным табл. 3, и практически равномерное распределение признака «уровень занятости» среди менее адаптированных респондентов первой и второй групп.

Таблица 1

Сопоставление мнений респондентов первой и второй групп относительно степени благополучия ситуации после освобождения

Наименование сферы	Все сложилось хорошо	Сложная и неустойчивая ситуация	Пока все плохо
Работа	5 %	-10 %	5 %
Отношения с супругой /сожительницей	5 %	-3 %	-2 %
Отношения с детьми	9 %	-7 %	-2 %
Отношения с другими родственниками	16 %	-14 %	-2 %
Отношения с друзьями и знакомыми	16 %	-10 %	-6 %
Жилищные условия	-2 %	4 %	-2 %

Таблица 2

Доля лиц с разным уровнем образования среди более адаптированных и менее адаптированных респондентов

Группа респондентов	Степень адаптированности	Среднее образование и ниже	Среднее специальное образование	Высшее и н/высшее образование	Итого
Респонденты первой группы	Более адаптированные	72 %	20 %	8 %	100 %
	Менее адаптированные	57 %	31 %	12 %	100 %
Респонденты второй группы	Более адаптированные	70 %	24,6 %	5,4 %	100 %
	Менее адаптированные	47,2 %	39,2 %	13,6 %	100 %

Что касается соответствия выполняемой респондентами работы имеющейся у них квалификации, то здесь, согласно данным таблицы 4, четко прослеживается следующая тенденция: у менее адаптированных респондентов – и в первой, и во второй группе – доля работающих в соответствии с имеющимся уровнем квалификации в 2 и более раза ниже, чем у респондентов, лучше адаптированных. В условиях, когда уровень квалификации у респондентов в нашем исследовании достаточно невысок, такая приверженность квалификации не выглядит как приверженность своей любимой работе, а скорее говорит о неспособности переквалифицироваться. В то же время если сравнивать ответы менее адаптированных респондентов первой группы с ответами респондентов второй группы, то работающих не по специальности в первой группе респондентов заметно больше, чем среди респондентов второй группы.

Достаточно предсказуемым оказалось и доминирование бедных среди менее адаптированных: их в 3 раза больше, чем среди более адаптированных. Заметим, кстати, что в нашем исследовании бедные – это респонденты при ответе на вопрос: «Как вы оцениваете свое экономическое благосо-

стояние?», выбравшие вариант: «Едва свожу концы с концами, денег не хватает даже на продукты». Менее адаптированные респонденты из первой группы в меньшей степени говорят о своей бедности, 40 % ведут речь о малообеспеченности. Среди менее адаптированных респондентов второй группы уровень их материального благосостояния распределен практически равномерно, что можно интерпретировать как их нечувствительность к этому параметру.

Еще одним из рассмотренных нами показателей адаптированности была активность респондентов в отношении урегулирования ими своей жизни, назовем этот показатель степенью самоактуализации респондентов. Так, согласно данным таблицы 5, среди адаптированных от 32 до 40 % считают, что они старались наладить свою жизнь в каждой из 6 указанных выше сфер жизнедеятельности, в то время, как среди неадаптированных таковых оказалось лишь 13–16 %.

Таким образом, сравнительный анализ успешности ресоциализации респондентов с уровнем их образования, занятостью, соответствием работы имеющейся квалификации, уровнем экономического благосостояния и степенью их самоактуализации

Таблица 3

Доля респондентов с разным уровнем занятости среди более адаптированных и менее адаптированных респондентов

Группа респондентов	Степень адаптированности	Полная занятость	Частичная занятость	Безработные	Итого
Респонденты первой группы	Более адаптированные	35 %	35,0 %	30,0 %	100,0%
	Менее адаптированные	74,5 %	15,3 %	10,2 %	100,0%
Респонденты второй группы	Более адаптированные	37,3 %	35,3 %	27,5 %	100,0%
	Менее адаптированные	63,0 %	26,9 %	10,2 %	100,0%

Таблица 4

Доля лиц с разным уровнем соответствия квалификации выполняемой работе среди более адаптированных и менее адаптированных респондентов

Группа респондентов	Степень адаптированности	Соответствует квалификации	Частично соответствует квалификации	Не соответствует квалификации	Итого
Респонденты первой группы	Более адаптированные	28,6 %	7,1 %	64,3 %	100,0 %
	Менее адаптированные	14,8 %	25,9 %	59,3 %	100,0 %
Респонденты второй группы	Более адаптированные	28,4 %	22,6 %	49,0 %	100,0 %
	Менее адаптированные	12,3 %	26,3 %	61,4 %	100,0 %

подтверждает наличие их взаимосвязи, что позволяет предположить, что все эти характеристики являются ресурсами ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него. При этом влияние показателей субъективного характера (таких как степень самоактуализации) не менее заметно, чем влияние показателей биографического характера, включая образование и экономический статус.

Наряду со сказанным выше в рамках исследования была проанализирована степень рефлексивности респондентов. Отбывание наказания, в местах лишения свободы в частности, – период максимальных, на наш взгляд, раздумий о том, почему ты оказался в этих условиях; в ситуации снижения собственного социального статуса. Что привело к этому, насколько это приемлемо/неприемлемо для тебя в будущем и что необходимо сделать для того, чтобы не оказаться вновь в подобных ситуациях. В целях уточнения степени и характера рефлексивности респондентам был предложен ряд вопросов относительно их планов на будущее, включая вопросы трудоустройства, образования, совместного проживания с кем-либо из членов своей семьи/другого ближайшего окружения, а также относи-

тельно самого места жительства. В среднем более половины опрошенных продемонстрировали отсутствие конкретных планов относительно этого будущего. Однако если по вопросам трудоустройства и образования доля «легкомысленных» составила 60 % и более, то по вопросам места жительства и состава домохозяйства эта доля несколько ниже (47 и 52 % соответственно).

Что касается планов на дальнейшее трудоустройство, то, согласно данным таблицы 6, в первой группе опрошенных практически каждый второй имел общее представление о том, как и где он будет работать после освобождения. В отношении образования позиция была другой – 43 % решительно не хотели об этом думать в период отбывания наказания. В то же время не желающих размышлять конкретно относительно того, с кем им придется проживать совместно после выхода на свободу, было примерно столько, сколько и тех, кто имел конкретные представления об этом. Несколько больше респондентов было уверено в том, где именно они будут проживать после выхода на свободу, хотя чуть меньшая доля (26 %) не желала строить конкретных планов на этот счет.

Таблица 5

Доля лиц с разным уровнем самоактуализации среди более адаптированных и менее адаптированных респондентов

Группа респондентов	Степень адаптивности	Активность в сферах жизнедеятельности					
		в одной сфере	в 2 сферах	в 3 сферах	в 4 сферах	в 5 сферах	в 6 сферах
Респонденты первой группы	Более адаптированные	13,1 %	20,2 %	20,3 %	26,0 %	7,4 %	13,0 %
	Менее адаптированные	5,2 %	11,2 %	16,0 %	9,2 %	18,3 %	40,1 %
Респонденты второй группы	Более адаптированные	8,0 %	19,2 %	17,3 %	18,3 %	21,1 %	16,1 %
	Менее адаптированные	5,5 %	20,3 %	9,2 %	19,1 %	14,0 %	31,9 %

Таблица 6

Планирование респондентами первой группы будущей жизни в сферах трудоустройства, образования, совместного проживания и места жительства

Варианты ответов	Трудоустройство	Образование	Совместное проживание	Место жительства
Я старался об этом не думать	13 %	43 %	30 %	26 %
В общих чертах я планировал это	48 %	20 %	22 %	21 %
У меня был конкретный план	15 %	15 %	29 %	33 %
У меня был основной и запасной план	15 %	9 %	10 %	11 %
Нет ответа	9 %	13 %	10 %	9 %
Итого	100,0 %	100,0 %	100,0 %	100,0 %

В случае с респондентами второй группы, половина из них, согласно данным таблицы 7, старалась вообще не думать об этом или же планировала соответствующую ситуацию лишь в самых общих чертах. Примерно равные доли (по 15 %) имели конкретные планы или даже запасные по вопросам дальнейшего трудоустройства, в совокупности их доля составила чуть более 30 %.

Заметим, что наименьшее внимание планированию респонденты уделяют в такой сфере, как образование; чуть более продуманным является вопрос о совместном проживании с кем-либо: женой, детьми, другими родственниками и т. п.

Несколько позитивнее по сравнению с ситуацией в первой группе выглядит степень рефлексивности респондентов второй группы в аспекте трудоустройства. Максимальное же количество раздумий вызывает вопрос о месте жительства. Анализируемые нами данные таблицы 8 напоминают о ситуации в стране в целом: о таком отношении к работе, когда люди не работают и не стремятся к трудоустройству, довольствуясь минимальными базовыми условиями выживания; полноценное же

трудоустройство либо считают невозможным, либо не стоящим тех усилий, которое оно требует. Так, например, зарплаты на тех рабочих местах, на которые могут претендовать наши респонденты, по сути, не дают возможности качественных изменений в их жизни.

Однако повторим, что в ситуации, когда квалификация (особенно низкая) человеку не приносит успеха, гораздо более значима любая работа или подработка, даже не по специальности, имеет смысл задумываться о том, где и кем можно было бы все-таки трудоустроиться.

Рефлексивность, умение продумывать свою будущую жизнь – это не автоматическое умение, данное человеку изначально. Разумеется, ожидать серьезного планирования собственного будущего от каждого человека, тем более от людей с низким уровнем образования, которым и отличаются наши респонденты, не стоит.

В частности, рассмотрение вопроса о том, как изменяется здоровье респондентов в период ресоциализации, тоже дает основание для более глубокого понимания ситуации. Согласно данным

Таблица 7

Планирование респондентами второй группы их будущей жизни в сферах трудоустройства, образования, совместного проживания и места жительства

Варианты ответов	Трудоустройство	Образование	Совместное проживание	Место жительства
Я старался об этом не думать	27,9 %	32,6 %	22,9 %	23,3 %
В общих чертах я планировал это	28,8 %	31,7 %	30,0 %	22,9 %
У меня был конкретный план	15,9 %	8,8 %	19,4 %	26,4 %
У меня был основной и запасной план	15,0 %	9,3 %	11,9 %	11,9 %
Нет ответа	12,4 %	17,6 %	15,80 %	15,50 %
Итого	100,0 %	100,0 %	100,0 %	100,0 %

Таблица 8

Доля лиц с разным уровнем активности планирования будущего среди более адаптированных и менее адаптированных респондентов

Группа респондентов	Степень адаптированности	Индекс планирования			Итого
		Низкая активность в сфере планирования	Средняя активность в сфере планирования	Высокая активность в сфере планирования	
Респонденты первой группы	Более адаптированные	95,0 %	5,0 %	0,0 %	100 %
	Менее адаптированные	71,7 %	16,6 %	11,7 %	100 %
Респонденты второй группы	Более адаптированные	63,0 %	25,9 %	35,60 %	100 %
	Менее адаптированные	32,90 %	31,50 %	11,1 %	100 %

таблицы 9, для многих более адаптированных респондентов и первой, и второй групп процесс ресоциализации сопровождается улучшением состояния здоровья (41,4 и 32,2 % соответственно). Вместе с тем у менее адаптированных респондентов этот процесс носит разнонаправленный характер – в зависимости от того, отбыли они или вновь отбывают уголовное наказание. Заметная часть респондентов второй группы – особенно менее адаптированные – обращают внимание на то, что период ресоциализации для них сопряжен с ухудшением здоровья. Возможно, такая ситуация – тревожный звонок об отсутствии или проблемности стимулов для успешной ресоциализации. В сочетании с нежеланием продумывать планы своего будущего на свободе такая ситуация может стать основанием для рецидивной преступности, для возвращения в привычную среду с четким распределением ролей и заботой/контролем других – хотя бы минимальными – о твоём здоровье, хлебе и крове.

Представляется важным сфокусировать внимание и на связи степени адаптированности респондентов с условиями их проживания после отбытия уголовного наказания. Согласно данным таблицы 10 (об условиях проживания респондентов

в зависимости от степени их адаптированности), выявляется одно из наиболее очевидных условий уверенности респондентов в своих силах, в успехе ресоциализации: у 65 % более адаптированных респондентов второй группы и у 43 % более адаптированных респондентов первой группы есть собственная квартира; в то время как менее адаптированным приходится ориентироваться на съемную квартиру или проживание у родственников. Такой ответ, подчеркнем, не является удивительным для страны, в которой стоимость жилья не заложена в прожиточный минимум, а покупка квартиры является делом всей жизни для многих людей.

При этом несколько лучшие условия у респондентов первой группы в отношении возможности сожительства.

Резюмируя сказанное выше касательно ресурсов ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, подчеркнем, что более высокий уровень образования и экономического благополучия, активное планирование будущей жизни и высокая степень самоактуализации в период ресоциализации – это то, что способствует попаданию опрошенных в группу «более адаптированных респондентов». Соответственно,

Таблица 9

Доля лиц с разными тенденциями в изменениях состояния здоровья среди более адаптированных и менее адаптированных респондентов

Группа респондентов	Степень адаптированности	Здоровье улучшилось	Здоровье не изменилось	Здоровье ухудшилось	Затрудняюсь ответить	Итого
Респонденты первой группы	Более адаптированные	31,6 %	31,6 %	5,3 %	31,5 %	100,0 %
	Менее адаптированные	41,4 %	32,8 %	15,5 %	10,3 %	100,0 %
Респонденты второй группы	Более адаптированные	20,4 %	33,3 %	25,9 %	20,4 %	100,0 %
	Менее адаптированные	32,2 %	26,4 %	25,6 %	15,8 %	100,0 %

Таблица 10

Доля лиц с разными жилищными условиями среди более адаптированных и менее адаптированных респондентов

Группа респондентов	Степень адаптированности	Свое жилье	Съемное	В общении	У родственников	У друзей	У сожителиницы	Итого
Респонденты первой группы	Более адаптированные	33,3 %	16,7 %	0,0 %	33,3 %	0,0 %	16,7 %	100,0 %
	Менее адаптированные	33,8 %	32,4 %	0,0 %	25,0 %	1,5 %	7,3 %	100,0 %
Респонденты второй группы	Более адаптированные	30,2 %	20,8 %	7,5 %	28,3 %	1,9 %	11,3 %	100,0 %
	Менее адаптированные	65,5 %	6,9 %	1,7 %	15,5 %	0,0 %	10,4 %	100,0 %

менее адаптированные респонденты, оценивающие свою ситуацию как сложившуюся не самым удачным образом в большинстве проанализированных нами сфер жизнедеятельности, преимущественно пассивны, не думают о своем будущем, отбывая уголовное наказание, имеют низкий уровень образования и экономического благополучия. Интересным представляется и наше наблюдение о том, что работа в соответствии с профессиональной квалификацией вовсе не является фактором более успешной ресоциализации, а вот сам по себе факт работы, даже не на полную ставку или не совсем по специальности, – это уже тот рычаг, который можно использовать для более успешного возвращения человека в общество. В то же время в исследовании выявлены факторы негативного значения, преодоление которых выглядит проблематичным для отдельных групп респондентов: велика роль собственного жилья, отсутствие которого может негативно сказываться как на здоровье, так и карьере респондентов, что следует учитывать, на наш взгляд, как в программах ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, так и в нормативных основаниях данного процесса.

Не менее важно и другое: криминальная биография лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, начинающаяся в достаточно молодом возрасте, может рассматриваться не только как препятствие для получения более высокого образования и квалификации, востребованности на рынке труда после освобождения, но и как тормоз самореализации в иных сферах жизнедеятельности. Однако, несмотря на наличие такой биографии, полученные нами данные свидетельствуют о ресурсной базе у этих лиц, актуализация которой могла бы способствовать большей адаптации и успешности их ресоциализации после освобождения от уголовного наказания. Принимая во внимание, что жилищный вопрос и поддержание состояния здоровья респондентов после их освобождения в хорошем и удовлетворительном состоянии – это проблемы, решение которых во многом зависит от факторов, находящихся вне рамок пенитенциарной системы, имеет смысл сосредоточиться в большей степени на тех характеристиках респондентов, которые играют положительную роль в процессе их ресоциализации, о чем говорилось выше. В частности, по-видимому, следует организовывать специальные занятия по визуализации осужденными собственного будущего, предоставлять им информацию и варианты технологий планирования их будущей жизни в сферах трудоустройства, образования, совместного проживания и места жительства. Для более корректных процедур тактического и стратегического планирования имеет смысл проводить занятия по саморефлексии с использованием специально разработанных методик и технологий, позволяющих

идентифицировать респондентами собственные слабые и сильные места, адекватно повышающие уровень самооценки на фоне определения социально-психологических проблем, приведших их к сложившейся ситуации. Важным также представляется актуализация информации о позитивных ресурсах социальных сетей респондентов, которыми они располагали до судимостей, а также осмысление того, каким образом можно поддерживать и развивать общественно одобряемую социальную активность даже находясь в местах лишения свободы.

Библиографический список

1. Бурдые П. Начала. М.: Socij-Logos, 1994. 288 с.
2. Оберемко О. А., Ядов В. А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Yadov_Obsheteoret_podhod.pdf (дата обращения: 07.05.2018 г.).
3. Сипорин М. Ресурсы клиента: задачи социальных служб по их выявлению // Энциклопедия социальной работы: в 3 т. Т.3. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1994. С. 25–28.
4. Bourdieu P. The forms of capital // Richardson J. Handbook of theory and research for the sociology of education, N. Y.: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
5. Нестеров А. Ю. Пенитенциарные адаптационные технологии по отношению к несовершеннолетним осужденным в воспитательных колониях УФСИН России // Власть, 2016, № 03. С. 178–185.
6. Индикаторы образования: 2017. Статистический сборник / Ю. Бондаренко, Л. Гохман, И. Забатурина; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 320 с.
7. Кастелле Д. Исправительные учреждения для несовершеннолетних // Энциклопедия социальной работы: в 3 т. Т. 1. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1993. С. 377–382.

References

1. Bourdieu P. Nachala [The Beginnings. Choses dites]. M.: Socio-Logos, 1994, 288 p. [in Russian].
2. Oberemko O. A., Yadov V. A. Obshcheteoreticheskie podkhody k analizu sotsial'nogo razvitiia i sotsial'nykh izmenenii [General-theoretical approaches to the analysis of social development and social change]. Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Yadov_Obsheteoret_podhod.pdf (accessed 07.05.2018) [in Russian].
3. Siporin M. Resursy klienta: zadachi sotsialnykh sluzhb po ikh vyavleniiu [Client resources: tasks of social services to identify them]. In: Entsiklopediia sotsialnoi raboty: v 3 t. T. 3 [Encyclopedia of Social Work: In 3 Vols. Vol. 3]. M.: Tsentr obshchechelovecheskikh tsennostei, 1994, pp. 25–28 [in Russian].

4. Bourdieu P. The forms of capital. In: Richardson J. Handbook of theory and research for the sociology of education. N. Y.: Greenwood Press, 1986, pp. 241–258 [in Russian].

5. Nesterov A. Yu. Penitentsiarnye adaptatsionnye tekhnologii po otnosheniiu k nesovershennoletnim osuzhdennym v vospitatelnykh koloniiakh UFSIN Rossii [Penitentiary adaptation technologies in relation to juvenile convicts in educational colonies of the Management of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Vlast'* [The Authority], 2016, no. 3, pp. 178–185 [in Russian].

6. Bondarenko Yu., Gokhman L., Zabaturina I. Indikatory obrazovaniia: 2017. Statisticheskii sbornik [Indicators of education: 2017. Statistical compilation]. National Research University «Higher School of Economics». M.: NIU VSHE, 2017, 320 p. [in Russian].

7. Castelle D. Ispravitelnye uchrezhdeniia dlia nesovershennoletnikh [Correctional facilities for minors]. *Entsiklopediia sotsialnoi raboty: v 3 t. T. 1* [Encyclopedia of Social Work: in 3 Vols. Vol. 1]. M.: Tsentr obshchechelovecheskikh tsennostei, 1993, pp. 377–382 [in Russian].

N. P. Shchukina, B. A. Nikitina*

ROLE OF HUMAN AND SOCIAL CAPITAL RESOURCES IN THE PROCESS OF RE-SOCIALIZATION OF PERSONS WHO HAVE SERVED A CRIMINAL PENALTY AND WHO HAVE BEEN RELEASED FROM IT

The article examines the resources of persons who served criminal sentences and have been released from it on the basis of the results of an empirical study carried out within the framework of the project «The road map for resocialization and real inclusion in civil society of persons who have served a criminal sentence and have been released from it (2018–2021)». Two groups of respondents were singled out: those who departed and those who are serving their sentence again. The second group of respondents unites prisoners who serve criminal sentences repeatedly, which are considered in the study as carriers of ineffective practice of post-penitentiary resocialization. The analysis identifies groups of more and less adapted respondents, studies the role of social and human capital in ensuring the effectiveness of the process of resocialization. The collected data clearly demonstrate that the criminal biography of the respondents obviously hinders the processes of resocialization in all spheres of their life activity. On the other hand, the qualifications acquired as a result of getting an education do not always play a big role in resocialization, a much more effective strategy is to find employment in any capacity, even in the situation of incomplete compliance or inconsistency with the work of the available qualifications. In conclusion, recommendations are given regarding the need to develop the reflexivity of prisoners, their self-actualization and planning skills for various spheres of life after they are released.

Key words: persons who have served a criminal penalty and have been released from it; social capital, human capital, resocialization, adaptation, reflexivity, self-actualization, activity-activist approach.

---

* *Shchukina Nina Petrovna* (nina_shukina@mail.ru), Department of National History, Medicine and Social Sciences, Samara State Medical University, 226, Tukhachevskogo Street, Samara, 443079, Russian Federation.

Nikitina Bela Anatolievna (belanik@yandex.ru), Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics, 141, Sovetskoi Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation.

** The article was prepared within the framework of social educational project № 17-1-008568 «Road map for resocialization and real inclusion in civil society of persons who have served criminal sentences and have been released from it (2018–2021)» using the President's grant for the development of civil society provided by the Foundation for Presidential Grants.

УДК 343.8

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-111-117

Д. В. Голенко*

ПРОБЛЕМЫ И ОЖИДАЕМЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЦ, ОТБЫВШИХ НАКАЗАНИЕ**

В статье дано определение криминологического прогнозирования и проанализированы методы криминологического прогнозирования: документальный, экстраполяции, экспертных оценок, моделирования, математическая модель распознавания образа, криминологические прогнозы на основании перфокартных систем учета, метод наименьших квадратов. Уделяется особое внимание истории развития криминологического прогнозирования в России. Изучаются статистические данные о составе осужденных лиц по Самарской области и по России в их соотношении. Выявлены факторы, характерные для лиц, которые повторно совершили преступления. В статье проанализирован состав осужденных по таким характеристикам, как пол, возраст, наличие состояния алкогольного опьянения при совершении преступления, отношение к труду, категории совершенных преступлений и др. В работе обозначены проблемы, которые возникают при составлении исследователями криминологических прогнозов. Предложен авторский краткосрочный прогноз поведения лиц, отбывших наказание.

Ключевые слова: криминология, преступность, повторная преступность, криминологическое прогнозирование, методы криминологического прогнозирования, криминологическое прогнозирование поведения лиц, отбывших уголовное наказание, закономерности преступного поведения.

Криминологическое прогнозирование поведения лиц, отбывших уголовное наказание, представляет собой определение вероятности совершения преступлений в будущем указанной категорией лиц и является своего рода научным предсказанием.

Г. А. Аванесов отмечал, что основная задача криминологического прогноза «состоит в том, чтобы на основе выявленных тенденций и закономерностей будущего изменения преступности определить наиболее важные и эффективные пути борьбы с правонарушениями в прогнозируемом периоде» [1, с. 37].

В рамках настоящего исследования нами поставлены специальные задачи криминологического прогноза, а именно: выявление группы лиц, повторно совершивших преступления, т. е. лиц, которые не смогли успешно ресоциализироваться и включиться в гражданское общество; выделение общих характеристик осужденных, относящихся к этой группе; определение ожидаемых результатов ресоциализации.

К лицам, не прошедшим ресоциализацию, мы относим субъектов, которые имеют на момент осуждения судимость за ранее совершенное пре-

ступление, а также лиц, у которых правового состояния судимости нет, однако преступление они совершают повторно.

Прежде всего необходимо обратиться к истории и основам криминологического прогнозирования. Отечественные ученые составили первый криминологический прогноз в 1970 г. В его основу были положены данные о преступности в СССР за период с 1962 по 1970 год, информация Центрального статистического управления СССР о демографической ситуации в стране, а также социологические исследования, проведенные на базе ВНИИ МВД СССР [2, с. 13, 29]. Во многом результаты прогнозирования подтвердились.

К концу 70-х г. XX века в СССР в научном коллективе ВНИИ МВД СССР сформировались представления о системе криминологического прогнозирования, основанные на методах экстраполяции, экспертных оценок и моделирования [3, с. 19–20]. Однако исследователи отмечают в качестве недостатка прогнозов этого периода их политическую и идеологическую предвзятость и игнорирование реальной ситуации. Существовала надежда на то, что преступность в СССР со временем сократит-

• © Голенко Д. В., 2018

Голенко Диана Викторовна (golenko.diana@bk.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Статья подготовлена в рамках социального образовательного проекта № 17-1-008568 «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)» с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

ся, а в итоге исчезнет [4, с. 70–76]. Однако ожидания не оправдались, и интерес к прогнозированию значительно уменьшился. Тем не менее рост преступности продолжался, и в конце 80-х г. XX века вновь стали актуальны разработки криминологов. ВНИИ МВД СССР, Всесоюзный институт прокуратуры СССР, Академия МВД СССР проводили криминологические исследования и готовили стратегические прогнозы. Следует отметить, что уже на этом этапе в целях криминологических исследований и прогнозирования началось внедрение автоматизированных систем, использование соответствующих технологий, создание математических моделей.

В начале 90-х г. XX века в условиях государственного кризиса и смены политического режима практически все работы по данному направлению были приостановлены. Стратегическое криминологическое прогнозирование ушло в историю, оставив в наследие различные методы и методики построения прогнозов.

В настоящее время речь идет о реанимировании криминологического прогнозирования и формировании его методологической основы. Обратим внимание на некоторые из возможных методов.

Документальный метод представляет собой изучение официальных статистических данных, отчетов, прессы, интернет-ресурсов с целью выявления закономерностей в преступном поведении субъектов и на основании полученной информации составление криминологического прогноза.

Метод экстраполяции состоит в том, что определение будущего ожидаемого поведения лиц происходит на основании данных (закономерностей), полученных (выявленных) при наблюдении за поведением этих лиц в прошлом. Данный метод строится на логических суждениях, имеет психолого-интуитивную основу и не требует строгих математических оценок. Точность прогноза, полученного методом экстраполяции, зависит от объема и содержания информации, имеющейся у исследователя. В настоящее время психологами доказано, что модель поведения у конкретного субъекта имеет устойчивый характер. Однако возможно ее изменение при существенном изменении внутренних и внешних условий. В исследовании используются рекомендации И. С. Кона, который писал, что «жизненный путь личности – не только естественноисторический, повторяющийся процесс, но и уникальная, единственная в своем роде драма, каждая сцена которой – результат сцепления множества индивидуально неповторимых характеров и обстоятельств» [5, с. 312]. На недостатки указанного метода обращала внимание в своей работе О. С. Булдыгина, в частности, она писала о том, что экстраполяция эффективна в случае, если прогноз составляется на ближайшее будущее и является «первоначальным ориентиром, позволяющим обнаружить неблагоприятное развитие тен-

денции и продолжить ее изучение и анализ с помощью других методов» [6, с. 97]. Таким образом, в связи с изменением внешних или внутренних условий, которые не учитывал исследователь (и не мог учитывать), прогноз может быть ошибочным.

Эвристический метод групповых (экспертных) оценок представляет собой опрос лиц, которые в силу должностных обязанностей или социальных связей (например, сотрудники правоохранительных органов, родители, учителя, врачи) имеют определенные знания о характеристиках личности изучаемой группы. Некоторые исследователи выделяют в качестве опрашиваемой группы исключительно высококвалифицированных специалистов. Опрашиваемые лица условно называются экспертами, и на основании их суждений формируется прогноз.

Метод моделирования представляет собой создание модели исследуемого явления, которая позволяет получить предположительную информацию о будущем этого явления (объекта). В данном случае создается модель по образу реального объекта исследования, и ее изучение позволяет спрогнозировать будущее изменение объекта.

В криминологии также рекомендуется применение *математических, логических методов и методик*. Поведение лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, сравнивается с созданной моделью, выявляются совпадения и различия. По мнению О. С. Булдыгиной, «достоинство этого метода прежде всего в том, что он позволяет абстрагироваться от мелких и несущественных свойств прогнозируемого явления и сосредоточить внимание на самых важных сторонах изучаемого объекта» [6, с. 97].

Ю. М. Антонян при прогнозировании предложил использовать *математическую модель распознавания образа* [7, с. 66–71].

В. В. Лунеев указывал на возможность составления *криминологических прогнозов на основании перфокартных систем учета*. На их базе может быть выявлено до 300 криминологически значимых показателей. По мнению ученого, перфокарты на правонарушителей достаточно полно отражают блок 1 (внешние условия мотивации), менее полно блок 2 (внутренние условия мотивации) и частично блок 3 (типичную мотивацию в специфичной ситуации совершения преступления). Если взять за базу (100 %) общее число преступлений (правонарушителей), совершенных в течение года, то каждый интересующий нас криминогенный фактор получает относительно устойчивую меру, выраженную в процентах (частях или баллах). Удельные веса различных криминогенных факторов отражают универсальный закон распределения случайных величин [5, с. 312]. В результате можно составить предположение о возможном дальнейшем преступном поведении лица.

Большой вклад в разработку методики криминологического прогнозирования внесли А. П. За-

калюк [8], А. П. Иващенко [9], С. С. Овчинский [10]. Так, была создана *многофакторная модель по типу линейного уравнения*. Различным факторам, влияющим на поведение лиц, отбывших наказание, присваивался балл, который рассчитывался пропорционально количеству лиц, совершивших новые преступления при наличии указанного фактора. Ученые разработали методики контроля за лицами, которые потенциально могли совершить повторно преступление.

А. И. Долгова также указывает метод наименьших квадратов, который применяется в процессе составления прогнозов с помощью программы Microsoft Exel [11, с. 473].

Каждый из названных методов имеет свои достоинства и недостатки. Необходимо учитывать эффективность используемого метода и применять их в сочетании. Важно соотнести затраты, которые необходимы при выборе метода, с ожидаемыми результатами [12, с. 124].

Обратим внимание на проблемы, которые могут возникнуть перед ученым при составлении криминологического прогноза.

Так, возникают сложности при формировании максимально объективной оценки состояния преступности. Прогноз должен строиться на основе фактических данных, полученных в ходе исследования, не носить политического характера, не являться инструментом политики. Прогнозы, составляемые для власти и в интересах власти, не могут в должной мере отражать происходящие процессы.

Вторая проблема состоит в том, что в настоящее время исследователи отдают предпочтение методам, требующим меньшего количества затрат. Основу прогноза составляют статистические данные предыдущих периодов, которые часто не отражают реальной картины. Кроме того, статистические данные не всегда содержат нужную исследователю информацию. Некоторые значимые величины либо отсутствуют в статистических данных, либо их невозможно выделить из общей массы показателей.

Еще одной немаловажной проблемой является то, что составление прогноза требует длительного времени для изучения, подготовки и анализа факторов, влияющих на лиц, совершивших преступления повторно, в том числе нередко требуется наблюдение за их поведением на протяжении нескольких лет. Однако чаще всего у исследователей время для составления прогноза ограничено.

Наконец, во многих учреждениях отсутствует квалифицированный персонал, способный составить научно обоснованный криминологический прогноз, и нет источников финансирования соответствующих исследований.

С учетом ограниченных возможностей мы смогли сделать не долгосрочный, а краткосрочный криминологический прогноз, при осуществлении которого фактически использовались не все необходимые методы.

Эмпирическую базу криминологического прогноза составили:

1) 3 отчета о составе осужденных, месте совершения преступления за 12 месяцев 2013 года (2 отчета, подготовленных Управлением Судебного департамента Самарской области на основании работы мировых, районных и областного суда; 1 отчет, подготовленный Судебным департаментом при Верховном Суде РФ);

2) 3 отчета о составе осужденных, месте совершения преступления за 12 месяцев 2014 года (2 отчета, подготовленных Управлением Судебного департамента Самарской области на основании работы мировых, районных и областного суда; 1 отчет, подготовленный Судебным департаментом при Верховном Суде РФ);

3) 3 отчета о составе осужденных, месте совершения преступления за 12 месяцев 2015 года (2 отчета, подготовленных Управлением Судебного департамента Самарской области на основании работы мировых, районных и областного суда; 1 отчет, подготовленный Судебным департаментом при Верховном Суде РФ);

4) 3 отчета о составе осужденных, месте совершения преступления за 12 месяцев 2016 года (2 отчета, подготовленных Управлением Судебного департамента Самарской области на основании работы мировых, районных и областного суда, 1 отчет, подготовленный Судебным департаментом при Верховном Суде РФ);

5) основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 гг. (материал подготовлен Судебным департаментом при Верховном Суде РФ);

6) основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2016 г. (материал подготовлен Судебным департаментом при Верховном Суде РФ);

7) эмпирические исследования, проведенные кафедрой уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева в рамках проекта «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)» с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов, – опрос 448 осужденных.

Анализ официальных статистических данных по Самарской области свидетельствует, что примерно 38,2 % осужденных имеют неснятую или непогашенную судимость, примерно 14 % осужденных являются юридически несудимыми, однако ранее привлекались к уголовной ответственности. Таким образом, можно прийти к выводу, что большинство лиц в Самарской области совершают преступления в период судимости. Общее количество нересоциализированных

осужденных составляет 52,2 % от общего числа осужденных.

Анализ данных по России показывает, что примерно 32,3 % осужденных в нашей стране совершают повторно преступление в период судимости. 12,4 % лиц идут повторно на преступление, считаясь юридически несудимыми. Таким образом, в целом около 44,7 % лиц в России не имеют опыта успешной ресоциализации, что примерно на 17,5 % меньше, чем по Самарской области.

Официально опубликованные данные по Самарской области обнаруживают, что среди всех осужденных примерно 84,5 % составляют мужчины и примерно 15,5 % – женщины. Несмотря на то что осужденных мужчин больше в процентном отношении, повторно совершают преступления из каждой группы, то есть независимо от пола, примерно 50 % осужденных и мужчин, и женщин. При этом следует обратить внимание, что примерно 74,2 % осужденных мужчин совершают преступления в период судимости, это на 9 % выше аналогично показателя у женщин.

Показатели соотношения по численности мужчин и женщин среди осужденных Самарской области в основном совпадают с показателями по России. Однако показатели совершения повторных преступлений разнятся. Так, около 46,55 % осужденных мужчин и 33,7 % женщин совершают преступления повторно, что на 11 % меньше, чем в Самарской области. Обратим внимание, что в России показатель «доля женщин, совершивших преступления в период судимости», в среднем на 5 % выше, чем в Самарской области.

В Самарском регионе 57,6 % лиц, совершивших преступления в период судимости, в возрасте от 30 до 49 лет, 21,8 % осужденных составляют лица в возрасте от 25 до 29 лет. Следовательно, 79,4 % осужденных совершают повторное преступление в возрасте от 25 до 49 лет.

В России 52,3 % лиц из повторно совершивших преступления имеют возраст 30–49 лет, 21,8 % – от 25 до 29 лет и 18,6 % – от 17 до 24 лет, что на 3,6 % выше, чем в Самарской области.

Среди лиц, повторно совершивших преступления в Самарской области в период судимости, 42,3 % со средним специальным образованием и 38,9 % – средним общим образованием. Процент лиц, имеющих высшее образование, незначительный и составляет примерно 4 %.

В России лидирующую позицию, в отличие от Самарской области, занимают лица, имеющие среднее общее образование. Значительно отличаются и смежные показатели. Так, в среднем в России показатель доли осужденных, имеющих неполное образование или не имеющих образования, выше почти на 13 %, по сравнению с Самарской областью.

Анализ данных по трудоустройству осужденных свидетельствует, что около 70 % лиц, совершивших преступления в период судимости,

являются трудоспособными гражданами без определенного рода занятий, то есть это граждане, не имеющие постоянной работы, безработные. На втором месте по численности являются рабочие, их 30 %. При этом 44,6 % от всех трудоспособных лиц без определенного рода занятий в Самарской области совершили преступления повторно.

В России примерно на 3 % больше, чем в Самарской области, лиц, совершивших преступления в период судимости, которые являются трудоспособными гражданами без определенного рода занятий. На втором месте по численности находятся рабочие, однако их доля в России ниже на 11 %, чем в Самарской области. Ниже и процент трудоспособных лиц без определенного рода занятий, которые совершили преступления повторно.

Большинство лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость, повторно совершают преступления средней тяжести (примерно 35,4 %). Тем не менее разница в процентном соотношении с тяжкими преступлениями не столь существенна и составляет примерно 5 % (30,3 %). По категориям вновь совершенных преступлений статистика по России и по Самарской области существенно не отличаются. Преимущественно повторно лица совершают преступления средней тяжести (34,5 %), а также тяжкие (30,3 %).

В Самарской области 50 % лиц имеют одну судимость к моменту совершения второго преступления, 24,4 % – две судимости, 25,4 % – три и более судимостей. Таким образом, половина лиц, совершивших преступления в период судимости, имеют две и более судимости.

Показатели по России и по Самарской области несколько разнятся. Так, почти на 6 % больше лиц, которые имеют одну судимость к моменту совершения нового преступления, и почти на 5 % меньше лиц, которые имеют три и более судимости.

По данным в масштабе России, количество лиц, отбывших наказание и совершивших новое преступление, больше, чем иных категорий граждан. Следовательно, основанная масса повторных преступлений совершается в срок, не превышающий 10 лет после отбытия наказания (максимальный срок судимости).

Таким образом, основываясь на анализе статистических данных, можно выделить качества, присущие большинству лиц, повторно совершивших преступления:

- Мужчины;
- Возраст – 30–49 лет;
- Проживание – преимущественно жители местности, где совершено преступление, граждане РФ;
- Образование – среднее специальное или среднее общее;
- Отношение к труду – трудоспособные, без определенного места работы или безработные;
- Имеют минимум одну судимость.

Анализ официальных статистических данных позволяет выдвинуть гипотезу, что примерно 30 % граждан из каждой группы мужчин и женщин (лица, впервые совершившие преступления; лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость на момент совершения преступления; лица, имеющие две судимости на момент совершения преступления; лица, имеющие три судимости на момент совершения преступления) не пройдут успешно ресоциализацию. Они в течение 10 ближайших лет после отбытия наказания или досрочного освобождения от отбывания наказания совершат новые преступления средней тяжести или тяжкие.

Примерно 10–20 % осужденных из всех групп в зависимости от внешних и внутренних условий имеют одинаковый шанс пройти ресоциализацию либо не получить позитивный опыт включения в гражданское общество.

Полагаем, что у около 50 % осужденных есть реальные шансы ресоциализироваться.

Данные выводы подтверждаются исследованием, проведенным в рамках проекта «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)».

Так, были опрошены 375 человек, отбывших наказание и освобожденных от него, а также лиц, отбывающих наказание.

Возраст большинства респондентов, отбывших наказание или освобожденных от него, составил 30–39 лет (40 %), на втором месте – лица, достигшие 20–29 лет (29 %), люди в возрасте 40–49 лет составили 22 %.

Среди опрошенных было 97 % мужчин и 3 % женщин. Большинство из отбывших наказание и освобожденных от него (72 %) выросли в полной семье. 39 % после освобождения проживают в собственном жилье. 25 % опрошенных после отбывания наказания имеют проблемы с работой. 24 % – проблемы с супругой (сожительницей), и 23 % респондентов – сложности с жильем.

Из опрошенных граждан 90 % имеют среднее профессиональное образование. Лица, имеющие две и более судимости, – преимущественно со средним общим и средним специальным образованием. Среди лиц, отбывших наказание, 38 % имеют частичную занятость или не работают. Исследование показало, что средний возраст совершившего первое преступление составил 23,8 года. Последняя судимость – в 29,6 года. Средний срок отбытого наказания в виде лишения свободы – 4,5 года. На свободе опрошенные лица находились около двух лет.

В рамках исследования также было обращено внимание на то, считают ли осужденные, отбывшие наказание или освобожденные от него, свою жизнь налаженной в сфере работы, отношений с супругой, детьми, родственниками и решены ли жилищные вопросы. Из числа респондентов

26 % посчитали, что их жизнь не наладилась. Большинство лиц из указанной группы можно отнести к малообеспеченным (43 %). При этом 70 % указанных лиц имеют среднее общее образование и 25 % имеют среднее специальное образование. Из 26 % респондентов, которые посчитали, что их жизнь не наладилась, 71 % не имел четкого плана на жизнь ни в одной из указанных сфер. При этом после отбывания наказания или освобождения от наказания стремление изменить и наладить условия своей жизни, решить проблемы в сфере семьи, работы, жилища имели 13 % лиц.

Исходя из проведенного исследования, также можно сделать вывод, что примерно 30 % от общего числа опрошенных, отбывших наказание или освобожденных от него, представляют собой группу риска, то есть велика вероятность, что они не пройдут ресоциализацию.

В порядке краткосрочного криминологического прогноза на 2018 г. полагаем, что в случае введения уголовного проступка процент осужденных лиц уменьшится и, возможно, изменится процентное соотношение различных категорий граждан. Тем не менее считаем, что из осужденных граждан в 2018 году примерно 53 % будут составлять лица, осужденные впервые, 34 % – имеющие судимость и 13 % – юридически несудимые, то есть примерно 47 % составят лица, которые не имеют успешного опыта ресоциализации.

Примерно 85 % будут составлять мужчины и 15 % – женщины. Приблизительно 40 % – женщины и мужчины с неснятой и непогашенной судимостью. Примерно такой же процент – лица, отбывшие наказание, трудоспособные, без определенного рода занятий, имеющие среднее специальное или среднее общее образование, постоянно проживающие в определенной местности, граждане РФ. Приблизительно 50 % от общего числа лиц с неснятой и непогашенной судимостью составят осужденные, имеющие две и более судимости.

Более детальный прогноз возможно составить, анализируя поведение конкретных осужденных в длительный период времени. В криминологии выработаны условия составления индивидуального прогноза:

1) изучение данных о лицах, в отношении которых делается прогноз, должно вестись с использованием типологизации личности и ее психологических особенностей;

2) анализ особенностей группы, к которой относится осужденный, проводится с использованием установленных закономерностей поведения этой группы;

3) необходимо учитывать наиболее полные сведения о негативном поведении лица, в отношении которого составляется прогноз, или лиц из его окружения [13].

С целью индивидуального прогнозирования поведения отдельного субъекта необходимо детальное изучение его психологического портрета: особен-

ностей поведения в группе, целенаправленности поведения, осознания себя и своих ценностей, а также других личностных характеристик и особенностей поведения. Вероятность научного прогнозирования в указанном случае существенно увеличивается. Однако в настоящем исследовании акцент был сделан на группу осужденных, отбывших уголовное наказание.

Подводя итог, целесообразно, на наш взгляд, вспомнить слова В.Н. Кудрявцева о том, что «принципиальная осуществимость предсказания возможного противоправного поведения конкретного лица не фатальна, а лишь предположительна и вероятностна. И она не должна отождествляться со сползанием к теории опасного состояния “потенциального преступник”, которая предлагает принятие превентивной репрессии к этим субъектам» [14]. Основной целью произведенного прогнозирования является выявление факторов, влияющих на ресоциализацию лиц, с целью увеличения числа осужденных, благополучно вернувшихся в общество и успешно социализировавшихся в нем.

Еще раз подчеркнем, что криминологический прогноз является научным предсказанием, которое может как воплотиться в реальность, так и остаться научным мнением.

Библиографический список

1. Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М.: Юридыт., 1972. 334 с.
2. Аникеева Н. А. Криминологическое прогнозирование: теория и практика. Минск: Академия МВД, 2010. 122 с.
3. Вицин С. Е. Методологические основы прогнозирования в управленческой деятельности в сфере обеспечения правопорядка. М.: Академия МВД СССР, 1982. 24 с.
4. Афанасьева О. В., Гончарова М. В., Шиян В. И. История криминологического прогнозирования в системе органов внутренних дел // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. VII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2018. № 2(7). С. 70–76.
5. Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. М.: Наука, 1991. 383 с.
6. Булдыгина О. С. Особенности криминологического прогнозирования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 2 (42). С. 97–100.
7. Антонян Ю. М., Блувштейн Ю. Д., Чикоидзе Г. Б. Прогнозирование преступного поведения и предупреждение преступлений // Советское государство и право. 1977. № 4. С. 66–71.
8. Закалюк А. П. Прогнозирование и предупреждение индивидуального преступного поведения. М., 1988. 191 с.
9. Иващенко А. П. Индивидуальное криминологическое прогнозирование и профилактика рецидива преступлений. М., 1980. 72 с.
10. Овчинский С. С. Информационно-прогностическое обеспечение индивидуальной профилактики. М., 1979. 158 с.
11. Криминология: учебник для вузов/под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 912 с.
12. Янг С. Системное управление организацией. М.: Советское радио, 1992. 456 с.
13. Методы прогнозирования преступности. URL: http://bookwu.net/book_kriminologiya_749/41_4. – metody-prognozirovaniya-prestupnosti (дата обращения: 20.02.2018).
14. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учебное пособие. М., 1998. 216 с.

References

1. Avanesov G. A. Teoriia i metodologiya kriminologicheskogo prognozirovaniia [Theory and methodology of criminological forecasting]. M.: Iuridicheskaiia literatura, 1972, 334 p. [in Russian].
2. Anikeeva N. A. Kriminologicheskoe prognozirovanie: teoriia i praktika [Criminological forecasting: theory and practice]. Minsk: Akademiia MVD, 2010, 122 p. [in Russian].
3. Vitsin S. E. Metodologicheskie osnovy prognozirovaniia v upravlencheskoi deiatelnosti v sfere obespecheniia pravoporiadka [Methodological basis of forecasting in management activities in the field of law enforcement]. M.: Akademiia MVD SSSR, 1982, 24 p. [in Russian].
4. Afanasyeva O. V., Goncharova M. V, Shiyann V. I. Istoriia kriminologicheskogo prognozirovaniia v sisteme organov vnutrennikh del [History of criminological forecasting in the system of internal affairs bodies]. In: Aktualnye problemy iurisprudentsii: sb. st. po mater. VII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Topical issues of jurisprudence: collection of articles by materials VII International research and practical conference], no. 2(7). Novosibirsk: SibAK, 2018, pp. 70–76 [in Russian].
5. Luneev V. V. Motivatsiia prestupnogo povedeniia [Motivation of criminal behavior]. M.: Nauka, 1991, 383 p. [in Russian].
6. Buldygina O. S. Osobennosti kriminologicheskogo prognozirovaniia [Features of criminological forecasting]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia], 2009, no. 2 (42), pp. 97–100 [in Russian].
7. Antonyan Yu. M., Bluevshteyn Yu. D., Chikoidze G. B. Prognozirovanie prestupnogo

povedeniia i preduprezhdenie prestuplenii [Forecasting criminal behavior and crime prevention]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law], 1977, no. 4, pp. 67–71 [in Russian].

8. Zakalyuk A. P. Prognozirovanie i preduprezhdenie individualnogo prestupnogo povedeniia [Forecasting and preventing individual criminal behavior]. M., 1988, 191 p. [in Russian].

9. Ivaschenko A. P. Individualnoe kriminologicheskoe prognozirovanie i profilaktika retsidiva prestuplenii [Individual criminological forecasting and prevention of recidivism]. M., 1980, 72 p. [in Russian].

10. Ovchinsky S. S. Informatsionno-prognosticheskoe obespechenie individualnoi profilaktiki [Information and prognostic support of individual prevention]. M., 1979, 158 p. [in Russian].

11. Kriminologiya: uchebnik dlia vuzov. Pod obshch. red. d. iu. n., prof. A. I. Dolgovo. 3-e izd., pererab. i dop. [Criminology: textbook for universities. A. I. Dolgova (Ed.). 3rd edition., revised and enlarged]. M.: Norma, 2005, 912 p. [in Russian].

12. Young S. Sistemnoe upravlenie organizatsiei [System management of the organization]. M.: Sovetskoe radio, 1992, 456 p. [in Russian].

13. Metody prognozirovaniia prestupnosti [Methods of prediction of crime [Electronic resource]]. Available at: http://bookwu.net/book_kriminologiya_749/41_4.-metody-prognozirovaniya-prestupnosti (accessed 20.02.2013) [in Russian].

14. Kudryavtsev V. N. Genezis prestupleniia. Opyt kriminologicheskogo modelirovaniia: uchebnoe posobie [Genesis of the crime. Experience of criminological modeling: textbook]. M., 1998, 216 p. [in Russian].

D. V. Golenko*

PROBLEMS AND EXPECTED RESULTS OF CRIMINOLOGICAL FORECASTING OF BEHAVIOR OF PERSONS ENDURING THE PUNISHMENT**

The article gives a definition of criminological forecasting. The methods of criminological forecasting are analyzed: documentary, extrapolations, expert evaluations, modeling, mathematical model of image recognition, criminological forecasts based on card-based accounting systems, least squares method. Special attention is paid to the history of development of criminological forecasting in Russia. The statistical data on the composition of convicted persons in the Samara Region and in Russia in their ratio are studied. The factors characteristic for persons who have repeatedly committed crimes are revealed. The article analyzes the composition of convicted persons on such characteristics as sex, age, the presence of state of alcohol intoxication in the commission of a crime, attitudes toward work, categories of committed crimes, etc. The paper identifies the problems that arise when investigators compile criminological forecasts. An author's short-term forecast of the behavior of persons who served their sentences is proposed.

Key words: criminology, crime, criminological forecasting, trends, dynamics, methods.

---

* *Golenko Diana Viktorovna* (golenko.diana@bk.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** The article was prepared within the framework of social educational project № 17-1-008568 «Road map for resocialization and real inclusion in civil society of persons who served criminal sentences and were released from it (2018–2021)» using the President's grant for the development of civil society provided by the Foundation for Presidential Grants.

УДК 343.9

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-118-125

А. И. Розенцвайг*

ЗАРУБЕЖНЫЕ МОДЕЛИ ПРАКТИК РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ, ОТБЫВШИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ И ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ НЕГО: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

В статье исследуется и оценивается потенциал накопленного в зарубежных странах опыта пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации. Проанализированы разрабатываемые за рубежом программы ресоциализации, устанавливаемые международными организациями подходы к определению их эффективности. Выявлено, что в ряде зарубежных стран функции по ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, выполняют различные религиозные и общественные организации и объединения, а также специально созданные государством для этих целей службы пробации. Обоснована необходимость создания «единой ресоциализационной экосистемы», включающей региональные экосистемы, объединяющие следующие секторы: образование и наука, здравоохранение, общество, бизнес, государство. Проведенный анализ зарубежных источников показал, что многие страны накопили достаточный опыт в исследуемом направлении, который может быть использован в целях разработки эффективной отечественной системы ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него.

Ключевые слова: ресоциализация, постпенитенциарная адаптация, превентивный надзор, пробация, единая ресоциализационная экосистема.

В целях разработки Дорожной карты ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, весьма важным и полезным представляется исследование и оценка потенциала накопленного в зарубежных странах опыта пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации. Комплексный анализ действующего российского законодательства о ресоциализации и правоприменительной деятельности позволяет сделать вывод о том, что поддержка освобожденных лиц не является приоритетным направлением государственной политики РФ. В связи с этим обращение к практикам зарубежных государств, занимающих лидирующие позиции в области криминологических исследований, в том числе связанных с ресоциализацией осужденных, является обоснованным и актуальным.

В криминологической литературе отмечается, что «ресоциализация включает в себя исправление в значении “социализация”, “включение в социально полезную деятельность”, “социальная адаптация в обществе”. Именно таким образом ресоциализация способна снижать степень общественной опасности личности преступника» [1, с. 16].

Развитие учений о ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, можно проследить еще до значительных преобразований в пенитенциарной политике конца девятнадцатого века в Европе [2, с. 228]. Социологи и криминологи того времени выражали беспокойство по поводу отсутствия успеха в ресоциализации и высокого уровня рецидивной преступности. Немецкие, бельгийские, голландские и французские криминологи (Ф. фон Лист, А. Принц, Г. У. ван Хамель, А. Лакассан, Г. Гарде, Р. Саллиллс) подчеркивали влияние социальных факторов на эффективность ресоциализации. Реинтеграция в общество стала рассматриваться в качестве наиболее важной меры постпенитенциарной политики. Впоследствии существенные изменения произошли в коррекционной философии, которая оказала большое влияние на учение о ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него [3, с. 55].

В настоящее время разрабатываемые за рубежом программы ресоциализации основываются на принципах эффективности, устанавливаемых международными организациями. Комитетом Министров Европейского Совета (2000) определены

* © Розенцвайг А. И., 2018

Розенцвайг Анна Игоревна (lawyeranna@mail.ru), кафедра теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Статья подготовлена в рамках социального образовательного проекта № 17-1-008568 «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018 – 2021 гг.)» с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

требования к эффективности программ ресоциализации. При их подготовке особое внимание уделяется индивидуальным особенностям лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (грамотность, решение межличностных и семейных проблем, антисоциальное поведение); возможностям обучения и трудоустройства; рискам злоупотребления наркотиками или алкоголем; отношению к социальной адаптации. Разработка и последующее применение надежных инструментов оценки эффективности облегчает выбор соответствующей программы [4].

Зарубежными учеными предложены стандарты выполнения программ ресоциализации и показатели их эффективности:

1. Потребности лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него. Цель и воздействие этих программ должны быть направлены на криминогенные признаки, связанные с предрасположенностью человека совершать преступления. Исследования Дж. Дермонтаса показывают, что во время ресоциализации бывших осужденных важно выявить их потребности, определить личные и социальные проблемы [5, с. 222–229].

2. Дифференциация риска. Этот принцип требует разграничения программ ресоциализации в зависимости от степени риска рецидива. Интенсивность корректирующих мер должна соответствовать ему. Усиленные программы ресоциализации должны быть направлены на лиц с высокой вероятностью повторного нарушения закона. Следовательно, схожие инструменты не могут применяться ко всем лицам, отбывшим наказание и освобожденным от него. Требуется подбирать корректирующие методы, основанные на принципе индивидуализации программы.

3. Развитие навыков, реформирование мышления и поведения. Этот фактор связан с предположением, что эффективные программы заставляют человека распознавать и изменять антисоциальное поведение. Программы ресоциализации должны основываться на принципах социального обучения. Исследования подтверждают, что наиболее эффективные меры основаны на поведенческих и поведенчески-когнитивных моделях. Они направлены на обучение прогнозированию последствий, решение проблем межличностного общения, эффективное управление своими эмоциями.

В некоторых странах за рубежом функции по ресоциализации бывших осужденных осуществляют некоммерческие организации, а также организованные в этих целях государством службы пробации [6, с. 20]. Пробация дает возможность отложить вынесение приговора на определенный временной период, в течение которого подконтрольный должен исполнять установленные предписания. В противном случае наступает стадия вынесения приговора с назначением наказания в виде лишения свободы.

Страны общего права. Страны системы общего права имеют значительный опыт ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него. В США и Канаде действуют программы, направленные на ресоциализацию осужденных (так называемое «обращение»). После отбывания наказания ресоциализируемые направляются на соответствующие программы и тренинги, которые разработаны в целях содействия исправлению осужденных, предотвращения совершения новых преступлений. Проведенные криминологические исследования подтверждают, что уровень рецидива среди участников программы значительно ниже (на 66 %), чем среди тех, которые не подвергались «обращению» (treatment) [7, с. 193, 221]. Представляется, что опыт ресоциализационных программ и тренингов вполне мог бы быть воспринят и в России.

В настоящее время в Соединенных Штатах насчитывается более 7 миллионов лиц, находящихся под уголовным надзором, включая более 2 миллионов правонарушителей, отбывающих наказание в виде лишения свободы, и 5 миллионов человек, которые находятся на испытательном сроке или условно-досрочном освобождении [8]. Практически все из тех, кто в настоящее время отбывает наказание в виде лишения свободы, в конечном итоге возвращаются в свою социальную среду, причем около 85 % – в течение 3 лет после осуждения [9]. В последние годы освобождение из федеральных и региональных исправительных учреждений насчитывает более 700 000 человек ежегодно.

Вместе с тем исследования показали, что большинство освобожденных лиц снова совершают преступления. В одном из крупнейших исследований было выявлено, что две трети заключенных, освобожденных в 1994 году, были повторно привлечены к уголовной ответственности в течение 3 лет, а около четверти были повторно лишены свободы в течение этого же периода [10].

Более поздние исследования свидетельствуют о том, что показатели уровня рецидива снижаются, но по-прежнему высоки. Так, около 22 % освобожденных правонарушителей были повторно лишены свободы в течение года. Для тех, кто не совершает повторно противоправные деяния в течение 3 лет после освобождения, вероятность рецидива в дальнейшем значительно сокращается.

В течение 3 лет около 95 % лиц, отбывших уголовные наказания, употреблявших наркотики, возвращаются к этому [13, с. 294–320], 67 % представителей наркобизнеса повторно привлекаются к уголовной ответственности. Отрезок времени, в течение которого возможен рецидив, короче для лиц, употребляющих наркотики, чем для других.

Взаимодействие с другими лицами, вовлеченными в преступные сообщества, также может увеличить вероятность рецидива. Некоторые криминологи отмечают эффект «пространственного

заражения»: освобожденный, проживающий в непосредственной близости к другим лицам, совершающим преступления, в большей степени подвержен риску повторного совершения преступлений [14].

Страны системы континентального права. Анализ законодательства стран системы континентального права (Франция, Дания, ФРГ, Швейцария, Швеция) позволяет говорить о выделении самостоятельной цели ресоциализационного процесса – постпенитенциарной адаптации.

Во французской уголовно-правовой доктрине существует концепция современного неоклассицизма и новой социальной защиты. В соответствии с теорией современного неоклассицизма наказание преследует цели воздаяния и устрашения. Теория новой социальной защиты выделяет в качестве главных целей наказания исправление и постпенитенциарную адаптацию преступника. В рамках последнего подхода М. Ансель отмечает, что подлинное условие гармоничного развития уголовных санкций заключается в отказе от жесткого разделения на «наказания» и «меры безопасности» в их свободном социально направленном и научно-индивидуализированном использовании. Индивидуализация их применения позволит стать им подлинными факторами ресоциализации, что является конечной целью политики социальной защиты [16, с. 267–268].

Опыт Германии по оказанию помощи освобождающимся из заключения включает в себя две составляющие: помощь со стороны государства и помощь со стороны частных организаций и лиц.

В Германии существует три больших общественных организации, которые оказывают помощь: организация Немецкой Римской Католической Церкви (КАРИТАС); организация немецких протестантских церквей «Дьяконишес Верк»; организация немецких профсоюзов «Аббайттерволфарт». Эти некоммерческие организации имеют в собственности жилые помещения, которые они предоставляют освобожденным лицам. Помимо этого, оказываются профессиональные консультационные услуги, проводятся образовательные курсы и тренинги. Деятельность подобных организаций субсидируется муниципалитетами, религиозными организациями. Значительная часть средств для осуществления деятельности поступает за счет пожертвований. Во всех землях есть ассоциации организаций социальной помощи. Немецкие службы занятости содействуют бывшим осужденным в поиске работы [17, с. 66–68].

Тридцать лет тому назад начали создаваться частные организации, целью которых стало оказание помощи в ресоциализации бывших осужденных. Так, некоммерческая организация «Шайдевег» в течение двадцати лет успешно работает в рамках специальных программ привлечения добровольцев, которыми могут быть пожилые люди

(в возрасте до 82 лет), молодежь, начиная с 16 лет и старше. Они посещают места лишения свободы один раз в неделю или дважды в месяц. Руководство организации «Шайдевег» отмечает, что возвращение бывших осужденных в общество невозможно без участия самого общества.

В Германии существует так называемая Гражданская служба. Молодые люди, не проходящие военную службу, проживают в одном помещении с человеком, который был недавно освобожден, или совместно с другими добровольцами, живущими в этой семье. Это препятствует культивированию в подобных семьях субкультуры. Бывшие осужденные проживают подобным образом в среднем 3–5 лет. Отношения в дальнейшем поддерживаются. Освобожденным предоставляются на безвозмездной основе консультационные услуги [18, с. 92].

Подобную модель, реализуемую в Германии, можно признать образцовой.

В статье 15 главы 26 УК Швеции предусмотрено оказание помощи и поддержки (решение вопроса места жительства, занятости, медицинской помощи и т. п.) со стороны Службы Тюрем и Пробации (ТПС) освобожденных из тюремного заключения [19, с. 212–213].

В Швеции используются возможности уже существующих служб социального обеспечения. Наряду с этим за каждым заключенным закрепляется общественный опекун, который оказывает поддержку и контролирует заключенных после освобождения.

«Организация дружеской поддержки», в основном состоящая из бывших заключенных и бывших наркоманов, пропагандирует новый образ жизни без наркотиков и преступлений, приобщая к участию в театральных постановках, спортивных мероприятиях и т. д.

Аналогичные мероприятия проводит и некоммерческая организация «Мост», члены которой встречают лиц при освобождении из мест лишения свободы. «Мост» имеет кафе для встреч с опекунами, лагеря для детей, чьи родители отбывают срок наказания.

В Финляндии в 1975 году была основана Ассоциация по делам испытания и последующей помощи в решении социальных проблем лиц, отбывших уголовное наказание. Помощь оказывается в различных формах: психологическая поддержка, юридические консультации, решение проблем с жильем, трудоустройство. Деятельность и финансирование этой организации находятся под контролем и руководством Министерства юстиции.

Отдельно следует отметить проект «Ресоциализационный труд в тюрьме», проводимый в городе Хельсинки. Осужденные уходят из тюрьмы, которая является учреждением открытого типа, на работу, предоставляемую городскими органами социального обеспечения. В тюрьме они проходят курс ресоциализации и подготовки к работе.

В проекте участвуют только заключенные, прошедшие курс лечения от алкогольной и наркотической зависимости [20, с. 82–83].

В середине XX в. в Уголовный кодекс Швейцарии была включена статья, регламентирующая порядок организации надзора и социальной помощи лицам, освобождающимся из мест лишения свободы. В соответствии с указанной нормой органы социальной защиты и попечительства оказывали помощь отбывшим наказание лицам в поисках жилья и работы. В Швейцарии функционируют организации, специализирующиеся на оказании помощи осужденным, отбывающим наказание, и в первую очередь лицам, уже отбывшим наказание [21, с. 119]. При освобождении заключенного из исправительного учреждения социальный работник передает все необходимые дела организации, курирующей освобожденное лицо, или иному учреждению, оказывающему поддержку таким лицам.

В законодательстве Польши предусмотрена обязанность общественных организаций оказывать помощь лицам, освобожденным из пенитенциарных учреждений либо центров социального приспособления, в целях закрепления результатов ресоциализации и тем самым противодействовать возвращению их на преступный путь. Действующий УК Польши также ориентирован на цели постпенитенциарной адаптации осужденных. Ее организацией занимаются местные органы власти и общественные организации под руководством Всепольского Совета по вопросам постпенитенциарной помощи, консультативный орган при Министре юстиции (состоит из представителей государственных органов и общественных организаций, оказывающих постпенитенциарную поддержку).

Социальные инспекторы (аналогично социальным работникам) совместно с сотрудниками исправительных учреждений не только занимаются решением вопросов, касающихся трудового и бытового устройства, но и информируют органы внутренних дел и другие организации о необходимости оказания освобожденному конкретному виду помощи, осуществляют контроль за обеспечением необходимой одеждой и документами, проездными билетами, свидетельством о приобретенной специальности, оказывают помощь в назначении пенсии, продолжении лечения, обучения и т. д.

В Чехии освобожденному помогают социальные кураторы, работающие в отделах социального обеспечения, среди которых есть юристы, педагоги, психологи, работники социального обеспечения. Органы опеки оказывают содействие в трудовом и бытовом устройстве, помогают материально.

Таким образом, во многих странах Европы сопровождением осужденных в постпенитенциарный период занимаются специально созданные организации (например, службы пробации). При этом в странах европейского содружества доволь-

но давно создана единая преемственная система между пенитенциарной социальной службой исправительного учреждения и социальными службами гражданского уровня.

В Республике Молдова действует Закон от 14 февраля 2008 г. «О пробации», который регулирует организацию и функционирование органов пробации, устанавливает их компетенцию в целях предотвращения рецидива преступления, регламентирует оказание помощи и консультирование субъектов пробации для их реинтеграции в общество.

В соответствии с данным Законом пробация – это психосоциальная оценка и контроль лиц, находящихся в конфликте с уголовным законом, их ресоциализация, а также адаптация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, с целью предупреждения совершения ими новых преступлений.

В Республике Беларусь в отношении некоторых категорий освобожденных в целях предупреждения совершения ими преступлений, а также оказания на них необходимого профилактического воздействия предусмотрена возможность установления превентивного надзора (ст. 198 УИК РБ), который возлагается на уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства поднадзорного.

В настоящее время специальная программа воздействия, предназначенная для лиц, отбывших наказание, реализуется и в Литве. Она осуществляется региональными подразделениями литовской исправительной инспекции. Программа состоит из различных лекций (семинаров) о правовом статусе освобожденных лиц; о порядке получения социальной помощи; региональных центрах занятости; роли неправительственных (религиозных) организаций в оказании поддержки лицам, возвращающимся из мест лишения свободы. Содержание этой программы показывает, что она предоставляет только информационные услуги.

Наиболее эффективные программы ресоциализации и коррекции ориентированы на изменение поведения и мышления. Они направлены на изменение потребностей человека, связанные с преступным поведением. Программы познавательной и профессиональной подготовки являются эффективными, если они разработаны с учетом особенностей лиц, склонных к совершению преступлений. В Литве наблюдается ряд позитивных изменений в области социальной ресоциализации. В 2008 году методы Роберта Хэара для оценки психопатического уровня с помощью PCL: SV, хорошо известные и широко признанные во всем мире, были введены в пенитенциарную систему.

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Среди факторов, способствующих высокой эффективности борьбы с преступностью в Японии, выделяют комплекс мер, направленных на успешную постпенитенциарную адаптацию: помимо сугубо уголовно-правовых мер наказания, используются так называемые меры безопасности. Созданы и

реально функционируют органы ресоциализационной защиты: центральные и районные комиссии ресоциализационной защиты и состоящие при них пункты защитного надзора, задача которых состоит в оказании помощи преступникам в период постпенитенциарной адаптации.

В Японии вопросы трудового и бытового устройства освобожденных из мест лишения свободы регламентируются законом «О постпенитенциарной опеке». Цель этого закона – обеспечить ресоциализацию указанных лиц. Ответственность за оказание ресоциализационной помощи несет Правительство (отдел службы пробации). Начальник отдела службы пробации может поручить оказание помощи: 1) штатному сотруднику отдела; 2) представителю общественной организации; 3) частному лицу, имеющему необходимое разрешение. Помощь оказывается в случае обращения освобожденного за ней. Законом предусмотрена организация общежитий для временного проживания освобожденных, которые создаются: 1) по инициативе общественных организаций; 2) по инициативе частных лиц. Это происходит следующим образом. Заинтересованное лицо или организация направляет министру юстиции заявление с приложением характеристики лица или организации, сведений о здании, где будет размещаться общежитие, акты о пожертвованиях. Общежитие создается при наличии следующих условий: 1) инициатор имеет прочное материальное положение; 2) создание общежития не преследует целей получения прибыли; 3) инициатор пользуется доверием общества; 4) здание и его оборудование соответствуют назначению; 5) имеется квалифицированный персонал; 6) питание и методы воздействия на освобожденных соответствуют необходимым требованиям.

Законом предусмотрены такие виды ресоциализационной помощи, как устройство на работу, лечение, организация досуга, материальная помощь и т. д. Ресоциализационная помощь оказывается шесть месяцев после освобождения при отсутствии возражений со стороны лица, отбывшего наказание.

В Южной Корее система мер, направленных на ресоциализацию бывших осужденных, реализуется с 1983 г. силами Службы надзора за условно-досрочно освобожденными и Агентства гражданской ресоциализации. Агентство гражданской ресоциализации является организацией, созданной на общественных началах и призванной осуществлять опеку над бывшими осужденными и оказывать им помощь. Агентство находится в ведении Министра юстиции.

Изучив опыт решения проблем постпенитенциарной ресоциализации в ряде зарубежных государств, можно сделать следующие выводы.

1. Зарубежные государственные программы ресоциализации основываются на принципах эф-

фективности, устанавливаемых международными организациями.

Актуализируется взаимодействие представителей государства и гражданского общества в ресоциализационном процессе. В ряде зарубежных стран функции по ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, выполняют различные религиозные и общественные организации и объединения, а также специально созданные государством для этих целей службы пробации.

2. Представляется успешным опыт Германии по оказанию помощи лицам, отбывшим уголовное наказание и освобожденным от него, который включает в себя две составляющие: помощь со стороны государства и помощь со стороны частных организаций и лиц.

3. Обоснована успешность европейской модели ресоциализации в части создания единой преемственной системы между пенитенциарной социальной службой исправительного учреждения и социальными службами гражданского уровня.

4. Зарубежные программы ресоциализации нацелены на учет индивидуальных особенностей и мотивирование лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него. Результативное осуществление процесса ресоциализации лиц требует приобретения, адаптации и внедрения новых программ по когнитивно-поведенческой коррекции, которые отвечают критериям эффективности [22, с. 9]. Примерами таких программ являются: «Программа поддержки сообщества», «Адаптивное и творческое мышление», «Программа связей», «Программа подготовки кадров», «Программа предотвращения насилия», «Управление гневом и эмоциями», «Предупреждение насилия в семье» [23].

5. Представляется целесообразным создание фонда постпенитенциарной помощи, образуемого за счет отчислений из заработной платы осужденных, аналогично польскому примеру.

6. В Японии действует специальный закон «О постпенитенциарной опеке», закрепляющий ответственность Правительства за оказание ресоциализационной помощи и предусматривающий возможность поручить оказание такой помощи штатному сотруднику отдела пробации, представителю общественной организации и частному лицу, имеющему необходимое разрешение. Предложенная модель регулирования отношений в связи с ресоциализацией перспективна для создания «единой ресоциализационной экосистемы», включающей региональные экосистемы, объединяющей секторы: образование и наука, здравоохранение, общество, бизнес, государство.

Идеологические, социально-экономические, политические и иные особенности развития разных стран могут влиять на многие стороны жизни лиц, отбывающих наказание. Проведенный анализ показал, что многие страны накопили достаточный опыт в исследуемом направлении, который может быть

использован в целях разработки эффективной отечественной системы ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него.

Библиографический список

1. Южанин В. Е. Дисциплинарная ответственность заключенных в тюрьмах Англии: аналитич. обзор; М-во юстиции Рос. Федерации, Акад. права и упр. Рязань, 2004. 59 с.

2. Morris N., Rothman D. J. The Oxford history of the prison. The practice of punishment in Western society. N. Y., 1998. 400 p.

3. Gavrilovienė M. The Legal and Social Presumptions of Effectiveness of Alternative Punishments to Imprisonment. Doctoral Dissertation. Social Sciences (Law). Vilnius: Mykolas Romeris University, 2009. 223 p.

4. Recommendation No. R (92) 16 of the Committee of Ministers to Member States on the European rules on community sanctions and measures [interactive]. URL: <http://www.kdmc.lt> (accessed 01.03.2018).

5. Dermontas J. The Rehabilitation of Persons Convicted to Alternative Punishment to Imprisonment // Acta Pedagogica Vilnensia. 2005. № 5. P. 222–229.

6. Никитин А. М. Зарубежный опыт пост-пенитенциарной адаптации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы // Российская юстиция. 2013. № 8. С. 19–20.

7. Ананиан Л. Л. Когнитивно-поведенческий тренинг в реабилитации осужденных: опыт федеральной службы Канады (научно-аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и зарубеж. лит.: РЖ. Сер.: Государство и право. 1998. № 2. С. 192–231.

8. Bureau of Justice Statistics, U.S. Department of Justice. 2011. URL: <http://bjs.ojp.usdoj.gov/content/glance/tables/corr2tab.cfm>.

9. West H. C., Sabol W. J., Greenman S. J. Prisoners in 2009. Washington, DC: Bureau of Justice Statistics, U.S. Department of Justice. 2010. URL: <http://bjs.ojp.usdoj.gov/content/pub/pdf/p09.pdf>.

10. Langan P. A., Levin D. J. Recidivism of prisoners released in 1994. Washington, DC: Bureau of Justice Statistics. 2002. (Bureau of Justice Statistics Publication No. NCJ 193427). URL: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/rpr94.pdf>.

11. Visher C. A., Yahner J., La Vigne N. Life after prison: Tracking the experiences of prisoners returning to Chicago, Cleveland, and Houston. Washington, DC: Urban Institute. 2010. URL: <https://www.urban.org/sites/default/files/publication/28671/412100-Life-after-Prison-Tracking-the-Experiences-of-Male-Prisoners-Returning-to-Chicago-Cleveland-and-Houston.PDF>.

12. Greenfeld L. Examining recidivism. Washington, DC: Bureau of Justice Statistics. U.S. Department of Justice. 1985. (NCJ 96501). P. 1–7.

13. Martin S. S., Butzin C. A., Saum S. A., Inciardi J. A. Three-year outcomes of therapeutic community treatment for

drug-involved offenders in Delaware // The Prison Journal. 1999. № 79. P. 294–320.

14. Christy Visher A. and Travis Jeremy. Transitions from Prison to Community: Understanding Individual Pathways // Annual Review of Sociology. 2003. № 29. P. 89–113.

15. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пособие / под ред. и предисл. И. Д. Козочкина. М.: Омега-Л, Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова, 2003. 576 с.

16. Ансель М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике). М.: Прогресс, 1970. 312 с.

17. Кепсель К. Германский опыт привлечения общества к помощи заключенным и их последующей адаптации // В защиту прав и свобод в уголовно-исполнительной системе: сб. материалов 16-го заседания Руководящей группы Совета Европы по реформированию уголовно-исполнительной системы РФ / под общ. ред. Ю. И. Калинина. М.: Права человека, 2003. С. 66–69.

18. Хальфман И. Реабилитация заключенных – миссия «Шайдевег» // В защиту прав и свобод в уголовно-исполнительной системе: сб. материалов 16-го заседания Руководящей группы Совета Европы по реформированию уголовно-исполнительной системы РФ / под общ. ред. Ю. И. Калинина. М.: Права человека, 2003. С. 91–97.

19. Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н. Ф. Кузнецова и С. С. Беляев; пер. на рус. яз. С. С. Беляева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 320 с.

20. Виркунен Е. Финский опыт привлечения общества к оказанию помощи заключенным и в их последующей адаптации // В защиту прав и свобод в уголовно-исполнительной системе: сб. материалов 16-го заседания Руководящей группы Совета Европы по реформированию уголовно-исполнительной системы РФ / под общ. ред. Ю. И. Калинина. М.: Права человека, 2003. 128 с.

21. Хохштрассер Ф. Социальная работа в системе исполнения уголовных наказаний Швейцарской Конфедерации // Социальная работа в УИС: концепции и перспективы развития: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003. С. 115–129.

22. Канн Уэда. Преступность и криминология в современной Японии / пер. с яп.; общ. ред. и вступ. ст. Н. Ф. Кузнецова и В. Н. Ереминой. М.: Прогресс, 1989. 256 с.

23. C-STEP Cognitive Skills Program. URL: <http://www.johnhowardnl.ca/cogskills/cogSJ.HTM> (дата обращения: 01.03.2018).

References

1. Yuzhanin V. E. Distsiplinarnaya otvetstvennost' zakliuchennykh v tiur'makh Anglii: analitich. obzor;

- M-vo iustitsii Ros. Federatsii, Akad. prava i upr. [Disciplinary responsibility of prisoners in prisons in England: analytical overview; Ministry of Justice of the Russian Federation, Academy of Law and Management]. Ryazan, 2004, 59 p. [in Russian].
2. Morris N., Rothman, D. J. The Oxford history of the prison. The practice of punishment in Western society. New York, 1998, 400 p. [in English].
3. Gavrilovien M. The Legal and Social Presumptions of Effectiveness of Alternative Punishments to Imprisonment. Doctoral Dissertation. Social Sciences (Law). Vilnius: Mykolas Romeris University, 2009, 223 p. [in English].
4. Recommendation No. R (92) 16 of the Committee of Ministers to Member States on the European rules on community sanctions and measures [interactive]. Available at: <http://www.kdmc.lt> (accessed 01.03.2018). [in Lithuanian].
5. Dermontas J. The Rehabilitation of Persons Convicted to Alternative Punishment to Imprisonment. Acta Pedagogica Vilnensia, 2005, no. 5, pp. 222–229 [in English].
6. Nikitin A. M. Zarubezhnyi opyt postpenitentsiarnoi adaptatsii lits, osvobozhdaivshchikhsia iz mest lisheniia svobody [Foreign experience of post-penitentiary adaptation of persons released from places of deprivation of liberty]. Rossiiskaia iustitsiia [Russian Justitia], 2013, no. 8, pp. 19–20 [in Russian].
7. Ananian L. L. Kognitivno-povedencheskii trening v reabilitatsii osuzhdennykh: opyt federalnoi sluzhby Kanady (nauchno-analiticheskii obzor) [Cognitive-behavioral training in the rehabilitation of convicts: the experience of the Federal Service of Canada (scientific and analytical review)]. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otech. i zarubezh. lit.: RZh. Ser.: Gosudarstvo i pravo [Social and humanitarian sciences. National and Foreign literature: Rzh: Series: State and Law], 1998, no. 2, pp. 192–231 [in Russian].
8. Bureau of Justice Statistics, U.S. Department of Justice, 2011. Available at: <http://bjs.ojp.usdoj.gov/content/glance/tables/corr2tab.cfm> (accessed 01.03.2018) [in English].
9. West H. C., Sabol W. J., Greenman S. J. Prisoners in 2009. Washington, DC: Bureau of Justice Statistics, U.S. Department of Justice, 2010. (NCJ 231675). Available at: <http://bjs.ojp.usdoj.gov/content/pub/pdf/p09.pdf> [in English].
10. Langan P. A., Levin D. J. Recidivism of prisoners released in 1994. Washington, DC: Bureau of Justice Statistics. 2002 (Bureau of Justice Statistics. Publication No. NCJ 193427). Available at: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/rpr94.pdf> [in English].
11. Visher C. A., Yahner J., La Vigne N. Life after prison: Tracking the experiences of prisoners returning to Chicago, Cleveland, and Houston. Washington, DC: Urban Institute, 2010. Available at: <https://www.urban.org/sites/default/files/publication/28671/412100-Life-after-Prison-Tracking-the-Experiences-of-Male-Prisoners-Returning-to-Chicago-Cleveland-and-Houston.PDF> [in English].
12. Greenfeld L. Examining recidivism. Washington, DC: Bureau of Justice Statistics, 1985 (NCJ 96501), pp. 1–7 [in English].
13. Martin S. S., Butzin C. A., Saum S. A., Inciardi J. A. Three-year outcomes of therapeutic community treatment for drug-involved offenders in Delaware. The Prison Journal, 1999, no. 79, pp. 294–320 [in English].
14. Visher Christy A. and Jeremy Travis. Transitions from Prison to Community: Understanding Individual Pathways. Annual Review of Sociology, 2003, no. 29, pp. 89–113 [in English].
15. Ugolovnoe pravo zarubezhnykh gosudarstv. Obshchaia chast: uchebnoe posobie. Pod red. i predisl. I. D. Kozochkina [Criminal law of foreign states. General part: textbook. Edited and preface by I. D. Kozochkin]. M.: Omega-L, Institut mezhdunarodnogo prava i ekonomiki im. A. S. Griboyedova, 2003, 576 p. [in Russian].
16. Ansel M. Novaia sotsialnaia zashchita (gumanisticheskoe dvizhenie v ugolovnoi politike) [New social protection (humanistic movement in criminal policy)]. M.: Progress, 1970, 312 p. [in Russian].
17. Kepsel K. Germanskii opyt privlecheniia obshchestva k pomoshchi zakliuchennym i ikh posleduiushchei adaptatsii [German experience of involving the community in assisting prisoners and their subsequent adaptation]. In: V zashchitu prav i svobod v ugolovno-ispolnitelnoi sisteme: sbornik materialov 16-go zasedaniia Rukovodiashchei gruppy Soveta Evropy po reformirovaniu ugolovno-ispolnitelnoi sistemy RF. Pod obshchei red. Iu. I. Kalinina [In the defense of rights and freedoms in the penal system: Collected materials of the 16th meeting of the Council of Europe's Steering Group for the reform of the penitentiary system of the Russian Federation. Yu. I. Kalinin (Ed.)]. M.: Prava cheloveka, 2003, pp. 66–69 [in Russian].
18. Khalfman I. Reabilitatsiia zakliuchennykh – missiia «Shaideveg» [Rehabilitation of prisoners – mission «Scheideveg»]. In: V zashchitu prav i svobod v ugolovno-ispolnitelnoi sisteme: sbornik materialov 16-go zasedaniia Rukovodiashchei gruppy Soveta Evropy po reformirovaniu ugolovno-ispolnitelnoi sistemy RF. Pod obshchei red. Iu. I. Kalinina [In the defense of rights and freedoms in the penal system: Collected materials of the 16th meeting of the Council of Europe's Steering Group for the reform of the penitentiary system of the Russian Federation. Yu. I. Kalinin (Ed.)]. M.: Prava cheloveka, 2003, pp. 91–97 [in Russian].
19. Ugolovnyi kodeks Shvetsii. Nauchnye redaktory N. F. Kuznetsova i S. S. Beliaev; perevod na russkii iazyk S. S. Beliaeva [Criminal Code of Sweden. N. F. Kuznetsova, S. S. Belyaev (Eds.); translation into Russian S. S. Belyaev]. SPb.: Iuridicheskii tsentr Press, 2001, 320 p. [in Russian].
20. Virkunen E. Finskii opyt privlecheniia obshchestva k okazaniu pomoshchi zakliuchennym i v ikh posleduiushchei adaptatsii [Finnish experience of involving the community in providing assistance to prisoners and in their subsequent adaptation]. In: V zashchitu prav i svobod

v ugovovno-ispolnitelnoi sisteme: sbornik materialov 16-go zasedaniia Rukovodiashchei gruppy Soveta Evropy po reformirovaniu ugovovno-ispolnitelnoi sistemy RF. Pod obshechei red. Iu. I. Kalinina [In the defense of rights and freedoms in the penal system: Collected materials of the 16th meeting of the Council of Europe's Steering Group for the reform of the penitentiary system of the Russian Federation. Yu. I. Kalinin (Ed.)]. M.: Prava cheloveka, 2003, 128 p. [in Russian].

21. Khokhstrasser F. Sotsial'naia rabota v sisteme ispolneniia ugovolnykh nakazanii Shveitsarskoi Konfederatsii [Social work in the system of execution of criminal penalties of the Swiss Confederation]. In: Sotsialnaia rabota v UIC: kontseptsii i perspektivy razvitiia: Sb. mater, mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Social

work in the penal system: concepts and prospects of development: Collection of Materials of the International research and practical conference]. Ryazan: Akademiia prava i upravleniia Miniustva Rossii, 2003, pp. 115–129 [in Russian].

22. Cann Ueda. Prestupnost' i kriminologiya v sovremennoi Iaponii. Per. s iap. Obshch. red. i vstup, st. N. F. Kuznetsova i V. N. Ereminoi [Criminality and criminology in modern Japan. Translation from Japan. Under the general editorship and entry article by N. F. Kuznetsov and V. N. Eremina]. M.: Progress, 1989, 256 p. [in Russian].

23. C-STEP Cognitive Skills Program. Available at: <http://www.johnhowardnl.ca/cogskills/cogSJ.HTM>. (accessed 01.03.2018) [in English].

A. I. Rozentsvaig*

FOREIGN MODELS OF RESOCIALIZATION PRACTICES FOR PERSONS WHO HAVE SERVED CRIMINAL PUNISHMENT AND WERE RELEASED FROM IT: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS**

The article explores and evaluates the potential of penitentiary and post-penitentiary resocialization experience accumulated in foreign countries. Analyzing the programs of resocialization developed abroad, the technologies being established, approaches to determining their effectiveness. Foreign programs of resocialization, implemented by international organizations, are analyzed, as well as the approaches determining their effectiveness. It was revealed that in some foreign countries, various religious and public organizations, as well as specially created by the state for these purposes probation services, are responsible for resocializing of persons who have served their sentences and were released from it. The necessity of creating a «resocialization ecosystem», including regional ecosystems combining the following sectors: education and science, public health, society, business, state, is proved. An analysis of foreign sources has shown that many countries have accumulated sufficient experience in the research direction, which can be used in order to develop an effective national system of expirers' resocialization.

Key words: resocialization, post-penitentiary adaptation, preventive supervision, probation, unified resocialization ecosystem.

* *Rozentsvaig Anna Igorevna* (lawyeranna@mail.ru), Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** The article was prepared within the framework of social educational project № 17-1-008568 «Road map for resocialization and real inclusion in civil society of persons who served criminal sentences and were released from it (2018–2021)» using the President's grant for the development of civil society provided by the Foundation for Presidential Grants.

УДК 316.42

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-126-131

А. И. Мантарова*

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ И ОТБЫВШИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ, – ИЗ ОПЫТА БОЛГАРИИ

В статье описывается, что в Болгарии в период до 1989 года меры ресоциализации централизованно планировались, применялись повсеместно и имели очень широкий охват. В целях ресоциализации акцент делался на трудовую деятельность и повышение уровня образования в тюрьмах. Кроме того, государство оказывало содействие в трудоустройстве и решении бытовых проблем освободившихся. После 1989 года в течение длительного периода времени накапливаются факторы и процессы, ведущие к регрессу ресоциализации. Сделан вывод, что говорить о каких-либо сдвигах в положительном направлении возможно стало едва ли не десять лет назад. Обзор современной практики ресоциализации лиц, отбывающих и отбывших уголовное наказание, показывает, что, по сути, воспроизводятся применяемые десятилетия назад меры. Разница заключается лишь в форме финансирования и исполнителях. Минус, которым нельзя пренебречь, – это спорадичность действий, отсутствие устойчивости во времени. Работа по проектам ограничена по времени, и по завершении их продолжение не следует, а это именно то, что имеет ключевое значение для устойчивого достижения целей. Ограничение сферы действия – как территориально, так и в смысле охвата лиц в группе – также является характеристикой, которая должна претерпеть существенные изменения. Факт, что уровень рецидивизма гораздо выше, чем несколько десятилетий назад, показывает, что еще многое предстоит сделать в направлении ресоциализации.

Ключевые слова: лица, отбывающие и отбывшие уголовное наказание, пенитенциарное учреждение, ресоциализация, реинтеграция, общие и специализированные меры ресоциализации, государственно-частное партнерство, неправительственные организации.

Будут ли осужденные лица, отбывшие вынесенное им наказание и вышедшие на свободу, вести законопослушный образ жизни и интегрироваться в общество или через какой-то промежуток времени (малый или большой) вновь вернуться на криминальную стезю – это вопрос, ответ на который имеет решающее значение для любого общества. Вот почему во всех странах предпринимаются значительные усилия и осуществляются разнообразные действия с целью ресоциализации данных лиц. Из-за специфических рисков, затрудняющих возвращение бывших заключенных в общество, в том числе выход на рынок труда, исполнение семейных и родительских обязанностей, развитие личных навыков социальной интеграции и пр., они представляют собой уязвимую группу. Именно поэтому им необходимы особая и целенаправленная поддержка и помощь.

Ресоциализация и ее цели. Концепция ресоциализации визуирует процесс целенаправленного последовательного воздействия государства и общества на поведение лиц, отбывающих наказание или освобожденных по истечении его срока, которое направлено на преодоление последствий пенитенциарной изоляции, а также на восстанов-

ление и увеличение их ресурсов самим вести законопослушный образ жизни вместе с остальными свободными членами общества в естественной социальной среде.

Цель ресоциализации и реинтеграции отбывших наказание заключается в том, чтобы не допустить совершения ими новых преступлений. Меры ресоциализации и реинтеграции направлены на помощь лицам, освободившимся из мест лишения свободы, стать законопослушными гражданами. Некоторые из этих мер осуществляются еще в самом пенитенциарном учреждении, другие – после выхода из него. Они имеют характер дополнительной помощи (услуги) в рамках системы социальной защиты.

В практике развитых стран, в соответствии со степенью участия государства в процессе ресоциализации и реинтеграции лиц, отбывших наказание, можно выделить несколько моделей. В скандинавских странах государство не участвует напрямую. В других же странах, таких как Румыния, Нидерланды, Венгрия, Франция, Италия, Великобритания, Болгария, государство играет активную роль. Во многих странах различные меры применяются при главенствующей роли и участии

* © Мантарова А. И., 2018

Мантарова Анна Ивановна (mantarova.a.i@abv.bg), Институт изучения обществ и знания Болгарской Академии наук, Болгария, 1000, г. София, ул. Московска, 13а.

органов местной власти и неправительственных организаций.

Встречаются различные формы государственно-частного партнерства. Обычной практикой является реализация проектов, предусматривающих сотрудничество между частными организациями и частными лицами и государственными учреждениями – муниципалитетами или министерствами. Используемые меры также разнообразны. Исходя из целевой группы, они могут быть общими или специализированными. Общие ориентированы не только на отбывших наказание, а и на более широкие социальные группы, обособленные в соответствии с конкретным риском, делающим их социально уязвимыми, – бездомные, нуждающиеся в лечении, матери-одиночки, подростки с поведенческими проблемами, безработные. Этим мерам подвергаются и бывшие заключенные, поскольку они попадают в одну из групп, на которую данные меры направлены. Их включение в группу вместе с другими лицами представляет собой средство их реинтеграции. Специализированные меры направлены исключительно на лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы или освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания. Прежде всего они ориентированы на ресоциализацию.

В соответствии с целью, которую преследуют эти меры, их можно разделить на: образовательные, терапевтические и направленные на выработку и/или улучшение социальных навыков. Цель их – подготовить и облегчить процесс реинтеграции заключенных, обеспечив при этом более плавный переход между средой, в которой они отбывают наказание, и последующим их возвращением к жизни вне места заключения.

Ресоциализация до 1989 года. В период с 1948 по 1968 год в Болгарии существовал отдел Воспитательно-трудовых общежитий и тюрем, который наряду с задачами по организации службы исполнения наказаний в отношении осужденных также выполнял и функции ресоциализации. Помимо воспитательной работы в тюрьмах, он оказывал содействие в трудоустройстве и решении бытовых проблем освобожденных. В целях ресоциализации с течением времени акцент сместился на трудовую деятельность в тюрьмах, и их производственная база и трудовая занятость заключенных значительно возросли, что, по сути, давало ресоциализирующий эффект: у осужденных появилась возможность приобрести профессиональные умения и получить трудовые навыки, которые после выхода из тюрьмы помогали им найти работу. Постепенно достигается полная занятость осужденных в трудовой деятельности. Кроме того, во всех тюрьмах открываются школы, которые позволяют осужденным повысить свой образовательный уровень [1].

К концу 60-х годов XX века создается широко развернутая система дифференциации различных категорий осужденных. Создаются общежития

для заключенных открытого и полужакрытого типа как более либерального варианта по отношению к лицам, лишенным свободы, отличного от используемого в учреждениях закрытого типа. Рецидивисты изолируются в отдельные учреждения.

После 1980 года начинается формирование психологической службы при тюрьмах и создается направление «Подготовка к жизни на свободе». Конституируется Научно-методический совет по работе в местах лишения свободы, который в значительной степени способствует развитию пенитенциарной психологии и педагогики и внедрению их достижений на практике. Интенсивно совершенствуется диагностическая, консультативная и коррекционная работа с заключенными, развивается художественная самодеятельность, культурная и спортивная деятельность. Расширяется система пенитенциарной помощи и контроля. Все это способствует достижению низкого уровня рецидивов среди освобожденных – между 15 и 18 % в период с 1970 по 1990 год [2, с. 81].

В общем, можно сказать, что отличительной особенностью мер ресоциализации в этот период является то, что они централизованно планированы и методически ориентированы, применяются повсеместно и имеют очень широкий охват.

Новый социально-культурный контекст.

В 1989 году в стране происходят политические перемены, которые прокладывают путь реформам для осуществления перехода от централизованной плановой экономики и однопартийной политической системы к рыночной экономике и политическому плюрализму. Однако проводимые реформы имеют сложные и противоречивые последствия, оставляют после себя множество нерешенных вопросов и половинчатых решений. Они обусловлены неолиберальными идеями полного устранения государства от регулирования экономикой. Страна вступает в период глубокого кризиса, происходит резкое падение промышленного и сельскохозяйственного производства, безработица достигает высокого уровня, реальные доходы резко падают. Для больших групп населения жесткие экономические реалии в буквальном смысле выводят на первый план вопрос о физическом выживании. Государственные структуры повсеместно дестабилизированы, в обществе наступает аномия. Происходит ценностная дезориентация и распад устоявшейся системы ценностей.

Перемены оказывают и определенное негативное влияние на криминогенную ситуацию. В конце 80-х годов XX века Болгария – одна из стран с самым низким уровнем преступности в Европе (663 зарегистрированных преступления на 100 тыс. человек). С начала же 90-х годов XX века ситуация резко меняется. И хотя изменение методики регистрации преступлений в 1991 году не позволяет провести точное сравнение, мнение экспертов, что реальный рост преступности – более чем в три с половиной раза [3, с. 82]. Новый значительный скачок

почти в 25 % был отмечен в 1997 году, когда зарегистрированные преступления достигли цифры 2872 на 100 тыс. человек. Реальная картина виктимизации дополняется высокой скрытой преступностью, о которой говорят эмпирические исследования.

Драматическая экономическая ситуация в сочетании с изменившимися функциями государства в значительной степени способствует маргинализации этнической группы цыганского населения. В связи с низким уровнем образования и массовой занятостью в ликвидированных сельскохозяйственных кооперативах и перерабатывающем производстве цыгане массово остаются без работы и гарантированных доходов. Среди них резко возрастает криминальная активность, которая превосходит в несколько раз аналогичную среди других этнических групп. Анализ массовой криминальной преступности указывает на резкие различия в этническом плане. Статистические данные об этнической принадлежности совершивших преступления установленных лиц весьма внушительны [4, с. 221]. Дисбаланс воспроизводится и среди несовершеннолетних [5, с. 38].

К сожалению, маргинализация цыган и исключение большинства из них из рынка труда продолжает воспроизводиться. Их устойчивыми характеристиками остаются: низкий уровень образования, массовая неграмотность, отсутствие какой-либо профессиональной квалификации. Ликвидация Строительных войск лишает эту группу возможности приобретения профессиональной квалификации, что становится огромной проблемой.

В то же время система социальной защиты, особенно в отношении людей с низким уровнем образования и без профессиональной квалификации, не стимулирует поиски работы. Таким образом, значительные группы не приобретают никаких трудовых навыков, и это становится ежедневным препятствием при их интеграции в общество. А альтернативой отсутствия трудового дохода служит преступная деятельность.

Как часть целого комплекса реформ в обществе осуществляется и ряд реформ, затрагивающих правовую систему, порядок исполнения наказаний и другие виды деятельности в тюрьмах. Нормативные и структурные реформы базируются на принципах демократизации и гуманизации исполнения наказаний. Создаются новые Правила применения Закона об исполнении наказаний и Концепция воспитательной работы с заключенными. Но в целом перемены, предпринятые в первые несколько лет, характеризуются конъюнктурностью, противоречивостью и эклектикой. Упор на ресоциализацию, особенно в первое десятилетие времени перемен, по целому ряду причин (очень основательных, в том числе и финансовых) находит слабую реализацию.

Современные задачи ресоциализации. Задачи, связанные с ресоциализацией, во многом определяются профилем правонарушителей и отбывающих наказания в виде лишения свободы.

Единодушно мнение, что значительная часть из них неграмотна или с очень низким уровнем образования, без определенной профессии и трудовых навыков. Более того, около двух третей всех заключенных неграмотны. По мнению экспертов, на практике после выхода на свободу бывшие заключенные массово отказываются заняться поисками работы, а многие из них рассчитывают прожить на социальные выплаты [6].

Очевидно, что приоритетные проблемы, стоящие перед значительной частью группы отбывших наказание, – это отсутствие или низкий уровень образования, отсутствие профессиональной квалификации, низкий уровень медицинской грамотности, отсутствие источника средств к существованию, а иногда и места жительства после выхода на свободу. Поэтому ресоциализация должна включать в себя механизмы и средства оказания помощи в решении подобных проблем: социальную и психологическую помощь при реинтеграции, содействие в получении образования, профессиональную ориентацию и помощь при переквалификации, медицинские консультации и т. д.

Реальная картина преступности, характеристики социальной среды и контингента отбывающих наказание в тюрьмах указывают на растущую потребность в массовой и эффективной деятельности в сфере ресоциализации. Однако на практике в течение длительного периода времени накапливаются факторы и процессы, ведущие к регрессу ресоциализации, осуществляемой в тюрьмах. Постепенно разрушается производственная база, а вместе с ней и возможности получения квалификации и трудовых навыков. По финансовым причинам, несмотря на ухудшение образовательной структуры заключенных, закрываются почти все школы при тюрьмах. От общего их количества остаются только две. Значительно сокращается и число организованных профессиональных курсов для лиц, лишенных свободы. Предложение толковых программ и мероприятий по ресоциализации сходит на нет. Большая часть людей просто сидят в своих камерах и ничего не делают, полностью теряя все приобретенные профессиональные и трудовые навыки.

Говорить о каких-либо сдвигах в положительном направлении возможно стало едва ли не лет десять назад. Главное управление исполнения наказаний начинает работать в партнерстве с различными государственными и муниципальными учреждениями и неправительственными организациями. Создаются общественные органы – наблюдательные комиссии при местных органах власти, которым наряду с выполнением определенных функций контроля за процессом исполнения наказаний приходится иметь дело и с проблемами вышедших на свободу заключенных, а также содействовать их ресоциализации и реинтеграции.

При финансовой поддержке по разным направлениям, по существу, воспроизводятся существова-

вшие ранее виды деятельности в тюрьмах – трудовая деятельность, обучение (общеобразовательное и профессиональное), оказание помощи после освобождения из мест принудительного содержания.

Восстанавливается практика, при которой лица, лишённые свободы, работают. Положительным примером является тюрьма в Белене [7]. Там созданы ферма и цех по переработке молока. Ожидается, что в процесс производства молочных продуктов будут вовлечены около 45 заключённых (общее число заключённых колеблется около 550 человек). Помимо животноводства, на острове Персин развивается и растениеводство. Заключённые выращивают разнообразные овощи, ухаживают за плодовыми деревьями. За свой труд они получают зарплату, а 2 рабочих дня приравнены к 3 дням тюремного заключения.

В Бойчиновцах, где расположено исправительное учреждение для несовершеннолетних, тоже развивается сельское хозяйство. В границах комплекса разбито экспериментальное поле, на котором выращиваются помидоры, картофель, лук и кукуруза.

Что касается образовательной деятельности в тюрьмах, то за последние три года открыты учебные центры во всех тюрьмах [8]. Около 20 % всех заключённых – это учащиеся [9]. В Белене открыт филиал средней школы города Ловеча, в котором обучаются 60 человек (из 550 в данной тюрьме). В тюрьме города Варны 64 человека начали посещать учебные занятия в группах с 1 по 4 класс. В Бойчиновцах в процесс обучения вовлечены все находящиеся там несовершеннолетние – 43 человека. Усиливается и профессиональное обучение, которое позволяет дальнейшую реализацию по истечении срока наказания. Проводится обучение по таким специальностям, как маляр, повар и др.

Новой практикой являются внедрение государственно-частного партнерства и растущая активность неправительственных организаций путем реализации различных проектов в данном направлении.

Проект «Центр ресоциализации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, "Рестор"» предназначен отбывшим наказание и вышедшим из тюрьмы и осуществляется в рамках Оперативной программы «Развитие людских ресурсов». Центр предоставляет набор услуг, ориентированных на приоритетные потребности целевой группы: социально-психологическую поддержку для успешной адаптации к жизни вне тюрьмы; развитие жизненных навыков; формирование уверенности в личностном росте.

Это реализуется путем:

– *наставничества* – каждому члену группы выделяется персональный наставник (ментор), который оказывает эмоциональную поддержку, персональное шефство и помогает в практическом ориентировании в реальной жизни – бывшие заключённые помогают преодолевать негативные барьеры в повседневной жизни (размещение,

транспорт, связь с учреждениями, поиск работы, медицинское страхование и т. д.). Наставник проводит по 4 часа в неделю в течение первых 6 месяцев и занимается одновременно параллельно с 3–4 лицами;

– *индивидуального консультирования с психологом* – 2–3 раза в неделю по 1 часу в течение шести месяцев;

– *групповых занятий* (тренинги, беседы, группы взаимопомощи и пр.), модерлируемых психологом, для преодоления чувства ненужности и одиночества, а также для выработки уверенности в себе, обмена идеями, информацией.

Включены следующие виды деятельности: обучение, консультирование и содействие при решении социальных проблем, предоставление юридических консультаций; образовательная поддержка – профессиональное ориентирование и помощь в получении профессиональной квалификации; медицинское консультирование, направление в соответствующее медицинское учреждение, санитарное просвещение; предоставление питания и проживания в гостинице – для 20 человек сроком от 3 до 6 месяцев; проведение курсов (300 уч. часов) для получения профессиональной подготовки – поваров и строителей.

Некоторые проекты реализуются и внутри мест заключения, и для вышедших на свободу. Один из них – «Путь – начать вновь» Фонда «Миссия Спасение», финансируемый Норвежским финансовым механизмом (2009–2014). Фонд работает в партнерстве с Главным управлением исполнения наказаний, Центральной Софийской тюрьмой и Общежитием заключённых в Казичене. Целью проекта является содействие процессу ресоциализации до освобождения и после освобождения лиц, лишённых свободы. Он включает мероприятия по повышению мотивации для старта собственного бизнеса, получению предпринимательских навыков, управлению личными и корпоративными финансами. Принимая во внимание важность семейных отношений, которые помогают личности, мотивируют ее и изолируют от криминогенного влияния, упор делается на совместную работу с семьями. Реализуется это при помощи художественных методов, таких как изящные и прикладные искусства, пение и танцы. Целью арт-деятельности является укрепление семейных связей и оказание при помощи искусства воздействия на систему ценностей путем устранения псевдоценностей.

Проект, который реализуется в местах заключения, называется «Через обучение к ресоциализации» (он осуществляется в тюрьме города Софии и общежитии в Казичене). Его исполнение возложено на государственное предприятие «Фонд тюремного дела/Фонд затворно дело – болг.». Перед собой он ставит цель – повысить компетентность заключённых посредством обучения, адаптированного к их конкретным потребностям, чтобы улучшить их ресоциализацию после освобождения из

мест лишения свободы и, таким образом, повысить качество их жизни. В рамках проекта были разработаны адаптированные образовательные и профессионально ориентированные учебные программы для лиц, лишенных свободы. Обучение прошли 188 человек. Обучение включает несколько модулей:

- мотивационное обучение на тему: «Навыки для интеграции на рынке труда»;
- социальная медиация на тему: «Социальное посредничество – Медиация»;
- ключевые компетенции на тему: «Компьютерная грамотность и знания в области информационных технологий».

Проект «Свобода за решеткой» объединения „Молодежный форум 2001–Разград“ предназначен персоналу тюрьмы в городе Плевене и лицам, отбывающим там наказание в виде лишения свободы. Среди перечня видов деятельности присутствуют и такие, как:

- обучение инструкторов из числа сотрудников тюрьмы по вопросам применения специализированных программ по ресоциализации лиц, совершивших преступления;
- обмен опытом между сотрудниками в местах лишения свободы и работающими в ключевых учреждениях и НПО трех городов – Велико-Тырново, Враца и Варна;
- разработка специализированных программ с целью перевоспитания трех уязвимых групп, находящихся в тюрьме: цыган и других групп этнических меньшинств, наркозависимых лиц и людей с ограниченными возможностями;
- обучение представителей уязвимых групп из числа лиц, лишенных свободы, способных содействовать процессу социальной адаптации и интеграции в общество.

Для обеспечения устойчивого воздействия на целевые группы конкретных мер по проекту упор делается на предусмотренное обучение персонала тюрьмы и на изданные «Руководство по подготовке специалистов, работающих в местах принудительного содержания» и «Пособие со специальными программами для работы с лицами, осужденными к лишению свободы».

В этом направлении существуют и другие проекты, такие как реализуемые объединением «Альтруист» в тюрьме в городе Варне, проекты Ассоциации реинтеграции осужденных лиц, Центра поддержки осужденных лиц АРОЛ и другие.

Выводы. Обзор практики ресоциализации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, и лиц, уже освободившихся, показывает, что нынешняя практика, в преобладающей своей части, по сути, воспроизводит применяемые десятилетия назад меры. Разница заключается лишь в форме финансирования и исполнителях. Новые формы, механизмы и инструменты отражают перемены, наступившие в социальной среде и общественных отношениях. Переносится зарубежный опыт, ко-

торый, однако, не является принципиально иным, а в некоторых случаях он и не вполне адекватен среде и социальным субъектам в нашей стране. Минус, которым нельзя пренебречь, – это спорадичность действий, отсутствие устойчивости во времени. Работа по проектам ограничена по времени, и по завершении их продолжение не следует, а это именно то, что имеет ключевое значение для устойчивого достижения целей. Ограничение сферы действия – как территориально, так и в смысле охвата лиц в группе – также является характеристикой, которая должна претерпеть существенные изменения. Более того, социальная макросреда не особо благоприятствует стимулированию поведения в соответствии с правовой нормой. Тот факт, что уровень рецидивизма гораздо выше, чем несколько десятилетий назад, показывает, что еще многое предстоит сделать в направлении ресоциализации.

Библиографический список

1. URL: <https://www.24chasa.bg/Article/2393678> (дата обращения: 15.03.2018).
2. Трайков Здр. Криминологическая политика болгарского государства в области уголовного правоприменения в годы переходного периода // Материалы круглого стола, посвященного 20-летию Болгарской ассоциации криминологии. София, 2008. С. 79–91.
3. Bulgaria (1995). Human Development Report. UNDP, 1995.
4. Мантарова А. Этнические аспекты преступности в Болгарии и Македонии // Болгария – Македония: проблемы европейской интеграции / сост. и ред. К. Кертиков. София: Институт социологии Болгарской академии наук, 2002. С. 217–232.
5. Анализ зарегистрированных и наказанных преступлений в 1999 и 2000 годах / Высшая кассационная прокуратура. София, 2001.
6. URL: <http://legalworld.bg/38040.osvobodенitezatvornici-ne-tyrseli-rabota-a-iskali-socialni-pomoshti.html> (дата обращения: 15.03.2018).
7. URL: <https://dariknews.bg/novini/biznes/zatvornici-shte-proizvezhdат-mlechni-produkti-po-svetovni-standarti-2002074> (дата обращения: 15.03.2018).
8. URL: <https://www.24chasa.bg/Article/2393678> (дата обращения: 15.03.2018).
9. URL: <https://www.24chasa.bg> (дата обращения: 15.03.2018).
10. Василев П. Оценка эффективности работы мест лишения свободы // Тюремные дела. 1981. № 1–2.
11. Петрова М. Социальная работа в местах лишения свободы – природа, содержание, формы // Реформа пенитенциарной социальной политики. София, 2001.
12. Предов Т. Ресоциализация преступников-рецидивистов. София, 1980.

References

1. Available at: <https://www.24chasa.bg/Article/2393678> (accessed 15.03.2018) [in Bulgarian].
2. Traykov Zdr. Kriminologicheskaia politika bolgarskogo gosudarstva v oblasti ugolovnogopravoprimeneniia v gody perekhodnogo perioda [The Criminological Policy of the Bulgarian State in the Field of Criminal Enforcement in Transition Years]. In: Materialy kruglogo stola, posviashchennyi 20-letiiu Bolgarskoi assotsiatsii kriminologii [Proceedings of the round table dedicated to the 20th anniversary of the Bulgarian Criminological Association]. Sofia, 2008, pp. 79–91 [in Russian].
3. Bulgaria (1995). Human Development Report. UNDP, 1995 [in English].
4. Mantarova A. Etnicheskie aspekty prestupnosti v Bolgarii i Makedonii [Ethnic aspects of crime in Bulgaria and Macedonia]. In: Kertikov K. (Complier and Editor) Bolgariia – Makedoniia: problemy evropeiskoi integratsii [Bulgaria – Macedonia: problems of European integration]. Sofia: Institut sotsiologii Bolgarskoi akademii nauk, 2002, pp. 217–232 [in Russian].
5. Analiz zaregistrirovannykh i nakazannykh prestuplenii v 1999 i 2000 godakh [Analysis of the registered and punished crime in 1999 and 2000]. Supreme Cassation Prosecutor's Office. Sofia, 2001 [in Russian].
6. Available at: <http://legalworld.bg/38040.osvobodenitezatvornici-ne-tyrseli-rabota-a-iskali-socialni-pomoshti.html> (accessed 15.03.2018) [in Bulgarian].
7. Available at: <https://dariknews.bg/novini/biznes/zatvornici-shte-proizvezhdat-mlechni-produkti-po-svetovni-standarti-2002074> (accessed 15.03.2018) [in Bulgarian].
8. Available at: <https://www.24chasa.bg/Article/2393678> (accessed 15.03.2018) [in Bulgarian].
9. Available at: <https://www.24chasa.bg> (accessed 15.03.2018) [in Bulgarian].
10. Vasilev P. Otsenka effektivnosti raboty mest lisheniia svobody [Assessment of the effectiveness of work in the places of imprisonment]. *Zatvorno delo*, 1981, no. 1–2 [in Bulgarian].
11. Petrova M. Sotsialnaia rabota v mestakh lisheniia svobody – priroda, sodержanie, formy [Social work in places of imprisonment – nature, content, forms]. In: Reforma penitentsiarnoi sotsial'noi politiki [Reform of the penitentiary social policy]. Sofia, 2001 [in Russian].
12. Predov T. Resotsializatsiia prestupnikov-retsidivistov [Resocialization of criminals-recidivists]. Sofia, 1980 [in Russian].

A. I. Mantarova*

RESOCIALIZATION OF PERSONS SERVING OR HAVING SERVED PRISON SENTENCES (FROM THE EXPERIENCE OF BULGARIA)

In the period before 1989, resocialization policy emphasized resocialization through labour and improving the educational level of persons in prison. In addition, the state organs provided assistance to ex-prisoners in finding employment and in dealing with their housing problems. The distinctive characteristics of resocialization measures during that period were their being centrally planned, conducted under a unified methodical supervision, applied uniformly in all cases, and their very broad scope.

After 1989, during a long period of time, certain factors and tendencies accumulated in such a way as to cause regress of resocialization activities. Only in the last ten years we can identify some positive changes. An overview of resocialization of persons serving, or having served prison sentences shows that most of the current practices copy the measures used decades ago. The differences lie in their form of funding and their implementers. A negative, and by no means negligible, feature is that activities are sporadic and not sustained in time. Project-based work is of limited duration and is discontinued after the conclusion of the project, though its continuation is of key importance for long-term achievement of the objectives. The scope of the measures is limited in terms of territory and the range of persons encompassed. This feature must be changed significantly. The fact that the rate of recidivism is considerably higher now than thirty years ago shows that there is much room for improvement with regard to resocialization.

Key words: persons serving or having served prison sentences, penitentiary, resocialization, reintegration, general and specific resocialization measures, public-private partnership, non-governmental organizations.

---

* *Mantarova Anna Ivanova* (mantarova.a.i@abv.bg), Institute of Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, 13a, Moskovska Street, Sofia, 1000, Bulgaria.

УДК 343.85

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-132-137

О. Н. Ежова*

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Статья посвящена рассмотрению существующих в зарубежных странах подходов к процессу возвращения заключенного в социум после освобождения из мест лишения свободы. В ней анализируются внешние и внутренние причины, мешающие успешной ресоциализации осужденных.

В результате проведенного анализа автор выделяет факторы, способствующие успешности процесса ресоциализации заключенных, среди которых главное место занимает социальная работа.

С учетом опыта зарубежных стран сделан вывод о необходимости долгосрочных целевых программ для эффективной ресоциализации определенных групп осужденных. Осужденные должны получать реальную и адресную помощь, причем не только после освобождения, но и во время отбывания ими наказания в виде лишения свободы.

Выводы, сформулированные в статье, могут быть использованы при создании программ ресоциализации осужденных в отдельных учреждениях уголовно-исполнительной системы или в социальных общественных организациях, а также при разработке нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность всей отечественной пенитенциарной системы.

Ключевые слова: ресоциализация, осужденный, социальная работа, освобождение по временной лицензии, институт менторства, финансовая грамотность.

Термин «ресоциализация» означает повторную попытку человека стать полноправным членом правового общества, так как первая попытка (обозначается термином «социализация») оказалась неудачной по ряду субъективных и объективных причин в том смысле, что преступление – это конфликт с обществом.

В отношении осужденных этот процесс начинается не с момента их освобождения из мест лишения свободы, а гораздо раньше – с момента их попадания в исправительные учреждения, и представляет собой сложный процесс, затрагивающий собой когнитивную, эмоциональную и поведенческую сферы их личности.

Причины, мешающие успешной ресоциализации осужденных, можно разделить на две группы – внешние (объективные) и внутренние (личностные).

К внешним причинам можно отнести:

- отсутствие жилья и прописки;
- проблемы с трудоустройством (недостаточный выбор рабочих мест и нежелание работодателей принимать на работу людей, имеющих судимость);
- отсутствие средств для существования (низкая оплата труда за низкоквалифицированный труд);
- влияние представителей криминального общества на осужденного и стремление сохранить это влияние после освобождения;
- отсутствие слаженного взаимодействия (преемственности) в работе исправительных учрежде-

ний, колоний-поселений (в случае замены части срока на другие условия содержания), уголовно-исполнительных инспекций (в случае условно-досрочного освобождения), органов исполнительной власти муниципального образования, в котором будет проживать осужденный после освобождения, центров занятости и негосударственных общественных организаций.

К группе факторов, осложняющих ресоциализацию осужденных, можно отнести и то, что административный надзор за осужденными после освобождения осуществляется только при условии условно-досрочного освобождения, а за осужденными, полностью отбывшими назначенный им судом срок, которые, как правило, имеют низкий уровень правового сознания, надзора нет, что создает дополнительный риск рецидива.

К личностным причинам относятся:

- отсутствие специальности и уровня образования, необходимых, в соответствии с требованиями современного общества, для получения высокооплачиваемой работы;
- отсутствие опыта законного трудоустройства или неудачи при попытках устроиться на работу;
- проблемы со здоровьем, включая различные виды зависимостей и психических отклонений (почти треть осужденных нуждается не только в помощи психолога, части из них необходима психиатрическая помощь);

* © Ежова О. Н., 2018

– разрыв социальных связей осужденного с внешним миром (отсутствие семьи, друзей, родственников или их потеря);

– утрата умений и навыков ориентироваться в изменчивом мире;

– отсутствие знаний о тех процессах, которые происходят в обществе, и качествах, умениях и навыках, которые необходимы человеку для успешной адаптации к социуму, в котором он будет жить;

– изменение мотивационно-ценностной сферы личности осужденного под влиянием криминальной субкультуры;

– негативный опыт, связанный с насилием или социальной изоляцией.

Интересна практика иностранных государств, которая связана с нейтрализацией факторов, препятствующих успешной ресоциализации осужденных (заключенных).

Анализ программ ресоциализации осужденных (заключенных), разработанных в Германии, Норвегии и Нидерландах [1, с. 17–23], позволил сделать вывод о том, что эффективность этого процесса во многом зависит от того, оказывается или нет помощь осужденным в течение первых лет жизни после их освобождения из мест лишения свободы.

Как показывает современная российская практика, процесс ресоциализации, в основу которого положен только надзор за заключенным, контроль за его поведением, а оказание какой-либо действительной помощи не предполагается, обречен на неудачу. Подтверждением данного вывода служит тот факт, что свыше 50 % осужденных в исправительных учреждениях уже были ранее судимы (и этот показатель в России растет). В то же время для большинства зарубежных стран характерен сравнительно постоянный удельный вес осужденных рецидивистов (примерно 30 %) [2, с. 98].

Возможен вывод, что наилучшие результаты были получены с применением долгосрочных программ, в рамках которых осужденные получали реальную и адресную помощь, причем не только после освобождения, но и во время отбывания ими наказания в тюрьме. Программа должна быть ориентирована на существующую проблему заключенного, поэтому должен быть различный подход для ресоциализации определенных групп заключенных (имеющих психические отклонения, наркозависимых, не имеющих образования или специальности, женщин с детьми и т. д.).

Например, эффективность процесса ресоциализации в Федеративной Республике Германии объясняется следующими его особенностями [3, с. 22–54]:

1. Акцент делается на социальной работе, направленной на разрешение внешних причин рецидива преступлений. Социальная помощь заключается в оказании целенаправленной помощи лицам, имеющим проблемы с жильем, образованием, работой, зависимостью.

2. Социальная помощь носит комплексный (разветвленная сеть социальных учреждений) и непрерывный характер, в ней участвуют как государственные (финансируемые Министерством юстиции), так и негосударственные (финансируемые путем благотворительных взносов) организации, к которым относятся: социальные службы уголовно-исполнительных учреждений; специальные организации, которые оказывают помощь преступникам, которые осуждены условно; образовательные учреждения, в которых осужденные получают общую и профессиональную подготовку; консультационные пункты, в которых оказывают помощь осужденным, имеющим зависимость от наркотических и других психоактивных веществ; различные общественные организации, образованные религиозными конфессиями (римская католическая церковь (международный союз Каритас – германское отделение), евангелистская церковь (организация Диаконишес Верк в округе Крефельд) и др.), политическими партиями (например, социал-демократы создали благотворительную организацию по труду) и иными общественными организациями (Германский паритетный благотворительный союз и др.).

3. Комплекс мероприятий, целью которых является помощь условно осужденным: юридического характера (консультации); психологической направленности (помощь психолога, групповая работа, тренинги (например, «Жизнь без насилия» для осужденных, склонных к насильственным преступлениям)); социального характера (трудоустройство, обеспечение жильем, переквалификация, помощь и обучение планированию и ведению хозяйства, формирование умений и навыков, позволяющих успешно адаптироваться к социуму); воспитательная работа, стимулирующая преступника на сотрудничество с судом, примирение с потерпевшим, соблюдение закона.

4. Социальная помощь подозреваемым и обвиняемым на этапе судебного разбирательства, цель которой – выяснение обстоятельств совершения преступления и участие в принятии решения о возможности применения альтернативных мер наказания.

5. Социальная работа в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы, выполняется штатом социальных работников. Кроме того, сотрудники тюрьмы в процессе своей подготовки в обязательном порядке получают умения и навыки организации социальной работы с осужденными (этому посвящен отдельный спецкурс). Общественные организации также оказывают осужденным социальную помощь. Цель социальной помощи заключается в поддержании связи осужденного с внешним миром, она различается на разных этапах отбывания осужденным своего наказания (при поступлении в тюрьму, в ходе отбывания им наказания и в процессе подготовки к

освобождению). При этом государственные и общественные организации не дублируют, а дополняют друг друга. Контроль за этим осуществляют сотрудники Министерства юстиции.

А. Д. Денисов считает, что успешность ресоциализации во многом зависит от того, насколько у осужденного во время отбывания наказания сохраняется связь с внешним миром [4]. В своей работе он ссылается на следующий опыт зарубежных стран:

– для положительно зарекомендовавших себя осужденных существует возможность при определенных условиях покинуть исправительное учреждение. В Англии это делается с целью осуществления определенной деятельности, которую невозможно осуществить в месте отбывания наказания (так называемое «освобождение по временной лицензии»), кроме того, существует еще одна возможность: если заключенный не использовал большое количество свиданий, то он может подать прошение на проведение свидания, продолжительностью равного всему сэкономленному времени, на свободе;

– в Финляндии заключенным также разрешены выезды (отпуска), во время которых они покидают место, где отбывают наказание, а свидания с родственниками разрешены всегда;

– в Таиланде в рамках ежегодного проведения акции, которая носит название «Открытые двери», осужденный на протяжении недели может без ограничения общаться с родственниками.

Также следует дополнить, что в Англии для оказания помощи заключенным в процессе ресоциализации создан институт менторства. Функция этого института – помочь человеку в решении проблем, возникающих после освобождения из мест лишения свободы. К этой работе активно привлекаются как волонтеры, так и социальные работники.

В Монголии начиная с 2003 г. социальной работе с осужденными также стали уделять большое внимание. Цель социальной работы – формирование у осужденных умений и навыков жить в современном обществе самостоятельно [5, с. 38].

В Казахстане с этой целью организованы центры социальной реабилитации и адаптации, куда осужденные после освобождения могут обращаться за помощью.

Во Франции проблемой ресоциализации заключенных после освобождения при государственной поддержке занимаются многочисленные общественные организации.

Основные факторы, от которых зависит успех процесса ресоциализации – это обеспеченность жильем, трудоустройство и мотивация осужденных что-либо менять в своей жизни.

Проблема жилья в зарубежных странах решается по-разному. В некоторых странах муниципальные власти предоставляют заключенному после освобождения из мест лишения свободы временное жилье.

В ФРГ у осужденных, не имеющих собственного жилья, после освобождения из мест лишения свободы имеется возможность жить в переходном доме (срок проживания не превышает 18 месяцев). Для женщин, а также мужчин, которым не хватило места в переходном доме, снимаются квартиры.

В Азербайджанской Республике если у осужденного отсутствует собственное жилье, то после освобождения из мест лишения свободы он обеспечивается временным жильем. Эта возможность закреплена законодательно [6].

В Японии также законом закреплено функционирование общежитий, в которых осужденным предоставляется возможность временного проживания [7, с. 17].

Решение вопроса с трудоустройством также имеет свои особенности.

В Швейцарии, чтобы повысить шансы заключенного на рынке труда после освобождения, в исправительных учреждениях создаются небольшие производственные предприятия, которые налогом частично не облагаются [8, с. 26–27].

Содействие в трудоустройстве заключенным после освобождения оказывается во многих странах. Значение помощи в трудоустройстве трудно переоценить. От нее зависит возможность формирования у осужденного после освобождения законопослушного поведения (законное получение средств для существования; повышение самооценки; снижение уровня тревоги и неопределенности в жизни).

Существует еще ряд вопросов, которым следует уделять пристальное внимание при подготовке осужденного к освобождению из мест лишения свободы. Для успешной ресоциализации у осужденных необходимо сформировать умения и навыки планирования жизни. Для этого необходимо провести следующую работу:

– информирование осужденных о событиях и изменениях, проходящих в социуме, об особенностях функционирования определенных социальных институтов;

– программы по формированию у осужденных финансовой грамотности, от которой во многом зависит эффективность всего процесса ресоциализации (успешно реализовываются в Англии, США, Эфиопии), которые предполагают возможность получения бесплатной консультации (специалисты в режиме онлайн, телефонное консультирование, индивидуальное консультирование, информирование), участие в тренингах, обучение на курсах.

Финансовая грамотность должна включать в себя знания о налогах, о порядке получения пособий и компенсаций, умения и навыки производить операции со своими счетами (для заключенных открывались собственные счета в банках).

Целевые программы ресоциализации необходимы людям пожилого возраста, женщинам с

детьми, инвалидам, осужденным, которым требуется медицинская и психиатрическая помощь.

Обобщая опыт успешной ресоциализации заключенных в зарубежных странах, можно сделать следующие выводы, которые могут быть применены в нашей стране:

1. Исправление осужденных возможно путем их вовлечения в такие виды деятельности, как трудовая, учебная, игровая деятельность и общение. Осужденный должен быть максимально занят. В целях вовлечения в трудовую деятельность в исправительных учреждениях можно создавать небольшие производственные предприятия со льготным налогообложением или увеличить государственный заказ, который обеспечит занятость осужденным, позволит им зарабатывать денежные средства, необходимые им после освобождения, и будет способствовать развитию экономики страны.

2. Необходимо привлекать к оказанию социальной помощи осужденным общественные организации. В связи с тем, что эти организации могут иметь помимо социальной помощи еще и криминальные цели, а исправительное учреждение является режимным, то эти организации должны предварительно проходить тщательную проверку, а для усиления контроля за их деятельностью на территории исправительного учреждения следует увеличить количество начальников отрядов. В настоящее время на одного начальника отряда приходится от 60 до 100 осужденных, а в соответствии с Приказом Минюста РФ от 30 декабря 2005 г. № 259 количество осужденных в отряде в зависимости от вида режима и численности осужденных должно быть в пределах 50–100 человек [9]. Такое наполнение отрядов затрудняет эффективность воспитательной работы начальника отряда с осужденными (оптимальное количество людей в группе, работа с которыми будет эффективной, составляет 25–30 человек).

3. За полгода до освобождения нужно осуществлять обучение осужденных, делая акцент на формировании у них социальных навыков и финансовой грамотности.

4. На законодательном уровне следует закрепить функционирование общежитий, в которых осужденным после освобождения из мест лишения свободы будет предоставляться возможность временного проживания в течение 6 месяцев при условии, что осужденный осуществляет попытки трудоустроиться.

5. Рекомендуется создать социальный институт, в рамках которого по принципу института менторства будет оказываться осужденным после освобождения помощь в решении их проблем, с активным участием в этой деятельности волонтеров. Эту функцию могут также выполнять и общественные организации при условии государственной поддержки.

6. Коммерческим организациям, которые готовы трудоустроить освободившихся из мест лише-

ния свободы, необходимо предоставлять определенные льготы.

Однако следует учитывать тот факт, что нельзя человека насильно сделать счастливым, а также нельзя заставить человека стать полноправным членом социума, соблюдать законы, честно трудиться, если он этого не захочет. В связи с этим не стоит переоценивать возможности мер, направленных на ресоциализацию осужденного, так как ответственность за свою жизнь может принять только сам осужденный. Без его участия все усилия государства и общества будут тщетны.

Человек стремится адаптироваться именно к той среде, социальные позиции которой совпадают с его собственными. Поэтому для успешной ресоциализации важно, чтобы осужденный увидел для себя преимущества законопослушного поведения.

Библиографический список

1. Пенитенциарные системы и пенитенциарные реформы в зарубежных странах: аналитический обзор / сост. А. Овсянникова, Э. Россман. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 42 с.
2. Ежова О. Н. Рецидивная преступность как угроза безопасности общества // Пенитенциарное право и пенитенциарная безопасность: теория и практика: материалы III Международной научно-практич. конф. / под общ. ред. Р. А. Ромашова. 2013. С. 97–102.
3. Андреев Н. А., Морозов В. М., Ковалев О. Г., Дебольский М. Г., Морозов А. М. Ресоциализация осужденных в пенитенциарных учреждениях ФРГ (социально-психологический аспект): учеб. пособие. М.: Права человека, 2001. 182 с.
4. Денисов А. Д. Опыт некоторых зарубежных стран в ресоциализации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы // Вестник Университета. 2014. № 12. С. 253–256.
5. Наваан Гантулга. Социальная работа в учреждениях по отбыванию наказания в виде лишения свободы в Монголии: ее особенности и актуальные проблемы // Ресоциализация осужденных в условиях развития гражданского общества: сб. материалов Международной научно-практич. конф. (11–12 декабря 2014 г.). Киров: ФКОУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России, 2014. С. 38–47.
6. О социальной адаптации лиц, освобожденных от наказания в пенитенциарных учреждениях: закон Азербайджанской Республики от 31 мая 2007 года № 353-III (с изм. от 15.11.2011) // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=17629 (дата обращения: 17.02.2018).
7. Гришко А. Я. Постпенитенциарная адаптация: опыт зарубежных стран // Ресоциализация осужденных в условиях развития гражданского общества: сб. материалов Международной научно-практич. конф. (11–12 декабря 2014 г.). Киров:

ФКОУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России, 2014. С. 16–17.

8. Латышева Л. А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 29 с.

9. Об утверждении положения об отряде осужденных исправительного учреждения Федеральной службы исполнения наказаний: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30 декабря 2005 г. № 259 (с изм. от 15.08.2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2018).

References

1. Penitentsiarnye sistemy i penitentsiarnye reformy v zarubezhnykh stranakh: analiticheskii obzor. Sost. A. Ovsyannikova, E. Rossman [Penitentiary systems and penitentiary reforms in foreign countries: an analytical review. Compilers A. Ovsyannikova, E. Rossman]. M.: Tsentr strategicheskikh razrabotok, 2017, 42 p. [in Russian].

2. Ezhova O. N. Retsidivnaia prestupnost' kak ugroza bezopasnosti obshchestva [Recurrent criminality as a threat to the security of society]. In the collected book: Penitentsiarnoe pravo i penitentsiarnaia bezopasnost: teoriia i praktika: materialy III mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pod obshchei redaktsiei R. A. Romashova [Penitentiary Law and Penitentiary Security: Theory and Practice: materials of the III International Research and Practical Conference. R. A. Romashov (Ed.)], 2013, pp. 97–102 [in Russian].

3. Andreev N. A., Morozov V. M., Kovalev O. G., Debol'sky M. G., Morozov A. M. Resotsializatsiya osuzhdennykh v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh FRG (sotsial'no-psikhologicheskii aspekt): ucheb. posobie [Resocialization of convicts in the penitentiary institutions of Germany (socio-psychological aspect): textbook]. M.: «Pravacheloveka», 2001, 182 p. [in Russian].

4. Denisov A. D. Opyt nekotorykh zarubezhnykh stran v resotsializatsii lits, osvobozhdaemykh iz mest lisheniya svobody [The experience of some foreign countries in the re-socialization of persons released from places of deprivation of liberty]. Vestnik Universiteta [Bulletin of the University], 2014, no. 12, pp. 253–256 [in Russian].

5. Navaan Gantulga. Sotsialnaia rabota v uchrezhdeniyakh po otbyvaniyu nakazaniia v vide lisheniia svobody v Mongolii: ee osobennosti i

aktualnye problemy [Social work in penitentiaries in the form of imprisonment in Mongolia: its features and current problems]. In: Resotsializatsiia osuzhdennykh v usloviakh razvitiia grazhdanskogo obshchestva: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (11–12 dekabria 2014 g.) [Resocialization of convicts in conditions of development of civil society: collection of materials of the International research and practical conference (December 11–12, 2014)]. Kirov: FKOUDPO Kirovskii IPKR FSIN Rossii, 2014, pp. 38–47 [in Russian].

6. O sotsialnoi adaptatsii lits, osvobozhdenykh ot nakazaniia v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh: zakon Azerbaidzhanskoi Respubliki ot 31 maia 2007 goda №353-IIIГ (s izm. ot 15.11.2011) [Elektronnyi resurs] [On the social adaptation of persons released from punishment in penitentiary institutions: the law of the Republic of Azerbaijan dated May 31, 2007 No. 353-IIIГ (as amended on November 15, 2011)]. In: Zakonodatelstvo stran SNG [Legislation of CIS countries]. Available at: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=17629 (accessed 17.02.2018) [in Russian].

7. Grishko A. Ya. Postpenitentsiarnaia adaptatsiia: opyt zarubezhnykh stran [Post-penitentiary adaptation: the experience of foreign countries]. In: Resotsializatsiia osuzhdennykh v usloviakh razvitiia grazhdanskogo obshchestva: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (11–12 dekabria 2014 g.) [Resocialization of convicts in conditions of development of civil society: collection of materials of the International research and practical conference (December 11–12, 2014)]. Kirov: FKOUDPO Kirovskii IPKR FSIN Rossii, 2014, pp. 16–17.

8. Latsheva L. A. Problemy resotsializatsii osuzhdennykh k lisheniiu svobody: ugovovno-ispolnitelnyi i kriminologicheskii aspekty: avtoref. dis ... kand. iurid. nauk [Problems of resocialization of prisoners to the deprivation of liberty: criminal-executive and criminological aspects: author's abstract of Candidate's of Juridical Sciences thesis]. Ekaterinburg, 2015, 29 p. [in Russian].

9. Ob utverzhdenii polozheniia ob otriade osuzhdennykh ispravitel'nogo uchrezhdeniia Federalnoi sluzhby ispolneniia nakazanii: prikaz Ministerstva iustitsii Rossiiskoi Federatsii ot 30 dekabria 2005 g. № 259 (s izm. ot 15.08.2016) [On approval of the provision on detachment of convicted penitentiaries of the Federal Penitentiary Service: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated December 30, 2005 № 259 (as amended 15.08.2016)]. Available at legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 17.02.2018) [in Russian].

FOREIGN EXPERIENCE OF THE ORGANIZATION OF THE PROCESS OF RESOSCALIZATION OF A SENTENCED TO IMPRISONMENT

The article is devoted to the consideration of existing approaches in foreign countries to the process of returning a prisoner to society after being released from places of deprivation of liberty. The article analyzes external and internal reasons that interfere with successful resocialization of convicts.

As a result of the analysis, the author identifies factors that contribute to the success of the process of resocialization of prisoners, among which social work is the main place.

For the effectiveness of re-socialization of certain groups of convicts, targeted programs are needed.

The conclusions formulated in the article can be used both in the development of re-socialization programs for convicts in certain institutions of the penitentiary system or in social public organizations, and in the development of regulatory and legal framework regulating the activities of the entire domestic penitentiary system.

Key words: resocialization, prisoner, social work, exemption under a temporary license, institute of mentoring, financial literacy.

---

* *Ezhova Olesya Nikolaevna* (e-olesja2008@mail.ru), Department of Penitentiary Psychology and Pedagogics, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 24 v, Ryl'skaya Street, Samara, 443022, Russian Federation.

Трибуна Молодого Ученого

УДК 343.238

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-138-141

*Д. М. Семенова****К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПОВТОРНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

В статье рассматриваются проблемы дифференциации уголовной ответственности за повторно совершенные преступления. Анализируются положения уголовного законодательства в части регламентации ответственности за совокупность преступлений. На основе исследования положений действующего законодательства, судебной практики, данных судебной статистики делается вывод об отсутствии внутренней систематизации института множественности преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации в действующей редакции и несоответствии этого института принципам справедливости, неотвратимости ответственности. Следовательно, необходим дифференцированный подход к случайным и профессиональным преступникам. В заключение формулируются предложения по совершенствованию Уголовного кодекса Российской Федерации в целях обеспечения оптимальной дифференциации уголовной ответственности за множественность преступлений.

Ключевые слова: уголовная политика, повторная преступность, повторное преступление, дифференциация уголовной ответственности, множественность преступлений, совокупность преступлений.

Проблема множественности преступлений – одна из острейших в теории уголовного права и правоприменительной практике. Трудности установления множественности преступлений и выбора ее правовых последствий порождаются рядом объективных и субъективных факторов. К объективным обстоятельствам следует отнести отсутствие достоверных данных о не впервые совершенных преступлениях, необоснованное и непоследовательное изменение уголовной политики государства в связи с рецидивной преступностью, а также несовершенство регламентации норм об уголовной ответственности за совершение двух и более преступных деяний одним лицом, к субъективным – недостаточно внимательное отношение правоприменителей к институту множественности преступлений.

Согласно статистическим сведениям о состоянии судимости, многие лица привлекаются к уголовной ответственности не за одно преступление. Так, в 2012 году из 739 278 осужденных – 34 % (254 279 человек), в 2013 году из 735 340 – 34 % (250 245 осужденных), в 2014 году из 719 305 осужденных – 34 % (241 765 человек) [3], в 2015 году из 733 607 осужденных – 32 % (239 794 человека) [4], в 2016 году

из 740 380 осужденных – 30 % (221 250 человек) [1] и в первом полугодии 2017 года – 32 % осужденных имели неснятую или непогашенную судимость при совершении повторного преступного деяния.

По данным МВД РФ, в 2016 году сотрудниками органов внутренних дел выявлено за год 1 016 000 лиц, совершивших преступления. Каждое второе (54 %) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления, из них ранее судимые за преступление составили 49,8 %.

Достоверность официальных статистических данных многие ставят под сомнение, поскольку используемые формально-юридические критерии: впервые совершенное преступление, повторное преступление и рецидив преступлений, – имеют измененный объем содержания, по сравнению с соответствующими фактическими данными. Так, в статье 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) рецидивом для целей уголовной ответственности признается лишь часть фактического рецидива. Это подтверждает уместность гипотезы, что настоящие данные о рецидивной преступности значительно выше тех, которые отражены в официальной статистике. В целях более точного соответствия реальности в настоящей статье в

---

* © Семенова Д. М., 2018

Семенова Диана Михайловна (5500diana@mail.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

качестве базового понятия, характеризующего множественность преступлений, используется понятие повторного преступления (соответственно, повторной преступности) вместо рецидива преступлений (соответственно, рецидивной преступности).

Под влиянием различных тенденций уголовной политики, включая курс на уменьшение числа лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, УК РФ изменяется с ориентиром на выравнивание пределов уголовной ответственности лиц, совершивших преступления впервые, и тех, у кого в содеянном есть признаки множественности преступлений. Однако высокий уровень повторной преступности указывает на кризисное состояние уголовной политики государства, и при таких обстоятельствах нельзя отказываться от идеи усиления уголовной ответственности лиц, повторно совершающих преступления [7]. Как представляется, в условиях высоких показателей повторной преступности актуализируется задача дифференциации ответственности за множественность преступлений.

Основанием усиления уголовной ответственности выступает повышенная общественная опасность повторных преступлений и личности виновного (кумулятивный эффект, накопление опасности личности). Соответственно, вызывает сомнение обоснованность такой же дифференциации уголовной ответственности (с направлением усиления) в отношении одновременного выполнения одним лицом нескольких преступлений, то есть идеальной совокупности преступлений [9]. В уголовном праве повторно совершенные преступления, как и одновременно свершенные, обычно определяются с применением одного понятия – совокупности преступлений.

Дифференциация уголовной ответственности в условиях множественности преступлений возможна путем изменения пределов окончательного наказания за множественность преступлений либо способом изменения пределов санкции статьи Особенной части УК РФ, в которой тот или иной вид множественности может быть предусмотрен в качестве обстоятельства, усиливающего наказание [8].

Согласно ч. 1 ст. 17 УК РФ, не образует совокупность преступлений совершение двух или более преступлений, если на это прямо указано в статьях Особенной части в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Иными словами, совокупность преступлений исключается, если имеется единичное преступление с учтенной совокупностью [9]. В последнем случае квалификация преступления осуществляется с одной ссылкой на одну статью УК РФ. Напротив, при совокупности преступлений каждое из деяний получает самостоятельную квалификацию по соответствующим статьям Особенной части УК РФ.

Использование в УК РФ конструкции составов с учтенной совокупностью преступлений ослож-

няет практику квалификации преступлений и назначения наказания, поскольку спорной является сама идея вынесения составов с учтенной совокупностью преступлений за рамки множественности преступлений.

Например, следуя буквальному толкованию статьи 17 УК РФ, убийство, сопряженное с разбоем, следует рассматривать как пример преступления с учтенной совокупностью. Однако судебная позиция иная. В пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1 определено: «Убийство, сопряженное с разбоем, квалифицируется по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в совокупности со статьей УК РФ, предусматривающей ответственность за разбой» (аналогичные правила квалификации предложены для вымогательства, похищения человека, бандитизма, изнасилования).

Следует отметить, что Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ в УК РФ введены составы преступлений, в которых квалифицирующим признаком, повышающим общественную опасность, названо умышленное причинение смерти другому лицу (п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, ч. 4 ст. 206 УК РФ, ч. 3 ст. 281 УК РФ). Для целей квалификации данных преступлений Верховный Суд РФ выработал противоположный подход. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» закреплено, что «в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам), содеянное охватывается пунктом «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 105 УК РФ не требует». Захват заложника и диверсию, сопряженные с умышленным лишением жизни, в судебной практике квалифицируют так же – как учтенную законом совокупность преступлений. Различный подход к схожим правовым ситуациям представляется недопустимым.

Большое удивление вызывает, что смежные преступления в виде похищения человека и захвата заложника, будучи сопряженными с убийством, получают разную уголовно-правовую оценку и за их совершения наступают разные правовые последствия.

Если в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ выделен квалифицирующий признак убийства двух лиц, то для подавляющего числа умышленных преступлений не предусмотрена дифференциация уголовной ответственности с учетом направленности преступления против нескольких потерпевших [6]. Верховный Суд РФ сформировал позицию, согласно которой деяния в отношении нескольких потерпевших не образуют совокупность преступлений, даже если данное обстоятельство не предусмотрено статьями Особенной

части УК в качестве признака, повышающего пределы наказания. Так, переqualificировав действия С. со ст. 317 УК РФ, ст. 317 УК РФ на ст. 317 УК РФ, Верховный Суд РФ разъяснил: «Действия виновного, связанные с посягательством на жизнь нескольких сотрудников милиции, совершенные с одной целью, в одном месте и без разрыва во времени, образуют единое преступление и подлежат квалификации по одной статье (ст. 317 УК РФ)».

Использование законодателем санкций с чрезмерно широкими пределами наказания и, следовательно, предоставление суду право почти неограниченного усмотрения актуализирует проблему регламентации ответственности за совершение преступлений в отношении нескольких потерпевших.

Следующий вопрос связан с тем, что уголовно-правовые последствия совершения нескольких преступлений до осуждения не дифференцируются в зависимости от их характера (тождественности, нетождественности).

Федеральными законами от 21 ноября 2003 г. и от 7 декабря 2011 г. в основном унифицированы принципы и правила назначения наказания за множественность преступлений. В случае совокупности преступлений предусмотрена возможность применения метода поглощения при определении окончательного наказания, если совершены преступления небольшой и средней тяжести, а также если имели место приготовление или покушение на тяжкие или особо тяжкие преступления. Значит, лицо, совершившее несколько таких тождественных преступлений до осуждения, несет ответственность в рамках той же санкции, что и лицо, совершившее одно преступление. Однако общественная опасность совокупности преступлений вбирает общественную опасность входящих в нее преступлений и, как представляется, повторение преступлений является признаком профессионализации преступника. В данном случае назначение наказания за совокупность тождественных преступлений методом полного поглощения нивелирует значение взаимосвязи преступлений и снижает превентивное значение наказания. Нарушается принцип справедливости, поскольку лицо отвечает за несколько преступлений так же, как другое лицо за одно преступление [10]. Более того, при назначении наказания методом поглощения лицо *de facto* освобождается от ответственности за некоторые из совершенных преступлений (когда их больше двух).

Считаем, регламентация дифференцированного порядка назначения наказания по видам совокупности преступлений (тождественных и нетождественных) в уголовном законе необходима для назначения соразмерного наказания степени общественной опасности совершенных деяний.

Будучи социальным явлением, множественность преступлений свидетельствует об особой опасности взаимосвязанных преступлений и повышенной опасности личности преступника.

В целях обеспечения эффективной диффе-

ренциации уголовной ответственности с учетом общественной опасности форм множественности преступлений считаем необходимым:

1. Усилить ответственность за повторное совершение преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи УК РФ.

2. Восстановить с закреплением в УК РФ дифференцированный порядок назначения наказания с учетом вида рецидива.

3. Расширить круг преступлений с квалифицирующим или особо квалифицирующим признаком специального рецидива.

4. Исключить вмешательство правоприменителя в процесс дифференциации ответственности, в том числе при множественности преступлений.

В заключение отметим, что назрела необходимость большой научной дискуссии, результатом которой станет одобренная экспертами и отраженная в Уголовном кодексе Российской Федерации концепция дифференциации уголовной ответственности за множественность преступлений.

Библиографический список

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3578> (дата обращения: 16.01.2018).
2. Статистические сведения по показателю «Доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу» за 2013 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2356> (дата обращения: 10.10.2017).
3. Сводный отчет о составе осужденных, месте совершения преступления за 12 месяцев 2014 года. URL: <http://usd.sam.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=320> (дата обращения: 12.10.2016).
4. Сводный отчет о составе осужденных, месте совершения преступления за 2015 г. URL: <http://usd.sam.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=455> (дата обращения: 16.01.2018).
5. Гишинский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: курс лекций. СПб.: Питер, 2002. 384 с.
6. Кленова Т. В. Роль Федерального закона от 21 ноября 2003 г. в противодействии множественности преступлений. URL: [http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/klenova\(8-02-05\).htm](http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/klenova(8-02-05).htm) (дата обращения: 10.01.2017).
7. Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000. 119 с.
8. Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности // Журнал российского права. 1998. № 9. С. 55–56.

9. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб и доп. М.: НОРМА, 2000. 400 с.
10. Мельникова Ю. Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск: Издательство Краснояр. ун-та, 1989. 120 с.

References

1. Svodnye statisticheskie svedeniia o sostoianii sudimosti v Rossii za 2016 god. Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude RF. Dannye sudebnoi statistiki [Summary statistics on the status of criminal record in Russia for 2016. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial statistics]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3578> (accessed 16.01.2018) [in Russian].
2. Statisticheskie svedeniia po pokazatelii «Dolia lits, ranee osuzhdavshikhsia za sovershenie prestuplenii, v obshchem kolichestve lits, osuzhdennykh na osnovanii obvinitelnykh prigovorov, vstupivshikh v zakonnuu silu» [Statistical information on the indicator «The proportion of persons previously convicted of crimes in the total number of people convicted on the basis of convictions that entered into force» for 2013]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2356> (accessed 10.10.2017) [in Russian].
3. Svodnyi otchet o sostave osuzhdennykh, meste soversheniia prestupleniia za 12 mesiatsev 2014 goda [Summary report on the composition of convicts, the crime scene for the period of 12 months of 2014]. Available at: <http://usd.sam.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=320> (accessed 12.10.2016) [in Russian].
4. Svodnyi otchet o sostave osuzhdennykh, meste soversheniia prestupleniia za 2015 g. [Summary report

on the composition of convicts, the crime scene for 2015]. Available at: <http://usd.sam.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=455> (accessed 16.01.2018) [in Russian].

5. Gilinsky Ya. I. Kriminologiya. Teoriia, istoriia, empiricheskaia baza, sotsialnyi kontrol. Kurs lektsii [Criminology. Theory, history, empirical base, social control. Lecture course]. SPb.: Piter, 2002, 384 p. [in Russian].

6. Klenova T. V. Rol' Federal'nogo zakona ot 21 noiabria 2003 g. v protivodeistvii mnozhestvennosti prestuplenii [The role of the Federal Law dated November 21, 2003 in counteracting the multiplicity of crimes]. Available at: [http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/klenova\(8-02-05\).htm](http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/klenova(8-02-05).htm) (accessed 10.01.2017) [in Russian].

7. Vasilevsky A. V. Differentsiatsiia ugolovnoi otvetstvennosti i nakazaniia v Obshchei chasti ugolovnogo prava: dis. ... kand. iurid. nauk [Differentiation of criminal responsibility and punishment in the General Part of Criminal Law: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Yaroslavl, 2000, 220 p. [in Russian].

8. Kostareva T. A. Differentsiatsiia ugolovnoi otvetstvennosti [Differentiation of criminal responsibility]. Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law], 1998, no. 9, pp. 55–56 [in Russian].

9. Lesnievski-Kostareva T. A. Differentsiatsiia ugolovnoi otvetstvennosti. Teoriia i zakonodatel'naia praktika. 2-e izd., pererab i dop. [Differentiation of criminal responsibility. Theory and legislative practice. 2nd edition, revised and enlarged]. M.: NORMA, 2000, 400 p. [in Russian].

10. Mel'nikova Yu. B. Differentsiatsiia otvetstvennosti i individualizatsiia nakazaniia [Differentiation of responsibility and individualization of punishment]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoiar. un-ta, 1989, 120 p. [in Russian].

D. M. Semenova*

ON THE ISSUE OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR REPEATED CRIMES

The article deals with problems of differentiation of criminal responsibility depending on the social danger forms of multiple offenses. Conception of differentiation of responsibility is defined. Provisions of the existing criminal legislation are analyzed based on responsibility for the repeated crime and recidivism. The norms of the current legislation, judicial practice, judicial statistics are examined and noticed that the regulation of criminal responsibility in the Criminal Code contradicts to the forms of multiple crimes, and not according to the principles of humanism, justice, and the inevitability of punishment. The conclusion about expediency of a differentiated approach to casual and professional criminals is made. In conclusion, proposals for the reform of Criminal Code of the Russian Federation are formulated in order to ensure the optimal differentiation of criminal responsibility, taking into account public danger forms of multiple offenses.

Key words: differentiation of responsibility, multiple offenses; criminal policy, repeated crimes, recidivist.

* *Semenova Diana Mikhailovna* (5500diana@mail.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

УДК 340

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-142-147

Е. И. Уголькова*

ПРАВО ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИКО-САНИТАРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАК НЕОБХОДИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИХ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

В статье анализируются понятие и содержание права осужденных к лишению свободы на охрану здоровья и медико-санитарное обеспечение, его законодательное регулирование, международные рекомендации, а также проблемы обеспечения данного права с учетом ресоциализации осужденных в исправительных учреждениях. Автором были проанализированы статистические данные ФСИН России; осуществлен обзор обращений осужденных, лиц, содержащихся под стражей, и их родственников во ФСИН России за 2017 год по рассматриваемым вопросам; выявлены недостатки уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации; даны конкретные предложения по его совершенствованию. По мнению автора, состояние здоровья осужденных влияет на их поведение и может являться причиной нарушения требований режима. Данные обстоятельства необходимо учитывать в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы. Однако в настоящее время УИК РФ должным образом не урегулировал правовое положение осужденных, имеющих заболевания. Вид заболевания и другие индивидуальные характеристики осужденных не всегда учитываются законодателем.

Ключевые слова: осужденные, исправительные учреждения, правовое положение осужденных, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, ресоциализация осужденных к лишению свободы.

Процесс ресоциализации осужденных к лишению свободы включает в себя не только повышение культурного и образовательного уровня, нейтрализацию негативных социально-психологических явлений, связанных с условиями изоляции, но и реализацию прав и законных интересов осужденных, и, в первую очередь, права на охрану здоровья.

Осужденные к лишению свободы наравне с гражданами Российской Федерации имеют право на охрану здоровья и медицинскую помощь, предусмотренное ст. 41 Конституции РФ, что нашло отражение в ч. 6 ст. 12 УИК РФ. Данное право относится к основным правам осужденных, но недостаточно гарантировано и не реализуется в полном объеме в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы.

Согласно ч. 6 ст. 12 УИК РФ, осужденные имеют право на охрану здоровья, включая получение первичной медико-санитарной и специализированной медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических или стационарных условиях в зависимости от медицинского заключения.

На наш взгляд, такая формулировка имеет недостатки, поскольку сужает положения Конституции РФ, а также не учитывает ст. 101 УИК РФ, регулиующую медико-санитарное обеспечение осужденных к лишению свободы. В связи с этим

предлагаем внести изменения в ч. 6 ст. 12 УИК РФ и изложить ее в следующей редакции:

«Осужденные имеют право на охрану здоровья и медицинскую помощь, включая надлежащие условия содержания, а также получение первичной медико-санитарной и специализированной медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических или стационарных условиях в зависимости от медицинского заключения».

Реализация данного конституционного права является одной из важнейших функций государства. Каждый человек имеет неотъемлемое право на охрану здоровья, и это право является одним из приоритетных в системе конституционных прав граждан. В местах лишения свободы закон обязывает администрацию исправительных учреждений выполнять установленные санитарно-гигиенические и противоэпидемические требования, обеспечивающие охрану здоровья осужденных. Администрация несет ответственность за их выполнение (ч. 3 ст. 101 УИК РФ).

В соответствии с международными рекомендациями охрана здоровья осужденных предполагает гуманные условия содержания, включая сбалансированное питание, доступ к чистой питьевой воде, свежему воздуху, достаточное пространство для проживания, санитарно-гигиенические условия, чистоту и уборку помещений, отопление,

* © Уголькова Е. И., 2018

Уголькова Елена Ивановна (7801956@mail.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Российская Федерация, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1.

естественное и искусственное освещение, вентиляцию, одежду, постельные принадлежности, предметы первой необходимости и гигиены, возможность прогулок [1, с. 290–311]. Также важно, чтобы осужденные имели возможность заниматься осмысленной трудовой деятельностью, в том числе умственной, поддерживать контакты с внешним миром, что способствует процессу социальной адаптации в период отбывания наказания и после освобождения.

В соответствии с нормами уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации осужденным к лишению свободы предоставляется материально-бытовое обеспечение, включая установленные законом нормы жилой площади в расчете на одного человека, индивидуальные спальные места, постельные принадлежности, питание.

В исправительных учреждениях осужденные обеспечиваются одеждой по сезону (с учетом пола и климатических условий), индивидуальными средствами гигиены (минимум мылом, зубной щеткой, зубной пастой (зубным порошком), туалетной бумагой), средствами личной гигиены (для женщин), одноразовыми бритвами (для мужчин) (ст. 99 УИК РФ).

На основании ст. 88 УИК РФ осужденные к лишению свободы могут приобретать продукты питания и предметы первой необходимости. Осужденные, находящиеся в лечебных исправительных учреждениях, инвалиды первой или второй группы, могут приобретать продукты питания и предметы первой необходимости за счет средств, имеющих на их лицевых счетах, без ограничения.

Перечень продуктов питания и предметов первой необходимости, запрещенных к продаже осужденным, а также их количество устанавливаются Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений [2].

Осужденные к лишению свободы вправе получать посылки, передачи и бандероли. По медицинским показаниям больные осужденные, инвалиды первой или второй группы могут получать дополнительные посылки и передачи в количестве и ассортименте, определяемых медицинским заключением.

Посылки, передачи и бандероли с лекарственными средствами и предметами медицинского назначения, получаемыми осужденными в соответствии с медицинским заключением, не включаются в общее количество посылок, передач и бандеролей, установленных УИК РФ. Они направляются в медицинскую часть исправительного учреждения для лечения соответствующих осужденных (ст. 90 УИК РФ).

Государство гарантирует, что независимо от согласия осужденных они не могут быть подвергнуты медицинским, научным или иным опытам, связанным с испытанием лекарственных средств, новых методов диагностики, профилактики и ле-

чения заболеваний, проведением биомедицинских исследований (ч. 3 ст. 12 УИК РФ).

Условия изоляции негативно влияют на психическое и физическое здоровье человека, поэтому осужденным в местах лишения свободы предоставляется право на психологическую помощь, оказываемую сотрудниками психологической службы исправительного учреждения и иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи (ч. 6.1 ст. 12 УИК РФ). В соответствии с данной нормой участие осужденных в мероприятиях, связанных с оказанием психологической помощи, осуществляется только с их согласия. Однако с такой позицией законодателя согласиться нельзя, поскольку без оказания психологической помощи невозможна коррекция поведения осужденных, их ресоциализация. Работа с психологом и участие в психологических тренингах должны относиться к основным средствам исправления осужденных, что необходимо закрепить в ч. 2 ст. 9 УИК РФ.

Осужденным беременным женщинам, а также осужденным женщинам во время родов и в послеродовой период оказывается специализированная медицинская помощь (ч. 4 ст. 100 УИК РФ).

Согласно ст. 101 УИК РФ, медико-санитарное обеспечение осужденных к лишению свободы включает лечебно-профилактическую и санитарно-профилактическую помощь, которая организуется и предоставляется в соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений и законодательством Российской Федерации.

В уголовно-исполнительной системе для медицинского обслуживания осужденных организуются лечебно-профилактические учреждения (больницы общего профиля, специализированные психиатрические и туберкулезные больницы) и медицинские части, а для содержания и амбулаторного лечения лиц, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией, – лечебные исправительные учреждения.

Порядок организации оказания медицинской помощи осужденным в исправительных учреждениях, а также организации медицинского обеспечения при перемещении осужденных регулируется Приказом Минюста России от 28.12.2017 № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» [3].

Так, в соответствии с указанным актом оказание медицинской помощи осужденным осуществляется структурными подразделениями (филиалами) медицинских организаций, подведомственных ФСИН России, а при невозможности оказания медицинской помощи в медицинских организациях уголовно-исполнительной системы – в медицинских организациях государственной и муниципальной системы здравоохранения.

Ведомственный контроль качества и безопасности медицинской деятельности в медицинских организациях уголовно-исполнительной системы осуществляет ФСИН России.

Осужденные направляются:

в ведомственные медицинские организации для оказания медицинской помощи в стационарных условиях;

в лечебные исправительные учреждения – для оказания медицинской помощи в амбулаторных условиях больным туберкулезом, алкоголизмом и наркоманией;

в исправительные учреждения, при которых организованы дома ребенка, – для оказания медицинской помощи осужденным беременным женщинам и женщинам, совместно с которыми находятся дети в возрасте до трех лет.

В исправительные учреждения, при которых организованы дома ребенка, для оказания медицинской помощи направляются из СИЗО осужденные беременные женщины (в том числе несовершеннолетние), желающие сохранить беременность, и женщины (в том числе несовершеннолетние), совместно с которыми содержатся дети в возрасте до трех лет.

Оказание медицинской помощи детям осуществляется в доме ребенка, а при отсутствии возможности медицинская помощь оказывается в медицинских организациях.

Осужденным к лишению свободы первичная медико-санитарная помощь в амбулаторных условиях оказывается в медицинской части (здравпункте) или в процедурных кабинетах медицинской части, расположенных в режимных корпусах тюрем, в штрафном изоляторе (ШИЗО), дисциплинарном изоляторе (ДИЗО), в помещении камерного типа (ПКТ), едином помещении камерного типа (ЕПКТ), в запираемых помещениях строгих условий отбывания наказания (медицинские кабинеты), при их наличии, в соответствии с режимом работы медицинской части (здравпункта).

Вызов в исправительные учреждения медицинского работника, бригады скорой медицинской помощи, организация медицинской эвакуации осужденных в часы, когда режимом работы медицинской части (здравпункта) не предусмотрено нахождение в ней медицинских работников, осуществляются дежурным помощником начальника исправительного учреждения.

В случае невозможности оказания медицинской помощи в одном из структурных подразделений ведомственной медицинской организации осужденные направляются в другие структурные подразделения медицинской организации уголовно-исполнительной системы или иные медицинские организации, где такая медицинская помощь может быть оказана.

Осмотр медицинским работником медицинской организации уголовно-исполнительной системы

осужденных, содержащихся в одиночных камерах, ШИЗО, ДИЗО, ПКТ, ЕПКТ, запираемых помещениях строгих условий отбывания наказания, выполнение назначений врача (фельдшера) производится: в рабочие дни ежедневно – во время покамерных обходов или в медицинской части (медицинском кабинете); в выходные и праздничные дни – в медицинской части (медицинском кабинете) при обращении этих лиц за медицинской помощью к любому сотруднику дежурной смены исправительного учреждения или при наличии назначений врача (фельдшера).

Лекарственные препараты осужденным на руки не выдаются. Прием лекарственных препаратов осуществляется только в присутствии медицинского работника.

Медицинскими работниками осуществляется обязательный медицинский осмотр перед переводом осужденных в ПКТ, ЕПКТ, одиночные камеры, водворением в ШИЗО, ДИЗО, по результатам которого выдается медицинское заключение о возможности их содержания в запираемом помещении строгих условий отбывания наказания, одиночной камере, ШИЗО, ДИЗО, ПКТ, ЕПКТ.

При обращении осужденного с жалобами на наличие телесных повреждений, травм и отравлений, а также при выявлении медицинским работником или другим сотрудником исправительного учреждения видимых признаков телесных повреждений, травм и отравлений, после оказания необходимой медицинской помощи медицинским работником составляется заключение о медицинском освидетельствовании на наличие телесных повреждений, травм и отравлений.

Организация проведения профилактических медицинских осмотров в целях выявления туберкулеза осуществляется на основании приказа территориального органа ФСИН России с указанием сроков и графика его проведения, подготовительных мероприятий и ответственных лиц.

При подозрении на наличие у осужденного психического расстройства и расстройства поведения такие лица осматриваются врачом-психиатром, который знакомится с материалами личного дела и медицинской документацией пациента с целью выявления сведений об имеющихся психических расстройствах и фактах направления на судебно-психиатрическую экспертизу.

При обострении (декомпенсации) психического расстройства осужденного он направляется для оказания медицинской помощи в стационарных условиях в специализированную больницу медицинской организации уголовно-исполнительной системы или иную медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

После завершения лечения осужденный по прибытии в исправительное учреждение должен осматриваться врачом-психиатром.

В ведомственных медицинских организациях медицинская помощь в стационарных условиях

осужденным оказывается в больницах, а также в специализированных отделениях при медицинских частях.

Об экстренной или плановой госпитализации, завершении лечения, осуществлении внутрибольничного перевода осужденных медицинским работником медицинской организации уголовно-исполнительной системы информируется дежурный помощник начальника исправительного учреждения.

Осужденные с признаками стойкой утраты трудоспособности в установленном порядке подлежат направлению на медико-социальную экспертизу.

Осужденные, страдающие болезнями, включенными в перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, подлежат обязательно медицинскому освидетельствованию [4].

По данным ФСИН России на 1 апреля 2018 года, в структуре 67 медико-санитарных частей ФСИН России функционируют 664 медицинских части, 157 фельдшерских и 56 врачебных здравпунктов, 55 центров медицинской и социальной реабилитации, 73 центра санитарно-эпидемиологического надзора, 144 больницы (в том числе 5 специализированных психиатрических больниц и 65 туберкулезных больниц), 73 военно-врачебные комиссии [5].

Необходимо отметить, что глава 16 УИК РФ не регулирует порядок и условия исполнения (отбывания) наказания в лечебных исправительных учреждениях, данный вопрос относится к законодательным пробелам и требует правовой регламентации.

В случаях отказа осужденного к лишению свободы от приема пищи и возникновения угрозы его жизни закон допускает принудительное питание осужденного по медицинским показаниям (ч. 4 ст. 101 УИК РФ).

Обзор обращений осужденных, а также лиц, содержащихся под стражей, и их родственников за 2017 год во ФСИН России показал, что медицинское обеспечение в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, установление или подтверждение группы инвалидности, освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью относятся к основным поставленным вопросам. Количество таких обращений за указанный период составило 7261, что свидетельствует об их увеличении на 0,9% по сравнению с 2016 годом [6].

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 14.10. 2010 №1772-р. (ред. от 23.09.2015) [7], в сфере оказания медицинской помощи осужденным предусматривает:

– приведение деятельности медицинской службы уголовно-исполнительной системы в соответствие с основными концептуальными направлениями развития системы здравоохранения в стране;

– участие в реализации государственных программ, приоритетного национального проекта в сфере здравоохранения Российской Федерации;

– увеличение финансирования на медицинское обеспечение осужденных к лишению свободы до уровня подушевого норматива финансирования, устанавливаемого программой государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи;

– приведение материально-технического оснащения медицинских частей, лечебно-профилактических учреждений, обеспечивающих государственный санитарно-эпидемиологический надзор на объектах уголовно-исполнительной системы, в соответствие с условиями и требованиями, установленными в сфере здравоохранения Российской Федерации, а также укрепление и развитие сети санитарно-гигиенических и бактериологических лабораторий;

– при участии ведущих научно-исследовательских организаций в области здравоохранения разработку и внедрение современных методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации наиболее распространенных заболеваний среди лиц, содержащихся в местах принудительной изоляции, с целью снижения уровня их заболеваемости, инвалидности, смертности;

– формирование системы мер для повышения мотивации у осужденных к лишению свободы здорового образа жизни, создание для этого необходимых условий в исправительных учреждениях.

В сфере обеспечения прав и законных интересов осужденных Концепция предусматривает:

– обеспечение незамедлительного проведения необходимых мероприятий по фиксации медицинскими работниками полученных осужденными телесных повреждений, а также направление сотрудниками исправительных учреждений материалов в компетентные органы с объяснениями пострадавших и очевидцев;

– создание максимальных условий для нахождения осужденных в дневное время вне камерных помещений исходя из возможностей исправительных учреждений;

– обеспечение получения осужденными информации о своем здоровье, включая ознакомление с медицинской документацией и получение консультаций врачей-специалистов медицинских организаций государственной и муниципальной системы здравоохранения исходя из положений федерального законодательства Российской Федерации;

– разработка механизма правовой защиты осужденных, являющихся инвалидами, несовершеннолетних осужденных, осужденных беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей;

– обеспечение оказания медицинской помощи, а также создание улучшенных условий содержания осужденным инвалидам и лицам, не способным или ограниченно способным обслуживать

себя самостоятельно, в том числе техническими средствами, исходя из возможностей исправительных учреждений с учетом ограничений жизнедеятельности этих лиц.

Однако следует отметить, что на сегодняшний день не все указанные положения Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года реализованы.

Осужденные к лишению свободы имеют такое же право на надлежащую медицинскую помощь и лечение, как и все граждане Российской Федерации. Вместе с тем порядок реализации этого права существенно отличается, так как осужденные содержатся в исправительных учреждениях, где предусмотрены режимные требования.

Необходимо осознавать и то, что уровень медицинского обслуживания в исправительных учреждениях влияет на здоровье персонала и членов их семей, а также общества в целом. В первую очередь, речь идет об инфекционных заболеваниях, самым распространенным среди которых является туберкулез.

Психические расстройства, не исключая вменяемости, влияют на поведение осужденных и могут являться причиной нарушения требований режима. Данные обстоятельства необходимо учитывать в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы, возможность осужденным выполнять режимные требования, участвовать в процессе ресоциализации и социальной адаптации, проживать в одинаковых условиях с другими осужденными.

В настоящее время УИК РФ должным образом не урегулировал правовое положение осужденных, имеющих заболевания. Вид заболевания и другие индивидуальные характеристики осужденных не всегда учитываются законодателем. Исключение составляет ч. 4 ст. 130 УИК РФ, предусматривающая, что на строгом режиме в тюрьме не могут содержаться осужденные, являющиеся инвалидами первой и второй группы, а также ч. 7 ст. 117 УИК РФ, согласно которой осужденные женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет в доме ребенка исправительного учреждения, и осужденные женщины, освобожденные от работы по беременности и родам, а также осужденные, являющиеся инвалидами первой группы, в штрафной изолятор, помещения камерного типа и единые помещения камерного типа не переводятся.

Библиографический список

1. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными ООН (1955 и 1977), принятые на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в Женеве // Международная защита прав и свобод

человека: сб. документов. М.: Юридическая литература, 1990. 672 с.

2. Приказ Минюста России от 16.12.2016 № 295 (ред. от 28.12.2017) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» (Зарегистрировано в Минюсте России 26.12.2016 № 44930) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.04.2018).

3. Приказ Минюста России от 28.12.2017 № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.02.2018 № 49980) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.04.2018).

4. Приказ Минюста России от 28.12.2017 № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.02.2018 № 49980) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 24.04.2018).

5. Характеристика уголовно-исполнительной системы на 01.04.2018. URL: <http://фсин.рф/statistics>(дата обращения: 24.04.2018).

6. Обзор о работе с обращениями граждан и организаций в Федеральной службе исполнения наказаний за 2017 г. URL: <http://фсин.рф/statistics> (дата обращения: 25.04.2018).

7. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р. (ред. от 23.09.2015) // СЗРФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

References

1. Minimalnye standartnye pravila obrashcheniia s zakliuchennymi OON (1955 i 1977), priinatyie na pervom Kongresse OON po preduprezhdeniiu prestupnosti i obrashcheniiu s pravonarushiteliami v Zheneve [UN Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (1955 and 1977) adopted by the First United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders in Geneva]. In: Mezhdunarodnaia zashchita prav i svobod cheloveka: sbornik dokumentov [International Protection of Human Rights and Freedoms: collection of documents]. M.: Iuridicheskaiia literatura, 1990, 672 p. [in Russian].

2. Prikaz Miniusta Rossii ot 16.12.2016 № 295 (red. ot 28.12.2017) «Ob utverzhdenii pravil vnutrennego rasporiadka ispravitelnykh uchrezhdenii» (zaregistrirovano v Miniuste Rossii 26.12.2016 № 44930) [Order of the Ministry of Justice of Russia dated December 16, 2016 №. 295 (edited on December 28,

2017) «On the Approval of the Rules of Internal Order of Correctional Institutions» (Registered in the Ministry of Justice of Russia on December 26, 2016 № 44930). Ofitsialnyi internet-portal pravovoi informatsii [Official Internet portal of legal information]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru>. (accessed 24. 04.2018) [in Russian].

3. Prikaz Miniusta Rossii ot 28.12.2017 № 285 «Ob utverzhdenii poriadka organizatsii okazaniia meditsinskoj pomoshchi litsam, zakliuchennym pod strazhu ili otbyvaiushchim nakazanie v vide lisheniia svobody» (Zaregistrirovano v Miniuste Rossii 09.02.2018 № 49980) [Order of the Ministry of Justice of Russia dated 28.12.2017 № 285 «On approval of the order of organization of medical assistance to persons imprisoned or serving a sentence of imprisonment (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 09.02.2018 № 49980)]. Ofitsialnyi internet-portal pravovoi informatsii [Official Internet portal of legal information]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru>. (accessed 24.04.2018) [in Russian].

4. Prikaz Miniusta Rossii ot 28.12.2017 № 285 «Ob utverzhdenii poriadka organizatsii okazaniia meditsinskoj pomoshchi litsam, zakliuchennym pod strazhu ili otbyvaiushchim nakazanie v vide lisheniia svobody» (Zaregistrirovano v Miniuste Rossii 09.02.2018 № 49980) [Order of the Ministry of Justice of Russia dated 28.12.2017 № 285 «On approval of the order of

organization of medical assistance to persons imprisoned or serving a sentence of imprisonment (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 09.02.2018 № 49980)]. Ofitsialnyi internet-portal pravovoi informatsii [Official Internet portal of legal information]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru>. (accessed 24.04.2018) [in Russian].

5. Kharakteristika ugovolno-ispolnitelnoi sistemy na 01.04.2018 g. [Characteristics of the penitentiary system as of 01.04.2018]. Available at: <http://фсин.рф/statistics> (accessed 24.04.2018) [in Russian].

6. Obzor o rabote s obrashcheniiami grazhdan i organizatsii v Federalnoi sluzhbe ispolneniia nakazanii za 2017 g. [Review of the work with appeals of citizens and organizations in the Federal Service for the Execution of Punishments for the period of 2017]. Available at: <http://фсин.рф/statistics> (accessed 25.04.2018) [in Russian].

7. Kontseptsia razvitiia ugovolno-ispolnitelnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda, utverzhdenaia raspriazheniem Pravitelstva RF ot 14 oktiabria 2010 №1772-r. (red. ot 23.09.2015) [Concept of development of the penitentiary system of the Russian Federation until 2020, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated 14.10.2010 № 1772-r. (revised as of September 23, 2015)]. SZ RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2010, no. 43, Article 5544 [in Russian].

E. I. Ugolkova*

THE RIGHT OF CONVICTS TO HEALTH CARE AND HEALTH SERVICE SUPPORT AS AN INDISPENSABLE COMPONENT OF THEIR RESOCIALIZATION

The article analyzes the concept and content of the right of prisoners sentenced to deprivation of liberty for the protection of health and health care, its legislative regulation, international recommendations, as well as the problems of securing this right, taking into account the resocialization of prisoners in prisons. The author analyzed statistical data of the Management of the Federal Penitentiary Service of Russia; review of appeals of convicts, detainees and their relatives to the Federal Penitentiary Service of Russia for 2017 on the issues under consideration; shortcomings of the criminal–executive legislation of the Russian Federation are revealed, concrete proposals are given for its improvement. In the author's opinion, the health of convicts affects their behavior and may be a reason for violating the regime's requirements. These circumstances must be taken into account in the process of execution of sentence in the form of deprivation of liberty. However, at present, UIC of the Russian Federation has not properly regulated the legal status of convicts who have a disease. The type of illness and other individual characteristics of convicts are not always taken into account by the legislator.

Key words: convicts; legal status of convicts, right to health care and medical care, resocialization of convicts.

---

* *Ugolkova Elena Ivanovna* (7801956@mail.ru), Department of Criminal Law and Criminology, All-Russian State University of Justice, building 1, 2, Azovskaya Street, Moscow, 117638, Russian Federation.

УДК 343.1

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-148-153

П. М. Стольников*

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье анализируются отдельные проблемы обеспечения процессуальной самостоятельности следователя в российском уголовном процессе. Автор отмечает непоследовательность и противоречивость норм современного российского уголовно-процессуального законодательства, регулирующих участие следователя в производстве по уголовному делу, что порождает проблемы в практике их применения. Недостатки уголовно-процессуального законодательства рассматриваются как один из факторов, снижающих процессуальную самостоятельность следователя. В статье исследуется влияние на процессуальную самостоятельность следователя ведомственного и судебного контроля, а также прокурорского надзора, при этом усмотрение следователя принимается как основная форма реализации его процессуальной самостоятельности. Внимание читателя акцентируется на значительной дискуссионности данных вопросов. Подводя итог, автор вносит предложения по совершенствованию российского уголовно-процессуального законодательства и устранению дублирующего контроля за деятельностью следователя.

Ключевые слова: следователь, процессуальная самостоятельность, усмотрение следователя, руководитель следственного органа, прокурор, судебный контроль.

Исторически в российском уголовном судопроизводстве следователь является одним из ключевых участников. Современное российское уголовно-процессуальное законодательство, относя следователя к стороне обвинения, закрепляет за ним целый комплекс процессуальных функций, связанный не только с осуществлением уголовного преследования, но и с обеспечением законных прав и интересов участников процесса в процессе расследования. По мнению известного российского ученого В. М. Быкова, «следователь на досудебных стадиях уголовного процесса в настоящее время выполняет такие процессуальные функции, как расследование преступлений, обвинение и разрешение уголовного дела (имеется в виду прекращение следователем уголовного дела) [1, с. 3]. Вся уголовно-процессуальная деятельность в итоге должна быть направлена на достижение назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Особенности процессуальной деятельности следователя и стоящие перед ним задачи определили появление в УПК РФ специальной нормы, закрепляющей специфику процессуального положения следователя в современном российском уголовном процессе. В соответствии с положениями п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следователь наделен процессуальными полномочиями, связанными с самостоятельным направлением хода расследования и принятием решений о производстве след-

ственных и иных процессуальных действий. Данная норма имеет принципиальное значение для понимания процессуального положения следователя в отечественном уголовном судопроизводстве. Наделение следователя процессуальной самостоятельностью является закономерным, поскольку именно следователь лучше иных участников процесса ориентирован в материалах уголовного дела, в устанавливаемых фактах, в имеющихся по делу доказательствах. У следователя есть возможность произвести квалификацию преступления, определить объем обвинения, обозначить направление расследования. На данное обстоятельство обращали внимание отечественные ученые-процессуалисты еще в XX веке [2]. А. П. Гуляев акцентировал внимание на значимости права следователя не соглашаться с указаниями, полученными в рамках ведомственного контроля и прокурорского надзора [3, с. 98].

Уголовно-процессуальное законодательство не дает легального определения процессуальной самостоятельности следователя, а в научной литературе присутствует значительный разброс точек зрения на значение и сущность данного понятия. Одни авторы понимают под процессуальной самостоятельностью следователя комплекс выполняемых им функций [4], вторые – процессуальное право следователя [5], третьи – процессуальную обязанность следователя [6]. Ученые отмечают и то, что процессуальная самостоятельность накладывает на следователя большую ответственность

* © Стольников П. М., 2018

Стольников Павел Михайлович (pavel.stolnikov@yandex.ru), кафедра уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

за принятые решения и произведенные процессуальные действия [7, с. 40].

Основной формой реализации процессуальной самостоятельности следователя можно считать его усмотрение. Усмотрение следователя зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов. Нормативной основой для следственного усмотрения является наличие в УПК РФ достаточно большого числа относительно определенных правовых предписаний. Особенностью применения данных норм является ситуация выбора одного из нескольких допускаемых законом вариантов правомерного поведения. Наличие таких норм в УПК РФ является не недостатком закона, а необходимостью, так как в законодательстве невозможно в полном объеме предусмотреть специфику расследования, все многообразие складывающихся следственных ситуаций.

Усмотрение следователя также связано с традиционным присутствием в российском уголовно-процессуальном законодательстве оценочных понятий и терминов. В первую очередь, усмотрение, связанное с оценкой, реализуется следователем при осуществлении доказывания. С. С. Безруков справедливо указывает на то, что принятию компетентным лицом процессуального решения всегда должен предшествовать анализ собранных фактических данных «с точки зрения их относимости к расследуемому событию, допустимости, достоверности и достаточности для принятия законного и обоснованного решения» [8, с. 38].

Однако усмотрение следователя всегда имеет определенные границы, позволяющие разделить законную степень процессуальной свободы следователя и должностной произвол и снизить риск нарушения прав и законных интересов иных участников уголовного процесса, не наделенных властными полномочиями. Исследователями справедливо отмечается то, что «недостаточная определенность и многозначность некоторых правовых норм, пробелы в законодательстве, которые допускают существенное расширение границ возможных вариантов поведения, могут сильно осложнить процесс реализации права» [9, с. 115]. Следует иметь в виду и то, что реализация следователем процессуальной самостоятельности не должна приводить к ограничению процессуальной самостоятельности иных участников процесса. В частности, как справедливо отмечал С. А. Шейфер, таким процессуально самостоятельным субъектом в уголовном процессе выступает эксперт [10, с. 139].

Для предотвращения злоупотреблениями со стороны следователя при реализации процессуальной самостоятельности уголовно-процессуальный закон вводит систему ограничений усмотрения следователя и его самостоятельности. В целом наличие такой системы сдержек является оправданным и допустимым. Однако нормативное

закрепление системы сдерживающих необоснованное усмотрение следователя мер и особенности правореализации позволяют говорить о наличии в современной практике большого числа проблем, связанных с обеспечением процессуальной самостоятельности следователя. В силу целого ряда причин степень процессуальной самостоятельности следователя нередко сводится до декларативного уровня. Остановимся подробнее на основных механизмах сдерживания процессуальной самостоятельности следователя и возникающих в связи с этим проблемах.

В первую очередь, фактором, сдерживающим процессуальную самостоятельность следователя, является противоречивость и пробельность уголовно-процессуального законодательства. Недостаточный уровень законодательной техники при разработке и принятии норм приводит к негативным последствиям. Процессуальная самостоятельность следователя может быть ограничена из-за конкуренции общей и специальной нормы. Например, ч. 4 ст. 188 УПК РФ закрепляет, что производство видеозаписи допроса может быть проведено по инициативе следователя или по ходатайству допрашиваемого лица. Согласно данной норме, следователь самостоятельно решает вопрос о целесообразности видеозаписи допроса. В то же время, в соответствии с ч. 5 ст. 191 УПК РФ, следователь обязан провести видеозапись допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, если только несовершеннолетний или его законный представитель не дадут согласие на видеозапись. Очевидно, что в данном случае наличие конкуренции общих и специальной уголовно-процессуальной нормы, что в итоге негативно сказывается на следственной практике, когда следователи ищут возможность не соблюдать указание ч. 5 ст. 191 УПК РФ. При этом законодатель закрепил в ч. 1 ст. 191 УПК РФ норму, позволяющую следователю реализовать усмотрение при решении вопроса о приглашении для участия в допросе или педагога, или психолога. Однако, как отмечают исследователи, «закон не дает формальных ориентиров следователю в выборе специалиста в области педагогики и психологии в анализируемой ситуации» [11, с. 43]. Полагаем, что наличие таких нормативных предписаний свидетельствует о недостаточном понимании разработчиками указанных норм особенностей предварительного расследования, задач, решаемых следователем, его процессуальных возможностей. Одновременно возрастает риск нарушения прав тех участников процесса, которые требуют дополнительных процессуальных гарантий и повышенной защиты [12].

В значительной мере процессуальную самостоятельность следователя ограничивает существующая система процессуального контроля и надзора за его деятельностью. В настоящее время предусмотрена подконтрольность процессуальных действий и ре-

шений следователя руководителю следственного органа, прокурору и суду. Получается сложная система ведомственного и судебного контроля, а также прокурорского надзора за деятельностью следователя [13]. В результате реализация следователем процессуальной самостоятельности во многом зависит от позиции руководителя следственного органа и прокурора, а также сложившейся судебной практики. Ситуация усугубляется тем, что нередко контроль оказывается дублирующим. Принимая большинство процессуальных решений, требующих судебного разрешения, следователь по факту должен получить предварительно согласие руководителя следственного органа.

Реформа уголовно-процессуального законодательства 2007 года была призвана освободить следователя от излишней прокурорской опеки, что должно было расширить процессуальную свободу следователя. По мнению Б. Я. Гаврилова, принципиальные изменения процессуального положения прокурора позитивно сказались на качестве следствия [14, с. 126]. Но, ограничив надзорные полномочия прокурора за предварительным следствием, законодатель полностью их не устранил и предусмотрел еще одного контролирующего следователя субъекта – руководителя следственного органа. На практике это привело к тому, что следователь оказался в значительной зависимости от ведомственного руководителя, поскольку значительное число процессуальных решений следователь вправе принять только, согласовав их предварительно с руководителем следственного органа. Это приводит к тому, что усмотрение следователя может вступить в противоречие с усмотрением его ведомственного руководителя, что в ряде случаев негативно отражается на ходе расследования.

Очевидно, что, вводя институт контроля за деятельностью следователя со стороны руководителя следственного органа, законодатель стремился решить проблему недостаточной квалификации и подготовленности следователей, отсутствия у них достаточного опыта следственной работы. Эти негативные проявления действительно распространены в практике следственных органов, что позволяет ученым говорить о неспособности современного российского следователя пользоваться предоставленной ему процессуальной самостоятельностью [15]. Но на данную проблему можно посмотреть и под другим углом: насколько начинающий следователь заинтересован в собственном личностном и профессиональном росте, если и через несколько лет успешной работы он будет вынужден согласовывать каждый второй свой шаг с руководителем следственного органа? Полагаем, что такая ситуация негативно сказывается на деятельности следователей, демотивирует их, убеждает в декларативности норм о процессуальной самостоятельности. Отдельные авторы предлагают в качестве дополнительной гарантии

процессуальной самостоятельности следователя предусмотреть возможность судебного обжалования следователем указаний и решений руководителя следственного органа в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ [16]. На наш взгляд, в условиях действующего законодательства такое нововведение практически невозможно, так как ст. 125 УПК РФ предусматривает обращение за судебной защитой в досудебных стадиях исключительно для обжалования только тех действий должностных лиц органов предварительного расследования, которые причиняют ущерб конституционным правам и свободам участников процесса и затрудняют доступ к правосудию. Поэтому необходимо вести поиск иных путей разрешения противоречия между процессуальной самостоятельностью следователя и усмотрением руководителя следственного органа. Необходимо сократить число ситуаций согласования следователем принимаемых решений с руководителем следственного органа в ситуациях, когда данное решение следователя будет в последующем проверяться или прокурором, или судом.

Проблемным является и вопрос о соотношении процессуальной самостоятельности следователя с прокурорским надзором. Несмотря на сокращение полномочий прокурора в досудебном производстве по уголовному делу, ряд прокурорских решений способен серьезно ограничивать процессуальную самостоятельность следователя. Это касается и вопроса принятия решения о возбуждении уголовного дела, и вопроса достаточного объема следственных действий. Конечно, полная независимость следователя от решений прокурора невозможна. Именно прокурор в итоге будет поддерживать государственное обвинение в суде, и именно он заинтересован в высоком качестве предварительного расследования. Однако в современной следственной практике отсутствует реальная возможность отстаивания следователем своего процессуального решения в случае несогласия с позицией прокурора. Предлагаемый законодателем механизм обжалования следователем решения прокурора и подачи руководителю следственного органа письменных возражений отличается схематичностью и нежизнеспособностью, поэтому не может быть использован следователем для отстаивания своего законного процессуального усмотрения. Здесь необходима корректировка уголовно-процессуального закона.

Не всегда эффективен и судебный контроль за деятельностью следователя. Существующая практика судебного санкционирования производства отдельных следственных действий отличается недостаточной эффективностью. В ряде случаев процедура носит формальный характер практически стопроцентного удовлетворения ходатайств следователя судом, однако требует от следователя значительного времени и усилий. Полагаем, что

действующий механизм судебного санкционирования в стадии предварительного расследования должен быть оптимизирован, необходимо установить разумные пропорции между разрешительным и последующим судебным контролем. Очевидно, что нецелесообразно проверять все проведенные или предполагаемые к проведению действия следователя на предмет законности ограничения конституционных прав граждан и организаций, но должен быть создан эффективный механизм судебного обжалования незаконных действий и решений следователя. Особую остроту вопрос о балансе судебного контроля и процессуальной самостоятельности следователя приобретает в контексте продолжающейся дискуссии о необходимости введения в отечественный уголовный процесс института следственного судьи. Несмотря на то, что ученые обоснованно указывают преимущества данного института в обеспечении принципа состязательности в досудебном производстве [17], в настоящее время отсутствует четкая и детально проработанная концепция его реализации. Отсутствие такой концепции вызывает закономерный вопрос: ограничит ли следственный судья процессуальную самостоятельность следователя? К сожалению, пока в силу схематичности предлагаемой доктринальной модели ответа на данный вопрос нет.

Таким образом, несмотря на закрепленные в УПК РФ нормы о процессуальной самостоятельности следователя, ее практическая реализация затруднена в силу значительного числа проблем. Их решение потребует внесения изменения в уголовно-процессуальное законодательство. Однако эти изменения должны быть системными и стать частью комплексной работы по реформированию предварительного расследования.

Библиографический список

1. Быков В. М. Следователь как участник уголовного процесса со стороны обвинения // Законность. 2012. № 7. С. 3–9.
2. Божьев В. П., Трусов А. И. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя: история и современность // Проблемы формирования социалистического правового государства. Труды Академии. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1991. С. 118–124.
3. Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1981. 192 с.
4. Уланов В. В. Содержание процессуальных функций следователя // Российский следователь. 2008. № 17. С. 18–19.
5. Варганов А. Р. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.

6. Огородов А. Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

7. Уланов В. В. Самостоятельность и независимость следователя при осуществлении процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 2. С. 38–43.

8. Безруков С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. 220 с.

9. Лугинец Э.Ф. Соотношение идеи «процессуальной свободы» и усмотрения следователя // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. № 2–4. С. 115–119.

10. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004. 184 с.

11. Нилюк В. В., Виноградова В. А., Антонов В. А. Регламентация в УПК РФ порядка производства следственных действий с участием малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3. С. 39–52.

12. Марковичева Е. В. Проблема совершенствования процессуального статуса несовершеннолетнего потерпевшего в российском уголовном процессе // Вопросы ювенальной юстиции. 2015. № 1. С. 17–19.

13. Тузова Е. В. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя в свете соотношения процессуальных полномочий прокурора и руководителя следственного органа // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 226–232.

14. Гаврилов Б. Я. Досудебное уголовное производство в XXI веке: видение ученого и практика // Юридический вестник Самарского университета. 2015. № 3. С. 122–131.

15. Горюнов В. В. Процессуальная самостоятельность следователя в свете реформы следственного аппарата // Российский следователь. 2012. № 19. С. 13–16.

16. Якимович Ю. К. О процессуальном положении прокурора, руководителя следственного органа и следователя в современном российском досудебном производстве // Уголовная юстиция. 2013. № 2(2). С. 64–67.

17. Лазарева В. А. Вопросы доказывания в свете идеи формирования в РФ института следственного судьи // Юридический вестник Самарского университета. 2015. № 2. С. 114–121.

References

1. Bykov V. M. Sledovatel' kak uchastnik ugolovnogo processa so storony obvineniya [Investigator as a participant in criminal proceedings on the part of the

prosecution]. *Zakonnost'* [Legality], 2012, no. 7, pp. 3–9 [in Russian].

2. Bozh'ev V. P., Trusov A. I. *Processual'naya samostoyatel'nost' i nezavisimost' sledovatelya: istoriya i sovremennost'* [Procedural independence and self-sufficiency of an investigator: history and modern time]. *Problemy formirovaniya socialisticheskogo pravovogo gosudarstva. Trudy Akademii*. [Problems of formation of a socialist legal state. Works of the USSR Ministry of Internal Affairs Academy]. M.: Izd-vo Akad. MVD SSSR, 1991, pp. 118–124 [in Russian].

3. Gulyaev A. P. *Sledovatel' v ugovnom processe* [Investigator in criminal proceedings]. M.: *Yuridicheskaya literatura*, 1981, 192 p. [in Russian].

4. Ulanov V. V. *Soderzhanie processual'nykh funktsii sledovatelya* [The contents of procedural functions of an investigator]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2008, no. 17, pp. 18–19 [in Russian].

5. Vartanov A. R. *Problemy protsessual'noi samostoiatel'nosti sledovatelya po UPK RF: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Problems of procedural independence of an investigator under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Krasnodar, 2012 [in Russian].

6. Ogorodov A. N. *Protsessual'naya samostoiatel'nost' sledovatelya v ugovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Procedural independence of an investigator in criminal proceedings: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. M., 2017 [in Russian].

7. Ulanov V. V. *Samostoiatel'nost' i nezavisimost' sledovatelya pri osushchestvlenii protsessual'nykh polnomochii v ugovnom sudoproizvodstve* [Independence and self-sufficiency of an investigator in exercising procedural powers in criminal proceedings]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2012, no. 2, pp. 38–43 [in Russian].

8. Bezrukov S. S. *Otsenochnye poniatia i terminy v ugovno-protsessual'nom zakonodatel'stve: dis. ... kand. iurid. nauk* [Evaluation concepts and terms in the criminal procedure legislation. Candidate's of Legal Sciences thesis]. Omsk, 2001, 220 p. [in Russian].

9. Luginets E. F. *Sootnoshenie idei «processual'noi svobody» i usmotreniia sledovatelya* [Correlation of the idea of "procedural freedom" and the discretion of the investigator]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo* [The Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law], 2015, no. 2-4, pp. 115–119 [in Russian].

10. Sheifer S. A. *Sledstvennye deistviia. Osnovaniia, processual'nyi poriadok i dokazatel'stvennoe znachenie* [Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary value]. M.: Yurlitinform, 2004, 184 p. [in Russian].

11. Nikolyuk V. V., Vinogradova V. A., Antonov V. A. *Reglamentatsiia v UPK RF poriadka proizvodstva sledstvennykh deistvii s uchastiem maloletnego i nesovershennoletnego poterpevshego* [Regulation of the procedure for the production of investigative actions involving a minor victim in the Code of Criminal Procedure]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 3, pp. 39–52 [in Russian].

12. Markovicheva E. V. *Problema sovshenstvovaniia protsessual'nogo statusa nesovershennoletnego poterpevshego v rossiiskom ugovnom protsesse* [The problem of improving the procedural status of a minor victim in the Russian criminal procedure]. *Voprosy iuvenalnoi iustitsii* [Issues of Juvenile Justice], 2015, no. 1, pp. 17–19 [in Russian].

13. Tuzova E. V. *K voprosu o processual'noi samostoiatel'nosti sledovatelya v svete sootnosheniia processual'nykh polnomochii prokurora i rukovoditelia sledstvennogo organa* [On the issue of procedural independence of an investigator in the light of the ratio of procedural powers of the prosecutor and the head of an investigative body]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 10, pp. 226–232 [in Russian].

14. Gavrilov B. Ya. *Dosudebnoe ugovnoe proizvodstvo v XXI veke: videnie uchenogo i praktika* [Pre-trial criminal proceedings in the 21st century: the scientist's vision and practice]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Legal Journal of Samara University], 2015, no. 3, pp. 122–131 [in Russian].

15. Goryunov V. V. *Processual'naya samostoiatel'nost' sledovatelya v svete reformy sledstvennogo apparata* [Procedural independence of an investigator in the light of the reform of investigative apparatus]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2012, no. 19, pp. 13–16 [in Russian].

16. Yakimovich Yu. K. *O processual'nom polozhenii prokurora, rukovoditelia sledstvennogo organa i sledovatelya v sovremennom rossiiskom dosudebnom proizvodstve* [On the procedural state of the prosecutor, head of an investigative body and an investigator in the modern Russian pre-trial proceedings]. *Ugovnaia iustitsiia* [Criminal Justice], 2013, no. 2(2), pp. 64–67 [in Russian].

17. Lazareva V. A. *Voprosy dokazyvaniia v svete idei formirovaniia v RF instituta sledstvennogo sud'i* [Issues of evidence in the light of the idea of creating the institute of an investigative judge in the Russian Federation]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Legal Journal of Samara University], 2015, no. 2, pp. 114–121 [in Russian].

ISSUES OF ENSURING PROCEDURAL INDEPENDENCE OF AN INVESTIGATOR IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article analyzes certain problems of ensuring the procedural independence of an investigator in the Russian criminal process. The author notes the inner inconsistency of the norms of modern Russian criminal procedural legislation concerning the participation of an investigator in criminal proceedings, which raises problems when trying to apply said norms practically. The author also claims these issues of the criminal procedural legislation to be one of the factors reducing the procedural independence of an investigator. The article examines the influence of prosecutor's supervision, as well as departmental and judicial control on the procedural independence of an investigator. There is an emphasis on the considerable debatableness of these issues. The article sees the investigator's discretion as the main way of realizing his procedural independence. Summing up, the author makes proposals on improving Russian criminal procedure legislation and disposing of duplicate control over the investigator's activities.

Key words: investigator, procedural independence, investigator's discretion, head of an investigative organization, prosecutor, judicial control.

---

* *Stolnikov Pavel Mikhailovich* (pavel.stolnikov@yandex.ru), Department of Criminal Procedure, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2, Ignatova Street, Orel, 302027, Russian Federation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. Тема докторской диссертации: «Основы теории кодификации уголовно-правовых норм». Автор и соавтор 162 научных работ, в том числе монографии «Основы теории кодификации уголовно-правовых норм» (2001).

Область научных интересов: кодификация уголовно-правовых норм, квалификация преступлений.

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. Тема докторской диссертации: «Современный конституционализм: теоретико-правовой анализ». Автор и соавтор более 400 научных работ, в том числе монографий: «Современный конституционализм: вопросы теории и истории» (1998); «Право: нормативность и девиантность» (2018).

Область научных интересов: теоретические концепции конституционализма и федерализма, проблемы соотношения и взаимодействия государства и гражданского общества, теоретико-правовые аспекты юридической конфликтологии.

Бибик Олег Николаевич, доктор юридических наук, кафедра уголовного права и криминологии юридического факультета, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского. Тема докторской диссертации: «Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты». Автор и соавтор 80 научных работ, в том числе монографий «Источники уголовного права Российской Федерации» (2006), «Введение в ювенальное уголовное право Германии» (2009), «Введение в культурологию уголовного права» (2012), «Культурная обусловленность уголовного наказания» (2013), «Преступления, обусловленные особенностями культуры, в российском и зарубежном уголовном праве» (2014).

Область научных интересов: источники уголовного права, культурологический подход в уголовном праве и криминологии, экономический анализ уголовного права.

Безверхов Артур Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. Тема кандидатской диссертации: «Должностные (служебные) преступления и проступки». Тема докторской диссертации: «Имущественные преступления». Автор и соавтор более 200 научных работ, в том числе монографий «Имущественные преступления» (2002), «Уничтожение и повреждение имущества: вопросы истории, теории,

практики» (2010), «Энциклопедия уголовного права. Т. 18. Преступления против собственности» (2011), «Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года» (2013), «Памятники Российского права: учебно-научное пособие. Том IX. Законодательство первой половины XIX века в сфере публичного права» (2017).

Область научных интересов: уголовное право России, уголовная политика, криминология, противодействие экономическим и служебным преступлениям.

Щукина Нина Петровна, доктор социологических наук, профессор, кафедра истории Отечества, медицины и социальных наук, Самарский государственный медицинский университет. Тема кандидатской диссертации: «Рабочий класс Среднего Поволжья в 1907–1914 гг». Тема докторской диссертации: «Институт взаимопомощи в социальной поддержке пожилых людей». Автор и соавтор 137 научных публикаций и 43 методических публикаций.

Область научных интересов: социальная политика, социальное программирование, криминология.

Климанова Ольга Валериевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. Тема кандидатской диссертации: «Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений». Автор и соавтор 12 публикаций.

Область научных интересов: квалификация преступлений, согласительные процедуры в уголовном процессе, ресоциализация и социальная адаптация бывших осужденных.

Пивоварова Анастасия Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. Тема кандидатской диссертации: «Правосознание и усмотрение судьи: соотношение понятий, роль при назначении наказания». Автор и соавтор 14 научных работ и публикаций.

Область научных интересов: принципы уголовного права, уголовное наказание, назначение наказания, правосознание судьи.

Идрисов Ильдар Талгатович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. Тема кандидатской диссертации: «Альтернативные наказания, связанные с трудовым воздействием на осужденных». Автор и соавтор 17 научных работ, в т. ч. монографии «Альтернативные наказания, связанные с трудовым воздействием на осужденных» (2018).

Область научных интересов: система уголовных наказаний, альтернативные наказания с трудовым воздействием на осужденных, исполнение наказаний.

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом уголовно-правовых исследований, Российский государственный университет правосудия. Тема докторской диссертации: «Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних». Автор более 200 научных и учебно-методических работ, среди которых 17 монографий. Основные работы: «Ювенальное уголовное право: теоретико-методологические и историко-правовые аспекты» (М., 2001); «Ответственность за преступления против несовершеннолетних по Российскому уголовному праву» (СПб., 2002); «Проблемы Российской уголовной политики» (М., 2014, в соавт.); «Проблемы теории юридических фактов в уголовном праве» (М., 2015, в соавт.).

Область научных интересов: проблемы общей теории уголовного права и криминологии, социальный и криминологический анализ проблем предупреждения преступных посягательств на несовершеннолетних и подростковой преступности; проблемы уголовной политики и уголовного правотворчества.

Идрисов Наиль Талгатович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации. Тема кандидатской диссертации: «Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблемы правового регулирования». Автор и соавтор 30 научных работ.

Область научных интересов: квалификация преступлений, уголовно-правовая норма, уголовно-правовой запрет, правовое предписание.

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии, юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Тема докторской диссертации: «Теория и прикладные проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания». Автор и соавтор более 450 работ, в том числе монографии «Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания» (М., 1992).

Область научных интересов: проблемы уголовного и уголовно-исполнительного права, защита прав личности, правовое положение лиц, отбывающих наказание.

Борсученко Светлана Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России). Тема кандидатской диссертации: «Контроль за соблюдением прав и законных интересов осужденных к лишению свободы Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации». Автор и соавтор 124 научных работ, в том числе 6 монографий: «Условное осуждение и (или) “система испытания”?» (2011), «Контроль за деятельностью персонала учреждений и органов, исполняющих наказания» (2013), «Пробация: международные рекомендации, зарубежный опыт» (2015); 9 учебников (7 из которых с грифом УМО), более 40 учебно-методических работ.

Область научных интересов: уголовная политика, система и виды наказаний, иные меры уголовно-правового характера, освобождение от уголовной ответственности и от наказания, уголовно-исполнительное право, международные и зарубежные аспекты уголовно-исполнительной сферы.

Адоевская Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. Тема кандидатской диссертации: «Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России». Автор и соавтор 60 научных работ, в т. ч. монографий «Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России» (2009), «Ответственность за кражу по современному праву России: основание и дифференциация» (2012).

Область научных интересов: принципы уголовного и уголовно-исполнительного права, экономические и служебные преступления.

Усеев Ренат Зинурович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе, Самарский юридический институт ФСИН России. Тема кандидатской диссертации: «Правовые проблемы перемещения осужденных к лишению свободы из одного учреждения уголовно-исполнительной системы в другое». Автор и соавтор 90 научных работ и публикаций, в т. ч. двух монографий: «Теоретико-правовые проблемы изоляции осужденных к лишению свободы при их перемещении из одного учреждения уголовно-исполнительной системы в другое» (2009); «Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы: теоретико-правовые и организационные аспекты» (2017).

Область научных интересов: уголовно-исполнительное право; обеспечение безопасности в уголовно-исполнительной системе.

Хаснутдинов Ренат Рафаильевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России. Тема кандидатской диссертации: «Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона». Автор и соавтор 58 научных работ и публикаций, в т. ч. трех монографий.

Область научных интересов: методология системного подхода к юридической ответственности, проблемы оказания бесплатной правовой помощи гражданам и осужденным к лишению свободы.

Халилов Рафик Нуруллоевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Тема кандидатской диссертации: «Территориальные органы Федеральной службы исполнения наказаний как субъекты процесса исправления и реабилитации осужденных к лишению свободы». Автор и соавтор 21 научной публикации, в т. ч. монографии «Реализация уголовно-исполнительной политики в сфере исправления осужденных».

Область научных интересов: проблемы уголовно-исполнительного права, криминологии.

Никитина Бэла Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет. Тема кандидатской диссертации: «Экологическая культура и ее формирование у современных школьников». Автор и соавтор 47 научных и 16 методических работ.

Область научных интересов: социальная политика, гражданское общество, социальный активизм, волонтерство.

Голенко Диана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева». Тема кандидатской диссертации: «Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики». Автор и соавтор свыше 20 научных работ.

Область научных интересов: конструирование составов преступлений, наказание и иные меры уголовного правового характера.

Розенцвайг Анна Игоревна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. Тема кандидатской диссертации: «Преступления против собственности, совершаемые путем обмана и злоупотребления доверием: вопросы истории, теории, практики». Автор и соавтор 29 научных публикаций, в т. ч. монографии «Преступления против собственности, совершаемые путем обмана и злоупотребления доверием: вопросы истории, теории, практики» (2013).

Область научных интересов: международное право, международное уголовное право.

Мангарова Анна Иванова, профессор, профессор Института исследования обществ и знания, Болгарская академия наук. Тема кандидатской диссертации: «Теоретико-методологические предпосылки социологического исследования социальных девиаций». Тема докторской диссертации: «Экологические риски в трансформирующемся обществе». Автор и соавтор около 90 научных работ и публикаций, в том числе монографий: «Преступность и социальная трансформация» (2001), «Экологические риски в трансформирующемся обществе» (2013), «Экологические проблемы и устойчивое развитие» (2015).

Область научных интересов: социальные риски, риски трансформации, устойчивое развитие, преступность, социальные отклонения, вынужденная миграция.

Ежова Олеся Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры пенитенциарной психологии и педагогики, Самарский юридический институт ФСИН России. Тема кандидатской диссертации: «Формирование у педагогов адаптивных копинг-стратегий поведения как условие сохранения и поддержания их психического здоровья». Автор и соавтор свыше 100 печатных работ научного характера и 47 учебных и учебно-методических пособий, среди которых учебник с грифом УМО и четыре пособия, которым присвоен гриф ФСИН.

Область научных интересов: способы сохранения и поддержания психического здоровья человека, профилактика деструктивного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы, юридическая психология.

Семенова Диана Михайловна, ассистент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета, Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. С 2014 по 2017 г. обучалась в аспирантуре Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева (ранее – Самарском государственном университете) по специальности: 12.00.08. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Автор 10 научных работ.

Область научных интересов: множественность преступлений, дифференциация уголовной ответственности, уголовная политика.

Уголькова Елена Ивановна, аспирант кафедры уголовного права и криминологии, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России). Тема кандидатской диссертации: «Право осужденных к лишению свободы на охрану здоровья и медико-санитарное обеспечение как необходимая составляющая их ресоциализации».

Область научных интересов: уголовно-исполнительное право, правовое положение осужденных, обеспечение прав и законных интересов осужденных, международное сотрудничество в уголовно-исполнительной сфере, опыт зарубежных стран по вопросам исполнения наказаний.

Стольников Павел Михайлович, начальник факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. Тема кандидатской диссертации: «Усмотрение как форма реализации процессуальной самостоятельности следователя».

Область научных интересов: уголовный процесс.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Klenova Tatiana Vladimirovna, Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University. Subject of Doctoral thesis: «Fundamentals of the theory of codification of criminal law». Author and coauthor of 162 scientific works including monograph «Fundamentals of the theory of codification of criminal law» (2001).

Research interests: codification of criminal law, qualification of crimes.

Romashov Roman Anatolievich, Doctor of Law, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Law and Criminology,

Samara National Research University. Subject of Doctoral thesis: «Modern constitutionalism: theoretical and legal analysis». Author and coauthor of more than 400 scientific works, including monographs: «Modern constitutionalism: questions of theory and history»; «Fundamentals of theory of state and law», «Modern constitutionalism: issues of theory and history» (1998), «Law: normalization and deviation» (2018).

Research interests: theoretical concepts of constitutionalism and federalism, problems of correlation and interaction of state and civil society, theoretical and legal aspects of legal conflictology.

Bibik Oleg Nikolayevich, Doctor of Law, Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Dostoevsky Omsk State University. Subject of Candidate's thesis: «Cultural dimension of criminal law and criminology research: theoretical and practical aspects». Author and coauthor of 80 scientific works, including monographs «Sources of criminal law of the Russian Federation» (2006), «Introduction to juvenile criminal law of Germany» (2009), «Introduction to culturology of criminal law» (2012), «Cultural conditionality of criminal penalty» (2013), «Crimes determined by features of culture in the Russian and foreign criminal law» (2014).

Research interests: sources of criminal law, culturological approach in criminal law and criminology, economic analysis of criminal law.

Bezverkhov Artur Gennadievich, Doctor of Law, professor, dean of the Faculty of Law, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Official (service) crimes and misdemeanors». Subject of Doctoral thesis: «Property crimes». Author and coauthor of more than 200 scientific works, including monographs «Property crimes» (2002), «Destruction and damage to property: issues of history, theory, practice» (2010), «Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 18. Crimes against property» (2011), «Draft of the Criminal Code of the Russian Empire of 1813» (2013), «Monuments of the Russian law: academic and research manual. Volume IX. Legislation of the first half of the XIX century in the field of public law» (2017).

Research interests: criminal law of Russia, criminal policy, criminology, counteraction to economic and official crimes.

Shchukina Nina Petrovna, Doctor of Sociological sciences, professor, Department of National History, Medicine and Social Sciences, Samara State Medical University. Subject of Candidate's thesis: «Working class of the Middle Volga Region in 1907–1914». Subject of Doctoral thesis: «Institute of mutual assistance in the social support of the elderly». Author and coauthor of 137 scientific publications and 43 methodical publications.

Research interests: social policy, social programming, criminology.

Klimanova Olga Valerievna, Candidate of Legal Sciences, senior lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Pretrial agreement on cooperation: legal nature, contractual characteristics and problems of qualification of crimes». Author and coauthor of 12 scientific publications.

Research interests: qualification of crimes, conciliation procedures in criminal procedure, resocialization and social adaptation of the former convicts.

Pivovarova Anastasiia Alexandrovna, Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University. Subject of Candidate thesis: «Legal awareness and discretion of the judge: relations between the concepts, role in imposing the punishment». Author and coauthor of 14 scientific works and publications.

Research interests: principles of criminal law, criminal penalty, imposing the punishment, legal awareness of the judge.

Idrisov Ildar Talgatovich, Candidate of Legal Sciences, senior lecturer of Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Alternative penalties, linked with labor

influence on convicted». Author and coauthor of 17 scientific works, including monograph «Alternative penalties associated with labour impact on prisoners» (2018).

Research interests: system of criminal penalties, alternative penalties linked with labor influence on convicted, realization of penalties.

Pudovochkin Yury Evgenievich, Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal and Legal Studies, Russian State University of Justice. Subject of Doctoral thesis: «Criminally-legal and criminology problems of the prevention of crimes against minors». Author of more than 200 research and academic works among which 17 monographs. Basic works: «Juvenile criminal law: theoretical and methodological and historical and legal aspects» (M., 2001); «Responsibility for crimes against minors according to the Russian criminal law» (SPb., 2002), «Problems of Russian criminal policy» (M., 2014, in coauthorship); «Problems of theory of legal facts in criminal law» (M., 2015, in coauthorship).

Research interests: problems of the general theory of criminal law and criminology; social and criminological analysis of problems of prevention of criminal encroachments on juvenile and juvenile delinquency; problems of criminal policy and criminal law-making.

Idrisov Nail Talgatovich, Candidate of Legal Sciences, associate professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. Subject of Candidate's thesis: «Rules of qualification of crimes: concept, types, problems of legal regulation». Author and coauthor of 30 scientific papers.

Research interests: qualification of crimes, criminal-legal norm, the criminal-legal prohibition, legal requirement.

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Law, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Law and Criminology, law faculty, Lomonosov Moscow State University. Subject of Doctoral thesis: «Theory and applied problems of legal status of persons serving sentences». Author and coauthor of more than 150 scientific works, including monograph «Theoretical problems of legal regulation of persons serving sentences» (M., 1992).

Research interests: problems of criminal and criminal-executive law, protection of individual rights, legal status of persons serving a sentence.

Borsuchenko Svetlana Alexseevna, Candidate of Legal Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of the criminal law and criminology the Russian State University for Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia). Subject of Candidate's thesis «The monitoring of observance of the rights and legitimate interests of prisoners by the Ombudsman in the Russian Federation». Author and coauthor of 124 scientific publications, including 6 monographs, among which the most important are: «Conditional condemnation and (or) "test system"» (2011), «Control over the activities of staff of institutions and bodies executing punishment (2013)», «Probation: international recommendations, foreign experience», 9 textbooks (7 of them with the crypto of the AMA), more than 40 educational works.

Research interests: criminal policy, system and types of punishments, measures of a criminally-legal nature, exemption from criminal responsibility and punishment; prison law, international and foreign aspects of the prison system.

Adoyevskaya Olga Aleksandrovna, Candidate of Legal Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Law Faculty, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Differentiation of responsibility for theft according to the criminal law of Russia». Author and coauthor of 60 scientific works, including monographs «Differentiation of responsibility for theft according to the criminal law of Russia» (2009), «Responsibility for the theft, according to the modern law of Russia: establishment and differentiation» (2009).

Research interests: principles of criminal and penal law, economic and business crimes.

Useev Renat Zinurovich, Candidate of Legal Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of the Mode and Protection in a Penal Correction System, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Subject of Candidate's thesis: «Legal problems of movement of convicts to imprisonment from one establishment of a penal correction system to another». Author and coauthor of 90 scientific works and publications, including two monographs – «Theoretical and legal problems of isolation of convicts to imprisonment at their movement from one establishment of a penal correction system to another» (2009); «Safety of a penal correction system: theoretical, legal and organizational aspects» (2017).

Research interests: criminal and executive right; safety in a penal correction system.

Khasnutdinov Renat Rafailievich, Candidate of Legal Sciences, associate professor, deputy head of the Department of State and Legal Disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Subject of Candidate's thesis: «Territorial and extraterritorial operation of the criminal law». Author and coauthor of 58 scientific works and publications, including 3 monographs.

Research interests: methodology of a system approach to legal responsibility, problems of rendering free legal aid to citizens and convicts to imprisonment.

Khalilov Rafik Nurullovich, Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Law, Kazan Federal University. Subject of Candidate's thesis: «Legal regulation of activities of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service in the field of correction and rehabilitation of prisoners sentenced to the deprivation of liberty». Author and coauthor of 21 scientific publications, including monograph «Realization of penal policy in the process of convicts rehabilitation».

Research interests: problems of criminal executive law, criminology.

Nikitina Bela Anatolievna, Candidate of Sociological Sciences, associate professor, Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics. Subject of Candidate's thesis: «Ecological culture and its development in modern schoolchildren». Author and coauthor of 47 scientific and 16 methodical works.

Research interests: social policy, civil society, social activism, volunteering.

Golenko Diana Viktorovna, Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Construction of the elements of crime according to the terminal time: issues of legislative technique and judicial practice». Author and coauthor of over 20 scientific publications.

Research interests: construction of the elements of crime; punishment and other measures of criminal nature.

Rozentsvaig Anna Igorevna, Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law. Subject of Candidate's thesis: «Crimes against property, committed with lie and abuse of trust: issues of history, theory and practice». Author and coauthor of 29 scientific publications including monograph: «Crimes against property, committed with lie and abuse of trust: issues of history, theory and practice» (2013).

Research interests: international law, international criminal law.

Mantarova Anna Ivanova, professor, professor of the Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences. Subject of Candidate's thesis: «Theoretical and methodological assumptions of sociological study of social deviations». Subject of Doctoral thesis: «Environmental risks in a transforming society». Author and coauthor of about 90 scientific works and publications including monographs: «Crime and social transformation» (2001), «Environmental risks in the transforming society» (2013), «Environmental problems and sustainable development» (2015).

Research interests: social risks, transformation risks, sustainable development, forced migration.

Ezhova Olesya Nikolaevna, Candidate of Psychological Sciences, associate professor, professor of the Department of Penitentiary Psychology and Pedagogics, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Subject of Candidate's thesis: «Formation of adaptive coping strategies of behavior in teachers as a condition of preservation and maintenance of their mental health». Author and coauthor of over 100 publications of a scientific nature and 47 educational and methodical manuals, including the manuals with the stamp of UMO and four manuals, which has the stamp of the Federal Penitentiary Service.

Research interests: ways of preserving and maintaining mental health, prevention of destructive behaviour of penal officers, legal psychology.

Semenova Diana Mikhailovna, assistant professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University. From 2014 to 2017 studied for her PhD at Samara State University in 12.00.08. Criminal Law and Criminology; Criminal Executive Law. Author of 10 scientific works.

Research interests: multiple offenses, criminal policy, differentiation of criminal responsibility.

Ugolkova Elena Ivanovna, postgraduate student, Department of Criminal Law and Criminology, All-Russian State University of Justice. Subject of Candidate's thesis: «Problems of realization by convicts of the right to health protection and medical assistance as an essential component of their resocialization».

Research interests: criminal law, legal status of convicts, ensuring the rights and legitimate interests of convicts, international cooperation in the criminal-executive sphere, experience of foreign countries in the enforcement of sentences.

Stolnikov Pavel Mikhailovich, head of the faculty of training of investigators, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. Subject of Candidate's thesis: «Opinion as a form of the investigator's procedural independence».

Research interests: criminal procedure.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – **4 выпуска в год.**

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 8–10 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.